

ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ
БЕСТСЕЛЛЕР

Ксения Букша

ЗАВОД

«СВОБОДА»»

Ксения Букша
ЗАВОД
«СВОБОДА»

[ИЛЛЮСТРАЦИИ АВТОРА]

О-ГИ

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Б90

Оформление и макет Андрея Рыбакова

Букша К. С.

Б90 Завод «Свобода» / Ксения Букша. – М.: ОГИ, 2014. – 240 с. – ил.

ISBN 978-5-94282-720-5

Новый роман Ксении Букши основан на фактическом материале, однако с реализмом (как со старым, так и с новым) он не имеет ничего общего. Устаревшая форма производственного романа в руках современной писательницы совершенно обновилась, а каждая из сорока глав книги написана стилистически обособленно, что создает эффект многослойности текста. Дополнительную конструктивную нагрузку несут авторские иллюстрации. При всем этом книга получилась предельно живой и увлекательной, глубокой и честной.

Книга удостоена премии «Национальный бестселлер» 2014 года.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-94282-720-5

© К. Букша, 2014
© ОГИ, 2014

Содержание

[1. ЦЕНТРАЛЬНАЯ БАШНЯ]	9
[2. ТАСЯ]	17
[3. ДРУЖИНА]	26
[4. ТАНЬ, СОЕДИНИ]	32
[5. АГИТБРИГАДА]	37
[6. ДИРЕКТОР Г. ИНТЕРМЕДИЯ]	40
[7. ЛИЛИЯ]	49
[8. АНТАРКТИДА]	53
[9. ИНГА И ЖЕНЩИНЫ АДА]	60
[10. ИНЖЕНЕР Н]	69
[11. БАЛАНДУ ЖРАТЬ]	74
[12. АСТРА]	79
[13. ЧЕТЫРЕ МИМОЗЫ К 7 НОЯБРЯ]	83
[14. ПОДШИПНИКИ]	88
[15. ЗА КАДРОМ]	93
[16. ИСПЫТАНИЯ]	98
[17. ПЕРВОМАЙ]	105
[18. ТЕАТРАЛ]	115
[19. ЗОЛОТОЙ ШАР]	120

[20. РАЦУХА]	126
[21. ФОРЕЛЬ]	130
[22. ДИСПЕТЧЕР-СЦУК]	135
[23. ЗЕМЛЯНИКОЙ СЛАДКО-ГОРЬКОЙ]	140
[24. ДОЗИМЕТР]	144
[25. КВН]	148
[26. ТУРБА-УРБА]	153
[27. ФИНТЕНСИФИКАЦИЯ]	162
[28. ДИРЕКТОР NN. ИНТЕРМЕДИЯ]	166
[29. РЕЗЬБА В НОСУ]	171
[30. ИТКП]	176
[31. ПЕРЕД РАССВЕТОМ]	184
[32. ДИРЕКТОР L. ИНТЕРМЕДИЯ]	187
[33. ГОБЛИНЫ]	192
[34. ЗВОНОК]	200
[35. СВОЙ]	203
[36. ЧУЖОЙ]	208
[37. БОБЫШКИ]	213
[38. РЕМОНТОПЛИВНОЙ ЗАВОДЧАН]	218
[39. ИНТЕРМЕДИЯ]	226
[40. ИНЖЕНЕР Н]	231

Марку и Саше, без которых
и этой книжки бы не было.

ЗАВОД «СВОБОДА»

[1. ЦЕНТРАЛЬНАЯ БАШНЯ]

Учила ведь одна умная мама сына-первоклашку: увидишь буквы белым по красному, не читай, глупость одна, но то, что я тебе сказала сейчас, никому не говори. Белым по красному над заводом «Свобода»: глупость одна. Над проходной прикреплён прожектор, луч света указывает круто вверх. В луч то и дело залетают множественные снежинки, толкутся там жгучим порошком, мелкие, как искры. При таком морозе снег не то что трещит, а прямо-таки визжит под ногами заводчан, которые не дыша спешат домой навстречу Новому году. Дышать же при таком морозе невозможно, это всё равно, что дышать чёрным перцем. Кажется, если бросить спичку, то снег загорится. И чтобы вверх посмотреть – это тоже никак, хотя если всё-таки попытаться поднять обожжённое морозом лицо, то увидишь кумач над проходной, белые буквы, а над ними луч прожектора, добивающий сквозь

[1. ЦЕНТРАЛЬНАЯ БАШНЯ]

мутное и дремучее небо Нарвской заставы небось аж до космоса, но целью имеющий всё-таки не космос, а часы на Центральной башне – вот что! Часы эти показывают без пяти десять, а сама Центральная башня, и весь недавно восстановленный главный корпус, белеет наверху заметёнными карнизами и уступами.

Товарищи! – хлопает в ладоши, призывая к вниманию. – «Пять мину-у-ут, пять мину-у-ут!» Не бойтесь, ещё два часа. Я имею в виду, что через пять минут мы собираемся и поздравляем друг друга с Новым годом, а затем организованно покидаем цех и прыгаем в трамвай, чтобы дома услышать по радио бой курантов... Внимание! Внимание!

D (рыжий, худой) считает, что блок нужно собрать в этом году, а не оставлять на следующий. Его однокашник Q считает, что... Оля! Давай проведем Новый год вместе. Весь год? Ах, прости пожалуйста, я хотел сказать – встретим. Впрочем, если ты не против, я бы и весь его с тобой, Оленька, провёл. Я бы лучше провела его с D. Он такой же идиот, как ты, но, по крайней мере, иногда молчит. Да конечно-конечно, мы и D с собой возьмём! И закатимся все ко мне. У меня отец дежурит, его не будет всю ночь. Это самое беру на себя! Ну что ты, D, копаешься, доделывай скорее, а то трамваи ходить перестанут. Трамваи до одиннадцати (сажая колесо на графитовую смазку). Да я щас. Ты пока вон сходи Олю позови. А я уже, я уже! Мда? Когда это...

Снаружи морозно, аж дух вышибает. Вообще не помню, чтобы когда-нибудь было так холодно. И я. В блокаду, говорят, было, но я не помню. Э, мы ког-

да на Урале жили, там сорок пять зимой обычное дело. Но там хотя бы воздух сухой. А здесь вон муть какая, марево. У меня бабушка третий день задыхается, она не может такой мороз переносить. Так пусть не выходит. Нет, она и дома тоже.

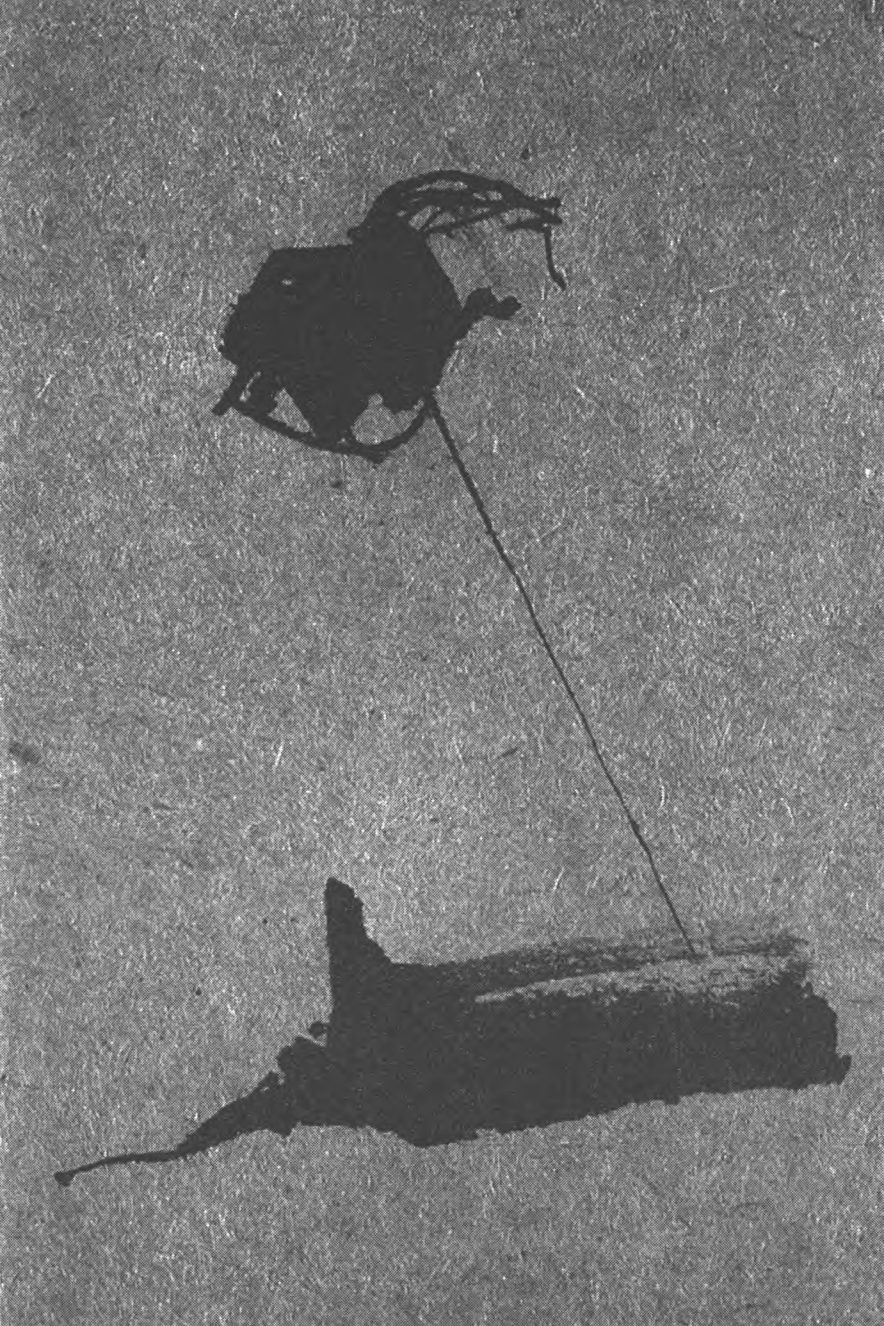
Ух ты, в четвёртом свет горит. Мальчики, сходим посмотреть четвёртый, что там сделали? Я ещё не видела. А сколько времени? Вон сколько. Пошли.

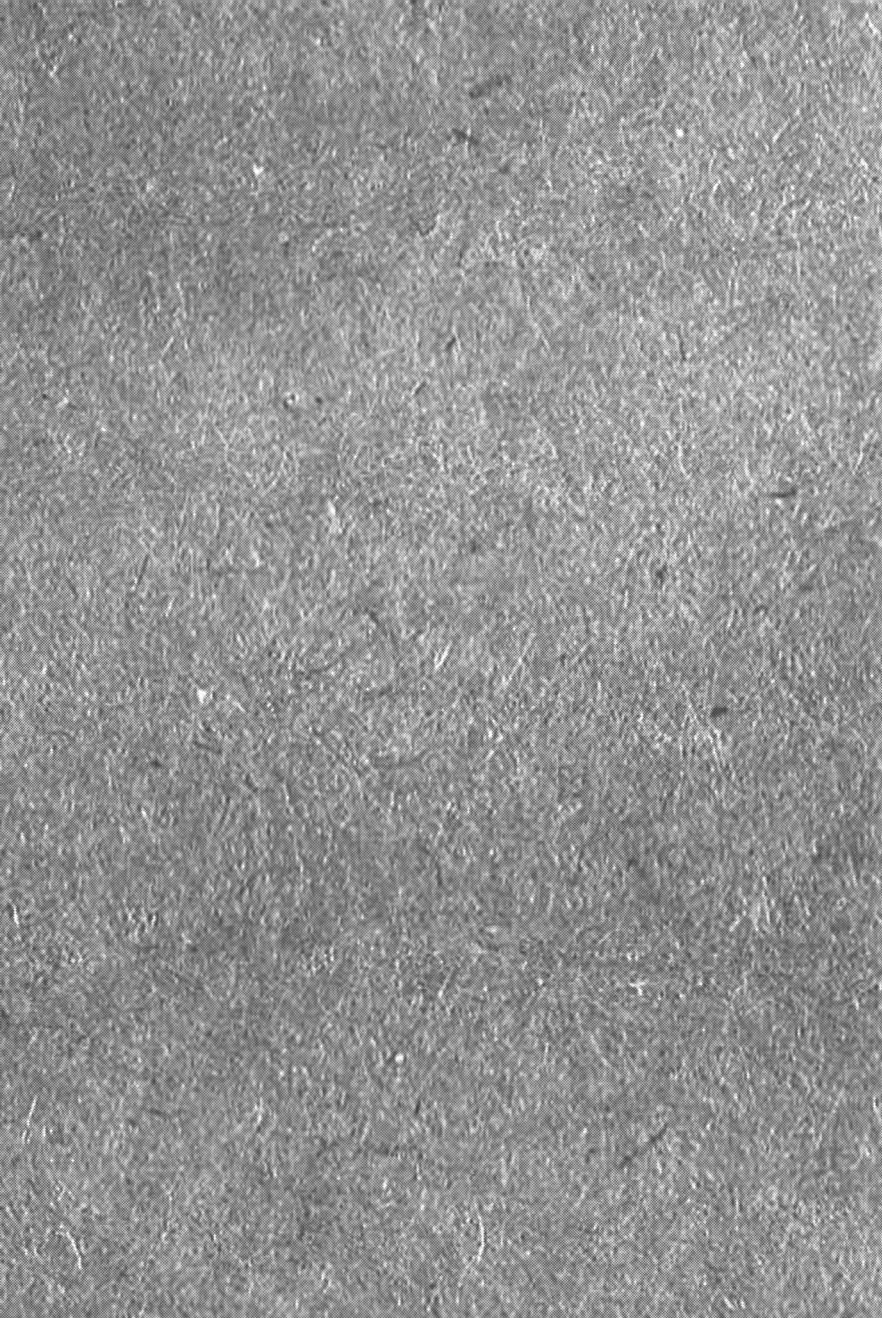
Широкий новый зал четвёртого цеха. За огромными подмороженными окнами резкие тени голых ветвей. Шаги звучат гулко. Летает эхо. Вот это да, что за станки вообще? Трофейные вроде. Мальчики, осторожней. Кто-то идёт.

Дядя, спокойно, мы из пятнадцатого. Девушке показать. А у вас тут шик-блеск, правда? (Валенки, шинель, усы). С Новым годом! Олина улыбка, за такую улыбку можно всё отдать, Оля – контролёр ОТК. А-а, с Новым, ребятки. Да-а, посмотреть-то здесь стоит, да-а. А я думаю, кто такие. Вы уж в следующий раз. А то я в следующий-то раз... А вы, оказывается, из пятнадцатого; самый работающий цех, всегда допоздна. Самый сверхурочный. (Лёгкий запах спирта.) Да вы присядьте. Побалакайте со мной. Трамвай-то не убежит от вас. А я много чего рассказать... Я же здесь был, ещё когда здесь ничего не было, а я уже был... Я знаете что? Я этот завод же тушил. А вы не знаете. В войну, да-а. Да вы присядьте. Комсомол. Послушайте, что тут творилось, я вам расскажу, а то вы не знаете.

«Свободу» мы тушили уже весной, это был... да-а, по-моему, это был май сорок второго года. Фабрика тут тогда текстильная была. Да-а... загорелась от фугаса. А в пять вечера артобстрел. Ста-

ли навешивать, да-а... И мы под огнём тушим, сумасшедшее дело. Двадцать пожарных расчётов тушили, приехали, вся Нарвская застава, считай... Приезжаем, всё горит, от первого этажа до последнего. Навстречу ребятишек ведут бегом, садик там был, можете себе представить... сирот собрали со всей заставы. Я Димке: соседние корпуса прикрой. А я знал, что там склад хлопковый, ужас что такое. И ещё силовая станция, тоже если бы сгорела... Димка со своими туда, а мы – к главному... а он всё сильнее, прямо на глазах. В цехах полно хлопка было, так горящий хлопок прямо выбрасывало из окон, внутри месиво, перекрытия-то на фабрике маслом пропитанные, огонь их жрал, как бумагу всё равно. Мы пацанов из комсостава бросили тушить второй этаж, ремонтный цех, думали, там безопасней, а сами давай на четвёртый... а тут рядом хлоп в торец здания, и полегли все пацаны, вот так... Но мы тогда даже не знали... Ничего не разобрать! Балки падают, насос снарядом повредило – вода не идёт, рукава рваные. Потом гляжу, кровля рушится. Всё, говорю, уходим... Добежали до второго – лестниц нет. Егор Гельфин у нас такой был, он позже погиб уже на фронте... он вслепую вниз прыгал, можете себе представить? Так нам помог выбраться. Вот это – подвиг! А я шёл последним! Меня зацепило, я ничего не соображаю, как глухой всё равно, рванул вперёд, а за мной уже перекрытия трещат, я только выскочил – и всё рухнуло! Но два этажа мы спасли, а Димка склад хлопковый, если бы он рванул, мы бы оказались в кольце, всех бы накрыло. Когда столько топлива, уже просто воздух сгорает и всё как в воронку всасывает,

всё бы тогда, амба! А так... и склад хлопка, и все пристройки, сами видите, что оно всё старое... спасли фабрику... восемь бойцов погибло. Да-а...

Дядя, вы герой! Я-то? Кхе... Да уж, герой там уж, кхе... Вернее, я герой прошлого. А вы герои будущего. Чтоб больше, значит, никто не сунулся, так я говорю? Товарищи, я всё понимаю, но последний трамвай через пять минут уйдёт. До свидания! До свидания! С Новым годом!

Тяжело бежать по морозу. Лицо горит, мельчайшие снежинки жгут щёки, забиваются искристым ворохом под полы пальто. Они вылетают с Воынкиной на Калинина, уже слыша глухой скок впотмах. Из-за поворота выезжает фонарь. Изо всех сил они мчатся к остановке, Q тащит Олю под руку, они заскакивают в трамвай, двери закрываются, и тут только становится ясно, что D давным-давно отстал. Вон шагает его тощая расхристанная фигурка, бачки в инее, ушанка сбилась набок. Трамвай набирает ход.

Ты куда смотрел, Q?! А я виноват, что он так плохо бегаёт? Я думал вообще-то, что он тоже с нами... Надо было его тоже под руку взять! Слушай, Оленька, а если разобраться, зачем нам вообще нужен этот рыжий чудик, нам что, без него плохо? Кто не успел, тот опоздал. Трамвай останавливается; перегон короткий, двенадцать домов, один перекрёсток, – Оля выпрыгивает на пустую снежную мостовую, в трескучие искры, снег под фонарём ярко-оранжевый, как лёд на катке, и вдали, над верхушками деревьев парка Екатерингоф, чёрный куб Центральной башни в мутном небе и яркий столб света над ним, и Оля быстрым шагом идёт вперёд,

[16]

а трамвай вместе с Q со стуком отваливает в стильную мглу Обводного, а навстречу шагает лёгкая фигурка D, он начинает постепенно различать Олю, а нам их больше не видно.

[2. ТАСЯ]

Тася, крикает Борис Израилевич, и в воздухе короткое время витает неслышное, но явственное проклятие неизвестно кому. Значит, Тася, – и, приблизив к лицу личное дело, кадровик читает: год рождения 1942, место рождения Ленинград, родители неизвестны. Борис Израилевич морщится, против своей воли представляя иней на полу, обрывки обоев и прочее. Я детдомовская. Из ФЗУ, значит? Так. Прислали? Распределили? Нет, я сама хочу. На радио-заводе хочу работать. Борис Израилевич поднимает глаза. Ну так это же отлично! Пойдём, я тебе покажу наш завод. Кем мы тебя можем взять? Можем, например, ученицей-прессовщицей, в двенадцатый цех. Там много девчонок, будут тебе подружки. Хочу, хочу!

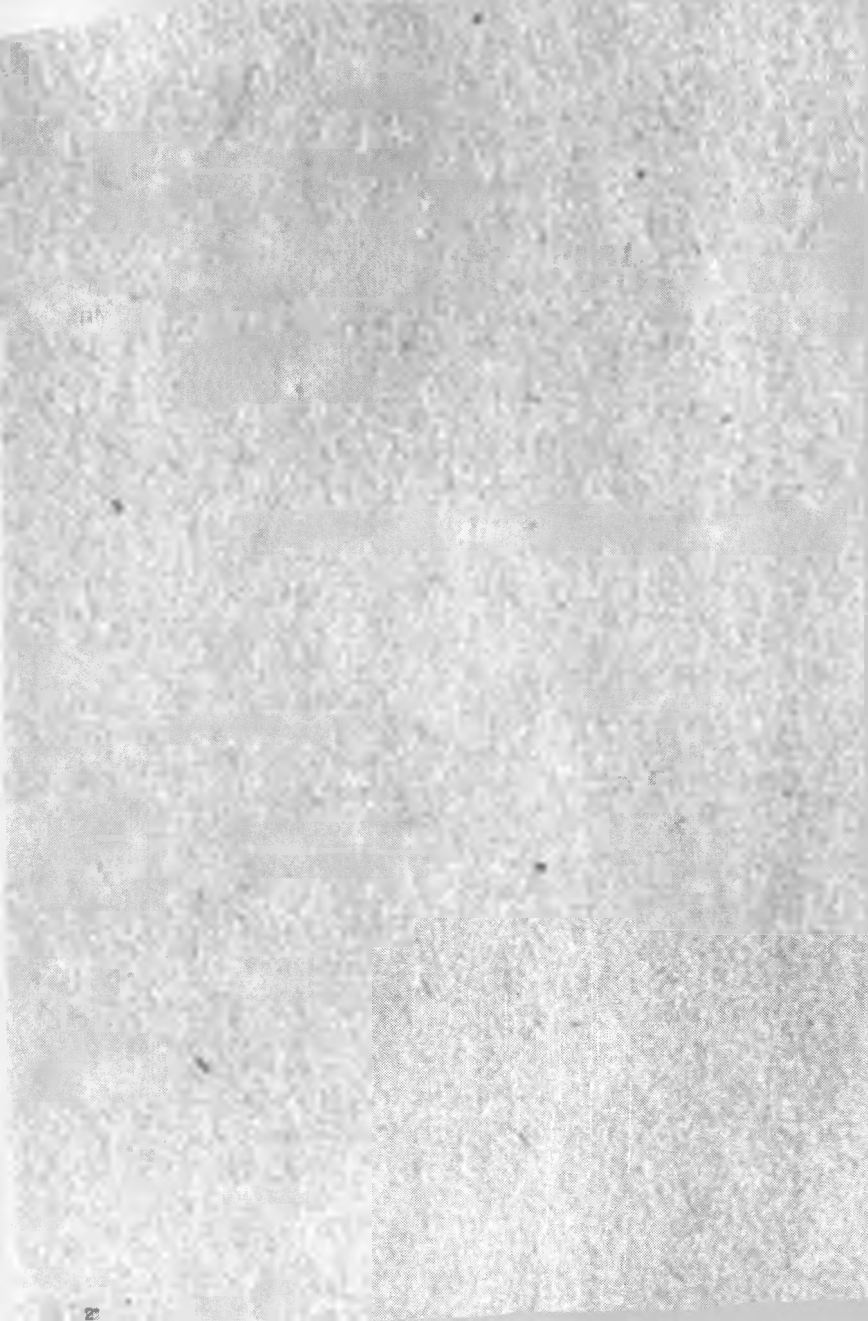
Шагают двором. Один хромает, другая семенит. Ой, кто это был? Да, товарищ С у нас большой человек. Сильный, наверное? Да, лифт может поднять одной рукой. А на войне он, слышь, несколько тан-

[2. ТАСЯ]

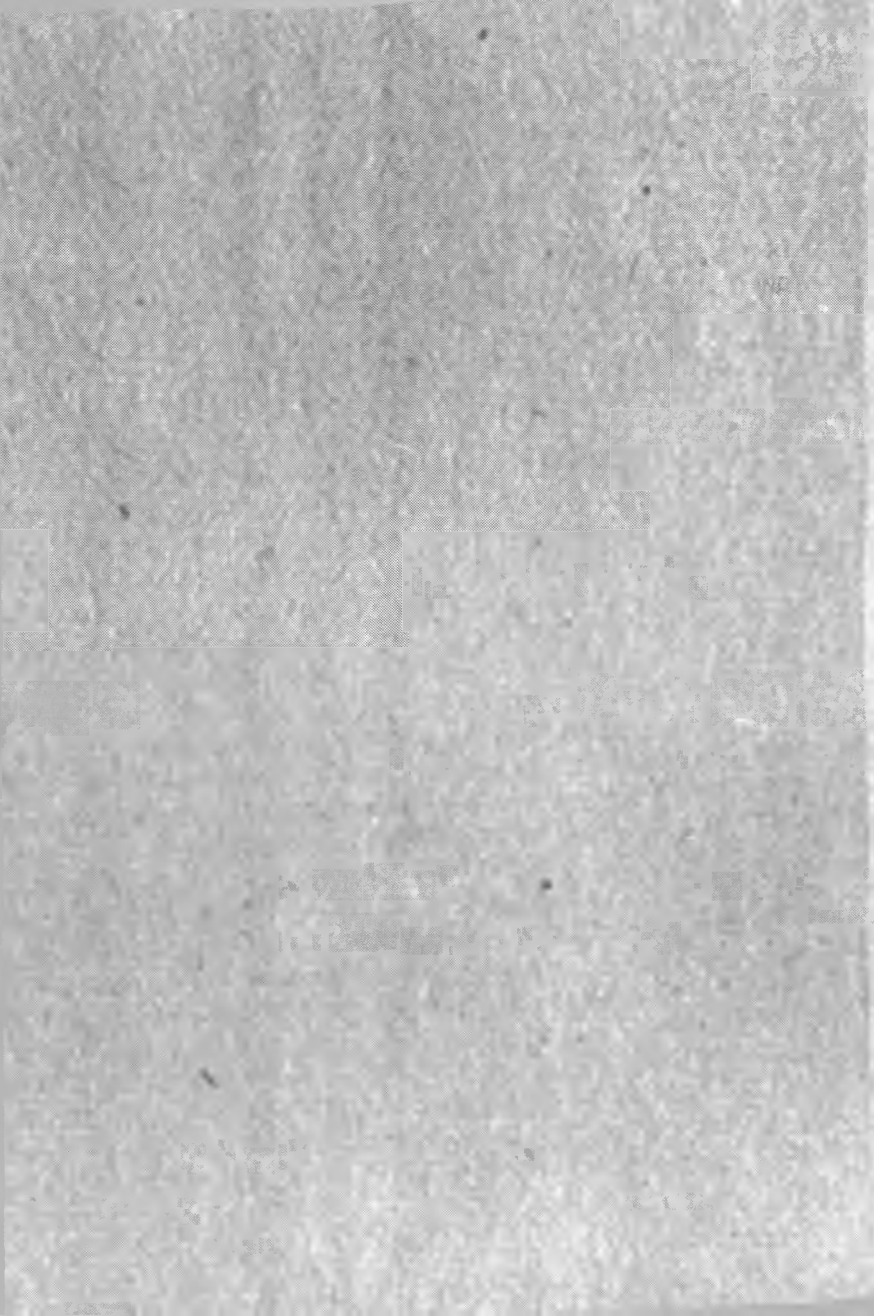
ков подорвал. Ордена имеет. Ой, а пойдёмте сначала к нему, вдруг мне там у них понравится?!

Механизмы. Верёвки. Блоки. Израилевич, это что, и есть обещанное пополнение? Да так, есть у меня сегодня лишние полчаса... делаю девчужке экскурсию по заводу. Кадров-то не хватает. Диспетчером-то что, там физическая сила не нужна. Костя, земля ему пухом, вообще без руки был же. Ну так он и... Ладно, молчи уж. Диспетчером хочешь быть, Тася? У тебя будут всякие там лифты, подъёмные механизмы, все эти ленты, чтобы подавать вовремя детали, из которых собираются приборы? Тася, а? (Лицо, как блюдечко, поднято вверх, глаза широко раскрыты: там, на высоте, где верёвка перекинута через блок... у самого карниза... что-то белеет...) Не смогу я здесь, наверное... я вот лучше, лучше я вот... прессовщицей... Ну, всё ясно. Ну правда, нам лучше нормального парня. Скоро ещё набор придёт, всё, я вам обещаю железно.

Приходят в двенадцатый. Привет, девочки. Вот, веду вам новую ученицу. Знакомьтесь – Тася. Вот, Тасенька, здесь мы игрушки делаем. Прессуем, значит, пластмассу – получается сразу целое игрушечное ружьё. Новые станки, самые передовые методы. Конечно, считается вредная работа – пластмассу и полистирол прессовать, тебе пока нельзя здесь по закону, но – можешь начать комплектовщицей или упаковщицей. У нас тут весело. Смотри, это раздевалка, а это душ! А вечером молоко дают. А от профсоюза билеты бывают бесплатные, мы однажды даже на саму Любченко попали, представляешь? Ну, ты решилась, дочка? Я пошёл? Погодите... Что такое? Не хочешь здесь работать? Только не обижайтесь, пожалуйста! Просто я ещё не поняла. Пожалуйста, можно

я ещё цеха посмотрю? Ой, да кто на тебя обижают-ся? Посмотри да и приходи к нам! Да, Тася, пойдём, посмотрим, конечно. Только недолго, у меня времени мало.

Ну что такое, в чём дело?! Я игрушки делать не хочу. Вот те на! Ты что это?! Это что за капризы?! Я на радиозаводе хочу работать, а не игрушки делать. Опля, Тасенька... Ну... раз так... пойдём тогда, где токаря да фрезеровщики. В девятый. Но предупреждаю, там коллектив мужской. Там нянчиться никто не будет. А ты работы не боишься? А резец заточить сумеешь? Меня же учат, радостно шепчет Тася. Я на станке хочу и буду! Ну и ну. На станке она. Ладно, пошли.

Привет, Израилевич! А это что тут с тобой такое? Тася?! Это что за имя такое?! В детдоме так называли? Не, Тася – это нам не подходит, будешь у нас сразу целая Анастасия. По букве на каждый сантиметр росту. Ха-ха-ха! Где у нас тут скамеечки были? Z делал скамеечки, помнишь? Да ей таких целых две надо будет. Тася, ну как тебе здесь, ничего? Ну, молодец! Вы, парни, языки-то того этого, она по специальности, между прочим, как и вы, будет токарь. Вот так-то. Ну, смотри, Тася, вот, например, товарищ К. Он тоже начинал, как и ты, ещё учился, а теперь вон на доске висит каждый квартал. Показывай, какие ты детали работаешь. Ой, какие малюсенькие! Здорово! Нравится? Хочешь такие делать? Хочу... но... я что-то... подождите.

Чёрт подери. Тася. Чего ждать?! Я с тобой ничего сегодня не успею. Всё, Тася, я не знаю, что с тобой делать. Туда ты не хочешь, там – не желаешь. Я, знаешь, не люблю таких, как ты. Капризных. Знаешь как: если уж пришёл работать, то не выбираешь, а идёшь куда скажут. Выбирать-то тебе тут, между прочим, не

очень-то и дадут. Это я с тобой нянчусь непонятно зачем. Всё, пошли обратно в двенадцатый цех, и баста. О-о-ой, ну всё, вот этого вот я вообще терпеть не могу, это что за вода...

Борис Израилевич, привет, это что тут у вас за раскардаш? А это вот, видите, к нам барышня на завод пришла. Тася зовут. Я её вожу, всё показываю. А она – то не хочу, это не умею. Так. Всё ясно. Борис Израилевич, вы можете идти к себе. Я потом сообщу вам о результатах трудоустройства товарища... как ваша фамилия? Товарища М. Итак, где бы вы хотели трудиться? На радиозаводе, это я понял. Что бы вы хотели делать? Каждый день?

Я конструировать люблю... Конструировать? Это значит, механизмы любите, так? Да... я даже у нас в детдоме однажды часы починила. Часы починила? Да... и на конкурсе моделирования первое место, с движущейся моделью экскаватора, я придумала, как его сделать, чтобы он взаправду копал, если чуть-чуть подтолкнуть, он потом две минуты копал. Две минуты копал? По-всамделишному копал экскаватор? А что он копал, если не секрет? Песок. Я принесу вам и покажу, если надо. Пожалуйста, можно мне в такой цех пойти, где конструируют? Пожалуйста! Хотя бы ученицей, я справлюсь, честное слово!

М-гм. Ну что я могу тебе сказать. У нас действительно есть такой цех. Называется – сборочно-механический. Собирают там из деталей блоки, а из блоков – приборы. Вот здесь вот этот цех находится. Да погоди, не радуйся! Чтобы там работать, среднее образование нужно. Понимаешь? А тебе до среднего ещё два года. Три даже? Мда. Ну ладно. Пойдём.

Товарищи, здравствуйте. Знакомьтесь: это товарищ М. Будет работать у вас учеником слесаря-сборщика. Да, она будет первой девушкой в вашем цеху, и я попрошу вас проявлять особую чуткость, товарищескую ответственность и лояльность. Если через месяц, Тася, я услышу от мастера, что ты не справляешься, пойдёшь трудиться туда, куда направит Борис Израилевич. Без писка. Идёт? Идёт! Спасибо вам огромное!! А как вас зовут?.. Модель экскаватора завтра с утра ко мне в кабинет.

[3. ДРУЖИНА]

Парк Екатерингоф засыпан ярко-белой черёмухой. Лепестки лежат в воздухе слоями, вздуваются рассыпчатыми кучами, плывут кружевом по реке, вихрятся в пыли. В шестом часу вечера солнце ещё стоит над пакгаузами, кранами и железными крышами. Весна – острые и яркие запахи, ветерки, напоминания, черёмуха и жареная рыба, гниль и свежесть, окрестная нищета, грохот ржавых острых крыш, – предельно насыщенный воздух, в котором перестаёшь чувствовать голод, холод, усталость, боль, а остаётся только лихорадочная и бессонная восприимчивость к счастью, тяга к непрерывной смене действий, цветов, лиц; вибрирующий, жидкий, радужный воздух беспамятства. Женщина лупит мужчину обрезком ржавой трубы по голове, кровь ливнем стекает по его щекам, он блаженно улыбается. На пороге трущобной лестницы сидит девочка лет восьми, дочь Светки-дворничихи, и рассказывает

страшные истории, а её сестрёнка Вика, в рваных облупленных босоножках, сидит на корточках, сосредоточенно плюёт себе под ноги и возюкает пальцем по асфальтовой серой пыли.

Эх! Где бы драка, ну хоть бы кто-нибудь сегодня подрался, руки чешутся. На тебя бы, Паша, на самого дружину напустить. Надо работать лучше, тогда не будет оставаться столько лишней энергии. Ребята, у меня есть план действий (вынимает из сумки полулитровую мензурку). Ух ты, Таня, где ты такую взяла? У метрологов попросила, сказала, для чего, мне дали. А для чего? А вот для чего (рассказывает). Так: заходим. Я их давно подозреваю в недоливе. Пашка, а ты куда? Нет, мы тебя с собой больше не берём, без обид. Остаёшься караулить, тем более – вдруг драка. А можно сока, пожалуйста? (Три стаканчика по 200 мл. Таня S достаёт мензурку.) Это что у вас? Не волнуйтесь, народный контроль. (Валя-токарь работает на станке, который прозвали в цеху балалайкой, изготавливая самые мелкие детали на заводе.) Да не волнуйтесь вы так. Третий стаканчик с лёгкостью помещается в мензурку поверх двух первых, и здесь на авансцену выходит Вер-рка. Её голос угрожающе вибрирует. Итак. В полулитровой мензурке! Поместилось! Три стаканчика по 200 миллилитров! Позовите заведующего, мы будем составлять акт проверки. Правильно! – кричат покупатели. Мы давно замечаем! Никаких «слушайте», гвоздит Верка, мы тут не слушать пришли! А обвес фиксировать! И мы его – фиксируем! Нам ничего не надо (Валя). И вы не волнуйтесь. Всё будет нормально. Просто так делать нельзя. Правильно? Поэтому мы и составим акт проверки. Потому что

люди хотят пить. А вы не доливаете. Да, да, одобряет народ. Хотим! А вы не доливаете! Мы и сами давно заметили! Но если бы не пришли с мензуркой, вы бы так и продолжали не доливать! Безнаказанность должна быть наказана. Молодцы ребята. Продавщица скисает. (В дверной проём заглядывает Пашка. Это подходящая минута. Была бы. Но Верка бдит, она показывает Пашке кулак, и Пашка живо делает такое лицо, будто и ничего.)

Вчетвером они идут по серой и свежей, тёплой улице. Пашка, а это правда, что ты бывший чемпион города по боксу? Спрашиваешь. Это все знают. А мой приятель – сам А, мы с ним в ремесленном вместе учились и в одной комнате жили. Как это не слышали? Ну, это ты просто боксом не интересуешься, а он – гремит! Он... он вообще гремит сейчас. Даже чемпиона мира этого, свирепого Хью, убрал в первом раунде. И ты с ним в одной комнате спал? А не боялся? Ага, бывало, среди ночи вскочим, и пошёл махач, я иногда свободно даже его на лопатки клал, врёт Пашка. А вот меня положи на лопатки, попробуй! – Верка топорщится поперёк дороги. Коренастая, плотная, глаза у неё мрачные, не на шутку бешеные. Да... положу тебя, обязательно, – говорит Пашка таким тоном, что Валя слегка краснеет, Танечка S возмущённо пыхтит что-то под нос и поправляет очки, а Верке хоть бы что. Давай-давай! – кричит и наскакивает. Пашка аккуратно, лениво берёт Верку поперёк платья и взваливает на плечо, а она брыкается, продолжая свою древнюю, как мир, игру, – но вдруг Пашка прислушивается... принюхивается... ставит Верку с размаху на асфальт, не замечая, что у неё слетела туфля, и устремляется вперёд. Подрался кто-то, – Та-

нечка. Дай человеку любимым делом заняться. Верка скачет к тупле на одной ножке: меня-то подождите, э!

Пашка уже в гуще событий. Валя К присматривается, но, как ни старается, не может понять, кто кого бьёт. И как Пашка с ходу разбирается? Да ничего он не разбирается, бьёт куда попало, и всё. Ты бы, Валя, пошёл ему помог. Нашла что советовать, Валя, не ходи! Девочки, я вас так люблю, говорит Валя К. Фи, я тебе добра желаю, а ты хамишь. Да ты просто боишься драться. Оставил приятеля в беде! Я тогда сама пойду! – Вер-рка подлетает к драке и хватает одного из дерущихся сзади за шею; тот, не ожидав подвоха, теряет равновесие и чуть не падает назад, Верка отцепляется и отпрыгивает. Народная дружина, громко говорит Танечка S, подходя к драке, вот тут-то всё и заканчивается; вернее, конечно, не всё, шум стоит ещё долго, но уже подтягиваются и дворник, и сварливая бабушка с исцарапанными ногами, и поддаёт жару с подоконника многодетная мама, и солидный товарищ вылезает из подъехавшей «Победы», а что за товарищ, неизвестно, и, в итоге, конфликт разбавлен. Пашка, возбуждённый и всклокоченный, но почти невредимый, машет руками и что-то трещит, а солнце уже скрывается за домами, и огромные листья тополей висят в воздухе почти неподвижно, и пахнет озоном: будет гроза.

За ними бежит, шаркая, бабуся с исцарапанными ногами. Миленькие, комсомольцы, помогите! У меня нявестка больная. Бабушка, если больная, то надо доктора. А мы – народная дружина. Ась? Доктор, что доктор, ей доктор никакой не поможет. Придите, Христом-богом вас прошу, помогите, молодая, а умирает,

умрёт ведь. Христом-богом не надо, возражает Валя К, но мы согласны: сходим, разберёмся, что там такое.

Они идут за бабусей. Живём-то мы в углу, полкомнаты, совсем места нет, а у меня два сына, было-то четверо, в войну младшенький умер, а старший без вести на войне пропал, а двое живут со мной, вот младший, он как вы, школу заканчивает, работает, а старший-то пьёт, женился и пьёт, и вот заставил жену... я не знаю, как это сказать-то... Места-то у нас нет, а она больно хотела ребёночка, и как он говорит, вот обманула его... а он её возьми и заставь... это... Аборт сделать (Вер-рка). Да... И бил её, и угрожал, и... совсем затуркал... она и сделала... а только с тех пор лежит и всё... не ест, не спит почти... лежит... ни работать, ничего... уже доктор-то, доктор что... хорошая попалась, Господь её храни... говорит, ну, заберём в психическую, забрать-то мы её можем, но вы же сами понимаете... а вам, говорит, нужно как можно быстрее её из этого состояния вывести... радость ей нужна, а где ж, какая же у нас радость...

Бабуся суетится. Дверь открыта. Низкий потолок, запах сырости и гари: пожар был, что ли. Полумрак. Угарная кухня, полная тесных цветастых женщин. В узком коридоре галдит стайка оборванных дошкольников, ворвавшихся вслед за дружиной с улицы в дом. Боком – в узенькие «полкомнаты». Пашка остаётся снаружи, стоит в дверях. Скучные квадратные метры завалены вещами, заставлены мебелью. Здравствуйте. Мы народная дружина. Нас вот позвали... Зачем? Да мы сами не знаем, зачем. Уходите. Отворачивается к стене, накрывается одеялом.

За некрашеным, разохшимся, заляпанным окном, в сонном пыльном безветрии, темнеет, и это не

ночь: ленинградские ночи в мае белые. Нет, это буря надвигается на Нарвскую заставу с моря. Искося направленным, желтоватым светом озарены напоследок улицы. Валя К вспоминает вдруг, где и когда он видел такой же странный свет: когда был маленьким и они уплывали из Ленинграда на барже. Смотри, сказал Вале старший брат. Валя обернулся на город и увидел над ним фантастическое, зловещее солнце, заревом гремящее по чёрному небу. Мама, там конец света? – спросил Валя. В ту ночь горели Бадаевские склады. Баржи бомбили, та, что ушла перед ними, потонула со всеми пассажирами. Верка мрачно смотрит в окно. Пашка отвернулся во тьму коридора, достал из кармана сахар-рафинад из заводской столовой и раздаёт мелким.

[4. ТАНЬ, СОЕДИНИ]

Нет! Никаких липовых справок! Ты с ума сошла? Хочешь, чтобы нас всех посадили? Мы семья репрессированного, ни на секунду нельзя об этом забывать! Ну и что?! Какие другие времена, какие другие?! Проживёшь с моё и поймёшь, что времена всегда одни и те же! Помолчи, Ляля, дело даже не в этом. Дело в том, Татьяна, что липовая справка – это обман. Законы нужно соблюдать. А закон говорит тебе ясно и чётко: поступила на вечерний – иди работай. Всё, Татьяна. Ты хорошо меня поняла? И Наденьке своей передай. Я, конечно, никуда заявлять не собираюсь, но моё мнение – это бесчестно.

Ну и куда я пойду? На завод?! А почему бы и не на завод? Я не хочу на станке работать! Не хочу! Меня вообще не возьмут на завод, я поступила на фи-ло-ло-га, ты понимаешь?! Выйди вон. Выйди вон, я сказал. А это всё твоё воспитание! Кого я вырастил! Кого я вырастил!

И вот на следующий день две подружки, Танечка и Наденька, идут по улице Волынкиной и стучатся в отделы кадров всех заводов. А заводов на Волынкиной шесть. И везде Наденьку берут, а Танечку нигде не берут. Кто-кто? Где-где? Филолог? Ой, филолог, это, кажется, что-то связанное с «жи-ши»? Вы уж нас извините, но таких вакансий у нас пока нет. Вашу подругу да, а вас нет. Я же тебе говорила. Надь, если тебе здесь нравится, оставайся! Да ты что?! Без тебя?!

Вот остался последний завод на Волынкиной улице, и время уже к пяти. Танечка и Наденька робко стучатся в двери отдела кадров. Здравствуйте, девчонки, меня зовут Борис Израилевич. Ну, с чем пожаловали? Мы вот... на вечерний... я инженер политехнический, а моя подруга университет филологический... Так-так, филологический? Фи-ло-ло-гический... Инженер – это хорошо. Значит, вы обе инженеры? К сожалению, нет... Таня вот – филолог... А-а, филолог! Это же прекрасно, Танечка, что вы – филолог. У нас языки на заводе весьма присутствуют... Без заводского образования русский филолог и не филолог вовсе, а так... Ну что же, подруги, наверное, вы хотите вместе работать? Давайте-ка я вас определю – вот – комплектовщицы требуются в производственно-диспетчерский отдел. Эта работа самая ответственная и нужная на заводе, девчонки. От вас будет зависеть... Всё будет зависеть от вас. Поэтому мы эту работу поручаем только студентам. У нас все студенты работают или упаковщицами, или комплектовщицами. Особенно филологи. Ну, и инженеры тоже. А потом уже становятся филологами и инженерами. Но – со стажем. Да. Поздравляю вас, девочки, с завтрашнего дня вы работаете на «Свободе».

[4. ТАНЬ, СОЕДИНИ]

В цех заходит Р. Это цветущая, знойная дама высокого роста. У неё большое всё. Огромные груди. Высокая причёска, как башня, из чёрных ярких волос. Выпуклые карие глаза. Губы окрашены яркочерным. Девочка, идите ко мне, гудит Р. Это вы – филолог? Будущий... Идите со мной, вы мне нужны. (Кабинет Р нельзя даже назвать кабинетом, это поляна посреди огромного цеха, окружённая пальмами, вьющимися растениями на шпалерах, араукариями и календарями.) Повторите за мной, девочка: МПР2413-Р-ЗУ-58. Танечка: МПР2413-Р-ЗУ-58. Так. А теперь: ТИУ-685-00-Р13. Танечка: ТИУ-685-00-Р13. Теперь, будьте добры, скажите что-то ещё. Всё равно что. *Schlof schein mein voegele.* (Тень удивления в выпуклых карих глазах.) *Mach zu sein oigele?* Так-так... А теперь повторите, пожалуйста, первый номер, который я вам называла. МПР2413-Р-58. Не совсем. Р-ЗУ-58. Хорошо. Теперь смотрите, Танечка. Вот пульт. Вы знаете, что такое диспетчерский пульт? Это сердце предприятия... По пультам проводятся селекторные совещания. Всегда, если кому-то кто-то нужен, он у себя нажимает кнопку и просит вас соединить. И вы мгновенно соединяете. Например, если директору завода нужен начальник сборочного цеха, вы нажимаете вот здесь. А если к ним должен присоединиться главный технолог, то ещё здесь. Если по пультам кто-то не отвечает, вы снимаете трубку и просто звоните ему. Для этого вы должны помнить все заводские телефоны. Кроме того, вы должны знать все десятичные номера всех деталей, которые сейчас находятся в работе. Их порядка тридцати или пятидесяти. Для вас это немного, ведь вы филолог, Танечка, и обладаете быстрой реакцией и прекрасной памятью. Вам остаётся лишь зарабо-

тать профессиональное умение мгновенно переключаться. Вот кто-то звонит. Нажимаем вот здесь. Н дайте! Кто такой Н? Эй, что с пультом? Где R? Не беспокойтесь, я здесь. Это моя ученица. Ученица, . . . , . . . ! Что у вас там творится? Дайте Н! Танечка, нажимаешь вот сюда. Н – это заместитель главного инженера. Не волнуйся, у тебя прекрасно получается.

Тань, соедини с Y! Что со сроками? Вы были у него? Получил, и правильно получил! На девяносто градусов... Ха-ха-ха! Как переделывают?! Тань, где ВРП7831-Р-ПК-8? Всё ещё? Нет, это не АМ-56-У, это АМ-56-Е, причём старая. Работать надо, . . . , потому что!! Соедини с тринадцатым, кто там сегодня! Со-ня, ты обедать собираешься? Он просто . . . !! Я хотел бы понять, что с STD587-О-19. Димон, ты у меня ничего не забыл? В Москву уезжает завтра. У вас коммунистов неохваченных не осталось? Его вызвали в срочном порядке. Сколько надо английских, а сколько русских? В полпятого начинаем по «Шару». Согласуйте перенос сроков! Как уехал?! Улетаем в Северодвинск всей группой организованно семнадцатого, билеты можно будет забрать завтра. Ничего они не распределяли. Соедините с U! Таня, дайте Т. Почему у нас С молчит. Танечка, а где сейчас АКС-547-Л-2117, случайно, не у нас? Значит, надо дозвониться! Какого . . . , . . . ? У нас план летит, а ты мне тут будешь оправдываться!! Да . . . , . . . он . . . за весь квартал . . . ! Прости, Танечка! Тебе не надо в комитет комсомола сходить минут на пятнадцать? Я сейчас дюже орать буду. Не можешь оставить пульт? Заткни тогда, пожалуйста, уши...

На столе торт, вино, цветы. R: Танечка, теперь у тебя диплом, ты филолог, можешь уйти с нашей «Сво-

[4. ТАНЬ, СОЕДИНИ]

боды» куда угодно. Я ведь тоже уйду. Да-да, всё правда. Родственники мужа уехали в Израиль. Регламент такой, девочки; якобы что-то может через меня утечь. Танечка, ты теперь свободна от «Свободы» и можешь пойти в школу учить детей. Можешь стать писателем или журналистом. Можешь заниматься археологией или самолётостроением. Родить детей. Я даже не знаю, что ты ещё можешь. Но если ты захочешь остаться на «Свободе», то я буду знать, кого я оставляю вместо себя. Подожди. Из тебя выйдет прекрасный главный диспетчер. Подожди! Если ты передумает, скажи мне сразу. У тебя есть двадцать четыре часа. Да, кстати, за тобой тут парень заходил один из бухгалтерии, не знаю, как зовут... Таня, ты куда?..

[5. АГИТБРИГАДА]

У меня мама работала на Ленфильме проявщицей киноплёнки. Папа – артист оперетты, я с детства росла за кулисами. Всё просила родителей на сцену взять. Куда, говорят! Папа говорит: ты у нас там свихнёшься! Мама говорит: кто-нибудь тебя охмурит, какой-нибудь нахал. Ну, я – в райисполком, к инспектору по трудоустройству подростков, хочу работать на заводе, и всё! Мама на Ленфильме, папа в театре, а я на завод хочу! Родители, конечно, за голову схватились... Мама говорит, боже, сказала мама, ведь это же дно общества. Это мы дно общества, Верка?! Я – дно общества?! Моя мама считает, что дно. Всё, теперь поздно уже, пришлось родителям смириться... Да, лучше отвёрткой тыкать, чем языком трепать! А поёшь-то откуда? Вот отсюда пою. Из горла! А из фильма, этого, ну как его, можешь? Если ты скажешь, из какого фильма... Девчонки, пошли спать, нам завтра отчаливать. Куда-а?

В Пиндубы. У-у! В Пиндубы! Смотрите, они в Пиндубы собрались. А чо?! Вы чо на нас так смотрите?! А что там такое в Пиндубах, а? Да ладно, они на слабо нас берут. Нет, вы уж лучше сразу скажите, чтоб мы знали, что там такое, в Пиндубах. Да там... да ничего такого в общем-то... просто... у вас парней-то много? Не, Марик не считается, Марик, мы к тебе при всём уважении, но ты ж понимаешь. Настоящие-то парни у вас есть? Запросто может быть и драка. Там в Пиндубах, там народ такой... Вообще в тех деревнях, там сплошные урки. Секретаря обкома однажды... Хорош пугать-то. Мы как запоём... Да вы вообще можете запросто от нас не уехать. Я скажу бабке, чтобы она дождь включила на ночь, и вы завтра не уедете. Дорогу развезёт, и очень даже запросто. А чо? Вам тут плохо? Сви-нина, смотри, молока по бидону каждому нальём. Чо, мы тут стали очень даже неплохо жить, только вот от нас, конечно, не уехать. Мы за смычку города с деревней. Полное слияние, да, Верка? Какая бабка, ты чего языком трепешь. Скажи, Платон, моя бабка может? Егойная бабка может всё! Это да! Всё, что захочет! Её просить ходит сам Качуров. Дождь может включить, может остановить. Это какими такими метеорологическими методами мелиорации? Какими-то такими. Шепчет что-то и что-то там попляшет. Ненаучными, в общем, методами. Ненаучные методы не действуют в наше время по всей территории Советского государства. А у меня бабка-пережиток, несознательная. Вот хоть ты что с ней делай, пошепчет, попляшет – и... Да ты больно-то уж не пугай. Ты ещё скажи, что сам колдун. Я?! А конечно, колдун! Ну я же гармонист, дак

чо?! Марик, давай с тобой устроим соревнование. Кто кого перебаянит?! Ой, не надо!! И один-то громко!.. Так, Серёга, хватит, нам ещё завтра в Пиндубы. А вот у вас на заводе, скажите, вот у вас есть такое, чтобы как на тракторе? Эй, Алён, хватит клеиться, постыдилась бы. И сиски, блядь, спрячь свои бесстыжие. Не умеешь нормально сидеть, дак... Это я клеюсь?! Уж и спросить ничего нельзя, ревнучий какой. Алён, не заводи меня. Я же очень просто. Возьму и... Стойте!! Держите его!! Подержите его кто-нибудь!!.. Так, вот этого я всегда и опасаясь. Марек, хватит играть! Положи свою бандуру, ты что, не понимаешь, что ты некстати?! Я аккомпанирую, товарищи... Чо кампанирую, чо кампанирую!! Мы им поросёнка, значит, а они нам козью морду строят?! Они за наших девушек, значит, спрашивают?! Остынь, ребята петь, играть приехали, гости, они, между прочим... рабочие люди... Это он нам решил показать, как будет в Пиндубах? Это у него по весне всегда так, не обращайтесь внимания. Страшно тут у вас, ребята. Бабка колдунья... Баянист рукокрылый... Это ещё что! Мы-то полевики, мы на солнышке живём... А вот лесовики... Лесовики вообще народ... Жизнь-жестянка! Колхоз бедный, одна клюква. И болота. У нас тут всё серьёзно! Это тебе не на балалайке детальки тачать, Валечка. А ты-то, ты-то что, Верочка, со своими подковырочками! Всё, всё! Расходимся! Нам ещё в Пиндубы ехать!.. Да спать-то осталось часа два. Ладно, ребята, я не в обиде! Да никто не в обиде. Нормально. Нормально. Я, ты, мы – всё хорошо. Всё как надо... как... Ладно! Всё хорошо! Верка, не серчай! Я флотский парень... тоже... я как вы... мы как оно... одна клюква...

[6. ДИРЕКТОР G. ИНТЕРМЕДИЯ]

Первый директор завода «Свобода»? Никто не знает о нём ничего. И в Интернете ничего нет? Ну вот. Я вообще не знаю о нём ничего, кроме того, что его звали G. Но вы это не сможете написать, потому что имена людей, причастных к заводу, должны обозначаться шифром из латинских букв. Желательно из одной латинской буквы. И вот тут он у нас остаётся просто G. На многих документах пятидесятых годов имеется его подпись. Вот эта подпись. Можно, конечно, по закорючкам попытаться разобрать... Но смысла никакого я в этом не вижу. Знаете, по-моему, если чего-то нет, то этого и нет. И нечего насильно тянуть чего-то там. Пытаться что-то интерпретировать. Вот был такой директор G. По бумагам. А может быть, на самом деле его и не было. Кто лично знал его, все давно уже умерли или с завода ушли. Скорее, умерли. А может быть, его никто лично и не знал. Как он умер? Об этом ходит леген-

ЗАВОД «СВОБОДА»

да. Говорят, что он сбрасывал снег с крыши главного корпуса и свалился с Центральной башни. Ну, случайно. А некоторые говорят, что нарочно. Более подробно попробуйте спросить у W.

G я, конечно, видел, он часто бывал в цехах. Каким он был? Производственник... Может, как директор он был и не такой замечательный, как сменивший его N. Но в целом он всех устраивал, поэтому его и назначили. Пил, правда, много, ну и что, если работать ему это не мешало. Он был очень неудобный для министерства директор, но его назначили, потому что хороший производственник. Постоянно конфликтовал с вышестоящими, и из-за этого у него было много проблем. В том числе психологических. А вообще-то про G вы лучше спросите у YY. Он сейчас, правда, на заводе не работает. Но я вам дам его телефон. Я точно помню, что он часто общался с G. А я что? Я тогда был совсем молодой. Для меня директор был – величина!

Да нет, это враки. Никогда G по заводу не ходил. Не то что N, тот всегда, бывало, низом пройдёт. Он-то всех знал. А G, его сверху назначили, и он был типичный аппаратчик. Ничего не понимал в производстве. Конформист просто. Партийный настоящий конформист. Назначили ещё при Сталине, а он разворовал всё на свете. Руководил спустя рукава, да ещё и пьяница – страшный. Его не снимали только потому, что он был чей-то там сынок. А потом что, свалился с крыши, ну да, прямо во двор. Какое снег?! Спьяну просто. Чего его туда понесло, я не знаю. А ещё говорят, что это вообще было убийство. Решили от него уже избавиться наконец. Чтобы завод получил нормального директора. Лично? Нет, это тоже враки, лично я его не знал и вообще ни разу не общался. Он

в производство вообще не вникал. Вот с его замом – да, с тем я часто общался. У него был очень интересный зам. Лицом похож на G, и где подобрал-то такого. Но – совершенно другой человек. На вид как G, но совершенно другой. Да. Да вы спросите лучше... Вы знаете, есть такая женщина, J её фамилия. Вам о ней W не говорил? Так-так. Беллочка, простите, пожалуйста, что я вас отрываю, а у вас, случайно, нет телефона J? Записываю!

Да-да-да, G, мы были с ним немного знакомы! Эрудированный инженер, прекрасный собеседник... Английский хорошо знал. Утончённые манеры. Конечно, скромный немного, скрытный, но такой простой! Одевался элегантно. Разбирался в винах. Вот, помню, один раз... Или нет, это был не G, это был уже... да... мой второй муж... Ну, я, так сказать, с ним приятельствовала, что ли, и сейчас уже за давностью лет не могу ничего сказать, кроме того, что он был милейший, очень приятный человек. Рано умер, да, к сожалению... Его же собственный заместитель, которому он верил как себе самому... вроде бы случайно... они там подрались, что ли... точно не знаю, какая-то ужасная история... Думаю, просто метил на его место. Суд был потом, громкий, знаете, процесс, ну так вот его же и оправдали, сказали, что был в состоянии аффекта или что-то там такое... Ну вот, да за что же спасибо, я вам ничем совсем не помогла, да!..

G? Да он жил на заводе. Не уходил даже на ночь. Квартира-то у него была, но он там не жил. А чего ему там жить. Одинокий человек. Нелюдимый. Нелепый немножко. Ну, так сказать, и времена-то были, сами понимаете, – он ещё при Сталине завод возглавил. План не сделал – расстрел. Тут поневоле... Нет-

нет, с какой крыши, это он имел в виду, что это у самого G, так сказать... Да конечно, лечился, это вот я точно помню такую деталь. Да нормальный в целом, но временами находило, что-то травматическое, после ранения в войну, он там пережил какой-то ужас, никогда не рассказывал. Что-то такое... Ну вот он когда был в состоянии, как говорится, опьянения, он говорил, но я точно не знаю, поэтому не буду врать... Да и не стоит, если человек сам потом не помнил, что он рассказывал. У G был ещё такой зам, или, вернее, это был не зам, а он сам, но совершенно другой человек. Это трудно понять со стороны. Но я-то что, я только косвенно... А знаете, кто действительно хорошо знал G... Этого человека только не называйте, он к заводу уже давно не имеет никакого отношения. Так что вы его не называйте, даже буквой...

G был безукоризненно честен. Вот что я точно могу сказать. И смелым абсолютно. До безрассудства. Он на войне был много раз ранен. Его так там изрешетило... А потом такая история... Диктофон выключите [...]

А после войны G что делал? Да он ничего не делал. Он не мог ничего делать. Ну и замгорисполкома, который с ним до войны работал, его нашёл в каком-то уж совсем состоянии. И сделал его директором завода. В надежде, что он воспрянет, как-то оживёт. Но уже было поздно. Ну, в каком смысле поздно? Для завода не поздно. G нормальным был директором. У нас тогда смежники были не очень. Знаете как, вот, говорят, N – великий директор, гений, всё такое, а G, мол, ничего не смог, не захотел. Да всё не так. Несправедливо это. Просто время ещё не подошло для «Свободы». Когда был G, ещё тогда всё на авиацию ставили. Думали американцев на воздухе

догнать. А когда поняли, что на воздухе уже никогда не догоним, тогда пустили все ресурсы на подводные лодки. И вот тогда N пришёл, и всё у нас уже завертелось. История! А G, он попал в эдакий пересмешок. Между эпохами. А как человек он был не меньше, чем N. Я обоих хорошо знал, вы уж мне поверьте. Только N, он был, несмотря ни на что, коммунист. Светлый и простой человек. Сила. А G был человек раздвоенный. Совершенно натурально. Нет, не буду ничего объяснять; нет, не лечился, потому что знал, что если всё вспомнит, то больше жить не сможет. Ну, и вспомнил однажды. И сами понимаете. Завод он, кстати, отремонтировал. Там между корпусами всё было щебнем завалено. Цеха подштопали, станки завезли. Четвёртый-то ещё при нём, в 1957 году, построили.

Насчёт пил? Басни. Насчёт пил я вам так скажу: что G был абсолютный трезвенник. Абсолютный. И кто говорит, что он пил, тому вы не верьте. G ничего и никогда не пил спиртного. Никогда не был пьяным.

[7. ЛИЛИЯ]

Новоиспечённый директор N, большой человек, прошло два месяца, а уж всех на заводе знает, – тринадцатого декабря входит в цех и говорит: я понимаю, что к Новому году четыре комплекта бомбового прицела «Лилия» для самолётов ЯК-28Л сделать невозможно, и всё же: какие ваши условия, при каких сделать сможете?

На «Свободе» новые времена. Выпускников ПТУ нанимают сотнями. Станки закупают в Японии. Строят общежития. Всё мобилизовано. Третья мировая война вероятна.

Выходит один бригадир и говорит: во-первых, чтобы зарплата – 299 рублей. (Триста нельзя.) Принимается, говорит N.

Выходит другой бригадир. Лежаки здесь положить, чтобы мы не отвлекались, значит. Уже, считай, положили, говорит N. – И шила графин чтобы всегда вот тут стоял! Полный! – замётано, говорит N, поставим,

[7. ЛИЛИЯ]

это всё? Всё, говорят. И делают к Новому году четыре комплекта «Лилии».

Конечно, понятно, какие это получаются «Лилии». Такие, что с ними ещё, как выражается А, начальник 20 регулировочно-сдаточного цеха, «ебтись и ебтись». Но на тот момент это никого не волнует. Настроение праздничное.

Ну а к лету начинается. Выясняется, что по многим параметрам изделие не дотянуто. Выясняется тогда, когда уже приходится ставить «Лилию» на самолёты. И летят регулировщики 20 цеха в Иркутск доделывать «Лилию» на ходу, чтобы самолёты нормально бомбы бросать могли. Летят, значит, целой большой серьёзной группой быстрого реагирования внедрять эту совершенно сырую «Лилию», которая под шило за две недели была освоена родным заводом «Свобода».

Прилетают – и видят, что ничего не могут сделать.

Всё кипит и всё сырое. «Лилия» сырая, недоработанная. Кое-что вообще собрано с косяками. Да, надо сказать, сами самолёты тоже сырее некуда. И оборудование на них всё сырое. В том числе и то, которое для «Лилии» нужно и с ней взаимосвязано. Вот, скажем, как прикажете с радиоточками на земле связываться, в тылу, если радиостанция на борту не обладает помехоустойчивостью? Но поздно. Все обрадовались, что крайнего нашли. Видать, все под шило работали и к Новому году успевали. Но отбрехались. А «Свобода» не отбрехалась. И накинулись военные на регулировщиков со «Свободы». Что вы-де, лентяи, здесь вообще делаете? Для чего вас позвали? Вы вообще можете сделать так, чтобы эта штука хоть как-то работала? У нас приёмка через десять дней; а вы? Нам прицельное бомбометание как организовать

в сложных метеоусловиях? Вы хвалились, что ваша «Лилия» позволяет выйти на цель с круговой вероятной ошибкой всего в 50 метров, а теперь не можете нормально установить связь с наземными станциями?! Секир башка!

Регулировщики мямлят справедливые оправдания. Мол, самолёт ещё полного цикла испытаний не прошёл. Ещё, мол, время есть. А военно-промышленная комиссия, она что? Она уже едет. Собирается собрание колоссальное в Иркутске. Приезжает министр, председатель совнархоза, директора заводов... Ну там не только Лилия, там куча других неприятностей! И N прилетает. И все партийные, военно-промышленная комиссия, оборонный отдел обкома партии – все врубаются в ситуацию и дружно наваливаются на одного директора N. И вешают на него всех собак. И влетает нашему директору очень сильно, и за шило, и за зарплату в 299 рублей, и за грехи смежников заодно тоже... Ну, думаем, полетел, похоже, директор наш... но до нас-то дотянуться он успеет, выходим-то мы виноваты, крайние: регулировщики, не сумели прибор довести до ума. Сейчас нас здесь на месте уволят, четвертуют!

Но N и не думает никого четвертовать. Я, вы знаете, в войну был директором совсем другого завода. Делали мы радиостанции для партизан. Ну, вы знаете. А потом я сидел. Этого вы не знаете. Посадили меня по Ленинградскому делу, я лес валил, на Севере. Потом был реабилитирован. Полностью. Это говорю я вам к тому, что я не боюсь. И ещё, чтобы вы знали: у меня к вам претензий никаких нет. Я понимаю, как всё это вышло. Нам дали срок всё исправить. Но сначала нам всем нужно хорошенько отдох-

нуть. Иначе работать мы не сможем. Поэтому завтра мы всем коллективом в обязательном порядке едем отдыхать на Байкал. С палатками. Насчёт транспорта и кормёжки я договорюсь.

Вот тут все обалдели. Никто не представлял, что какой-нибудь директор в подобной ситуации сможет так поступить! Не знали ещё нашего N.

Действительно, N уговорил директора Иркутского самолётного завода дать нам автобус. Приехали на Байкал, поставили палатки. Человек сорок туда приехало. Три дня выпивали, отдыхали. И только потом: как из положения будем выходить?

И тут N ни одного слова не сказал, ни одного человека не обидел. Даже кто виноват был. Сели спокойно, полночи обсуждали и решение мгновенно приняли. Каждый понял, что ему лично надо делать. Приехали утром, каждый взял своё дело, и стали заниматься спокойно, без нервотрёпки. И сделали всё, и сдали в срок. И это казалось чудом, да чудом и было.

Всего «Лилией» было оборудовано 111 самолётов ЯК-28Л. Самолет получил в НАТО кодовое обозначение Brewer-A (Пивовар).

[8. АНТАРКТИДА]

Не длинная вроде улица – Волынкина, а предприятий на ней целых шесть. И чешут все с утра: «Меттранс», ЛЭМЗ «Точные приборы», имени Капельского, кондитерская фабрика, опытное производство НИИ № 4 чуть в стороне. И, наконец, «Свобода». Это толпы! К семи часам, к шести сорока пяти даже, – будь любезен. Директор N низом идёт, всё видит. Опоздал – штраф. Прогул – выговор. Народу на «Свободе» много стало, как N пришёл. Работы – ещё больше. В три смены кое-кто.

И на обед очереди стоят страшные. Обедают все цеха посменно. Некоторые не успевают. Возьмёшь котлету – а тут и гудок. И беги, запихивай её в горло.

А вот и не кто иной как товарищ F, ещё совсем молодой. Сегодня F в столовку не пошёл. Вместо обеда идёт к начальнику цеха и докладывает: увольняюсь. Уезжаю в Антарктиду.

Куда, куда? В Антарктиду. Место есть. Мне приятель сказал. Техником – вот, еду. Буду обслуживать приборы.

Вот у меня обходной лист; подпишите, пожалуйста. Да ты погоди, F. Брось ты. Перестань. Да чего годить, Валерий Никифорович? Зовут, поеду... Упускать, что ли?! Вот чёрт. Тебе что, в Ленинграде приключений мало? Ладно, зайди к мне завтра.

Радионяня – это рюмочная наша. Вот если идти по правой стороне Волынкиной, то почти у самого проспекта Стачек. Название, конечно, неофициальное. Потому так названа, что рядом – отдел пластинок и радиодеталей Кировского универмага, ну и ещё потому, что выпивают там регулировщики радиоаппаратуры со «Свободы». Внутри столики, кой-какая закуска. Темно. А, F, привет! Чо новенького? (И ждут, когда я их развлекать начну.) В Антарктиду?! Ха-ха-ха! Нет, я – правда. Обходной лист дали уже. Слышите, он – правда! F, да ты чокнулся. А что. Антарктида, это Советский Союз. Кого?! Да мы же первые её открыли. Наш человек. Как его... Фёдор Фёдорович Амундсен. Не дёргайся, паря. Вы просто лбами столкнулись, у него характер, у тебя характер... Не, ребят, поеду. Буду среди торосов и льдин запускать метеорологический зонд. Это знаете что? Такой здоровый шар, ага. Один вот так запускал-запускал и сам улетел. Завис на высоте пять километров и висел. И как его снимали? Да никак не снимали. Окочурился бедолага. Да брось! Да точно говорю. Антарктида, брат, шутить не любит. Минус сто под Цельсьем. Ну, ты смотри там это! Мимо Америки проплывать будешь – привет передавай. Погоди, F, а как же Люба? Что Люба. Ну, тебя же не будет год! Ну, будет ждать. А не будет, значит... ну, значит, не будет. Не, F, ты точно совсем уже! Такую девушку... на белых медведей променять. Идиот, белые – в Арктике. А там наоборот... Что – наобо-

рот?! Плюшевые. Ой, не ездите никуда, F, с тобой хоть весело! (Весело им со мной. А мне с вами что-то нет... Не получается ни черта у меня в этой жизни.) Да ладно, ребята, год – это мало. А тебя В отпустит хоть? Да он рад-радешенек будет, что избавился!

На следующий день снова обед. F стоит с обходным листом. Зайди к директору. Прямо сейчас зайди. Уговаривать будет? Понятия не имею.

Ну что, товарищ F, уходим? Пасуем перед трудностями? Да какое пасуем, я наоборот. Вот в Антарктиде нужны... Техники по радиолокации... А ты почему такой нестриженный. Вот тебе двадцать копеек, сходи вон там напротив, подстригись. А завтра ко мне. В это же время. Юрий Михайлович, я не могу!.. Мне обходной лист... Что-о?! Не может он!! Живое вымечтайся! Завтра – здесь! Подстриженный! Мне двадцать копеек не надо, у меня есть. До завтра.

...Ну а кроме Радионяни, ещё и пивной киоск есть. Чуть подальше по Калинкиной, на углу Калинкиной и Рахметова. Называется «Три ручья» – потому что там вечно три ручья течёт, пиво, вода и... моча. А в киоске Анатолий, однорукий, ветеран войны. Привет. Что у нас F такой весёлый, да ещё и стриженный? Директор заставил. N у нас всех стрижёт. Да вот, в Антарктиду уезжаю. А-а. В Антарктиду? Серьёзно. Не наливай ему больше.

Ещё где можно выпить? Ещё можно – на берегу Екатерингофки. Там вообще купаются, но сейчас нет, сейчас апрель. До войны по Екатерингофке сплавляли лес. А после войны здесь утонул у F родной брат. Катались на коньках, провалился под лёд. И народ был, и за подмогой побежали. Утонул. А теперь F на берегу Екатерингофки пьёт иногда. Вроде

как в память о брате. Хотя он и так его отлично помнит. Брат был старше на год и совершенно такой же, как F, только гораздо лучше. Так всегда получается. Которые лучше, те тонут. Которые хуже, те маются. Чем больше пьёт, тем сильнее на него накатывает. Снаружи незаметно, вроде бы F и не пьяный, всё прилично. Со стадиона «Кировец» свистки, крики: «Свобода» с Кировским играет. F тоже в футбол да, только во втором составе. Пацаны под трибунами сидят, или на дереве, растёт там тополь такой громадный... сидят, смотрят. А в первом составе нет, в первом, как говорится, класс не тот, это упорство нужно. А какое у F упорство. И дисциплина, опять-таки. И характер. (F подгребают под себя сухие листья и чиркает спичкой.) Ага. (Дымит.) А Люба? Ну, Люба что. Как говорится, ей ничего не значит. Это ты так думаешь. А она у тебя не беременная? Не знаю. Да плевать мне. Ты сначала узнай. А если не пустят. А если не пустят, всё равно поеду. К чёрту, к чёрту.

Та-ак. Подстригся – это хорошо. Теперь к делу. Я тебя не отпускаю. Обязаны отпустить, хоть тресни. Антарктида. Тебе что, деньги нужны? Так это договориться можно. Мы тебе прибавим. Да нет, не в этом дело, Юрий Михайлович. А в чём? А-а, небось с Германом опять поссорился. Слышал я про вас. Оба хороши! Да я знаю, что он прав. Со мной просто по-другому не бывает. Я думал, я у вас буду по-другому, а я и у вас тоже. Всё то же самое. Ну, а Антарктида тебя, думаешь, изменит? Да? А я так не думаю. Да я тоже не думаю. Не думаешь? А уходишь тогда за-чем? А?

Ладно, Юрий Михайлович, я понял. Не отпускаете. Нет так нет. До свидания.

Стоп, F, куда пошёл? Я с тобой ещё не прощался! А ну-ка сядь! Да-а... Бери-ка ты, друг, лист бумаги. Да. И пиши. Так. Пиши: обязуюсь в течение трёх месяцев ежедневно... Так. Меня тебе видеть необязательно, отмечаться будешь у моего секретаря. Впрочем, если со мной захочешь потолковать, я тебя приму. Так. Пиши дальше. В случае неисполнения... Да, прямо так и пиши! Сволочью, F! А в случае смерти в течение трёх месяцев – на твоей могиле напишем, что ты сволочь! Через три месяца, пятнадцатого июля, встречаемся здесь, у меня в кабинете! Подписывай! В Антарктиду он собрался! Полярник!

[9. ИНГА И ЖЕНЩИНЫ АДА]

Женщины гальванического цеха, в могучих парусных халатах, просверленных точками кислоты, просмолённых потёками, дымами, тенями, обдать кипятком и снять шкурку. G катает маленький железный ключик между большим и указательным. Что-то вы всем недовольные, вечно вы всем, дамы, недовольные. Я не могу вас понять. Вот лично я – я не могу вас понять. Может быть, потому, что у меня нет жены. Да нет, это бы вам не помогло. Вы так думаете? Вам – конечно. Под бело-ржавым потолком туман. Воздух зацветает зеленоватыми стружками, ливнями, капустным паром, грибом. Предложение поработать на выходных встречено без энтузиазма. Левая туфля порвалась, теперь, как лодка, гребёт бортом воду. Если бы я в ней плыла, то затонула бы через пять метров. Хорошо, что я в ней не плыву. Босая картонная туфля, каблуки давно сточены вкось. Вкось – это означает легкомыслие. Да, лег-

комысленная вы девушка, Манечка. Вы, наверно, шутите, куда мы там выйдем в субботу. (Запирает перед зеркальцем губы ещё на два оборота губной помады.) Соседи по вечерам грызут сахарную голову. А думаете, ей не хочется сладенького? Весь день бегают по коридору, а в ясли не берут, на голове какие-то болячки, да я и сама не веду – дети задразнят. Если бы ясли, она бы давно уже заговорила. Да разве это были мужчины, Кать. Это одни только слёзы, одни слёзы. Вот вы раз уж пришли, Павел Аркадьевич, а я как раз хотела сказать: мы пообедать не успеваем. А у нас производство вредное. Да, знаете ли, заходишь к вам сюда, а у вас тут как в аду. Сами вы какаду, уж могли бы, вместо того чтобы, а вы вместо этого. (Зелёный туман расступается под маслянистым, жёлтым теплом лампы на потолке.) За это, конечно, большое спасибо, но, откровенно говоря, сколько можно уже спасибо-то говорить? Я бы сказала спасибо, если бы на этаже в нашем общежитии была бы горячая вода. Плясали зимой до троллейбуса, а троллейбус битком... Нет, чулки не надо, а лучше бы распределили какие-нибудь билеты, например, в театр Оперетты. Но я не смогу в субботу выйти, я же не знала, я бы маме сказала, она бы приехала, а так она уже не успеет. Не волнуйся ты, Кать, я тоже не смогу. Вообще не-е, это уже что-то такое у нас стало делаться... Позавчера-то что было. Бежит Фрида, высунув язык. А, ты тоже была? Да. Восемнадцать деталей псу под хвост. Что? Да это не наше, это не ту поверхность обозначили, мы и протравили, а там не надо было. Во, полюбуйся, красота. Нет, я ни в какую субботу точно не пойду. Я читаю очень интересную одну сейчас книгу, какой-то моло-

дой врач написал, там упражнения Кегеля, как стать женщиной. А я и так женщина. Взял спринцовку... Я от ужаса сбежала и родила. Нет, никогда я на такое не пойду, мне просто страшно. Дают-дают, у моей одноклассницы муж взрывник, им выдают целыми пачками, сотнями, знаешь для чего? В гандоны удобно взрывчатку порциями класть, чтобы не отмокала, когда в траншею. Павел Аркадьевич, а у вас есть дети? Ну вот, видите! А в субботу, говорят, хорошая погода будет.

Если выглянуть в окно, на асфальте сверху виден профиль огромной девушки. Это трещины на асфальте, которым залили бетонные плиты. И в голове у девушки – ещё одна бетонная плита. Девушка с плитой. Профиль не очень-то юный и не особенно совершенный. Щёка присыпана серо-зелёным. У девушек в бригаде, которая производит анодирование деталей, то есть опускает в кислоту, подержит и вынет, теперь вместо шести ванн стоит двенадцать. Если раньше кислота на кожу попадала только по неосторожности, то теперь приходится деталь из кислоты вынимать и от ванны к ванне с ней бегать, и кислота... в общем, к чему привыкли, к тому привыкли. Галина Семёновна недавно посреди цеха шлёпнулась – подумаешь, делов. Ну, упала, ну, полежала, встала и пошла работать. Если честно, это из-за скользкого железного пола. Работать так довольно трудно. В субботу здесь находиться совершенно не хочется, и, кажется, это можно даже в каком-то смысле понять. Вот вы, Инга Алексеевна, вы нас можете понять? Я вас понимаю. (Инга, юрист, никогда не работала у гальванической ванны. Она выросла в двух комнатах с фортепиано и книгами до потолка, а по-

толки четыре метра. Она юрист. Она одевается в элегантные угли и тени. Невысокая, изящная, строгая женщина с негромким голосом.) Это не соответствует трудовому кодексу. Если что, мы подключим профсоюз. Ох, я вас умоляю! Пал Аркадьича вы подключите? Да он... Ой, да она... Я вас прошу, не впутывайте этих всех мужиков. Манечка. Инга Алексеевна, я вас умоляю! Только не надо, пожалуйста! Мы же совсем не... Мы не то имели в виду. Нет, нет, знаете. Это уже как в старой сказке. Один раз мы им разрешим, а на второй... Так и будут вас штрафовать. Нет, нет, надо обязательно поднять вопрос, я не буду вас называть. Ох, Инга Алексеевна, вы молодая ещё такая, вы их не знаете, они же вас. Они же.

Здравствуйте, здравствуйте, Инга... Да, проходите, конечно же... Нет, я ничего не знаю. Да. Товарищи на вас жаловались, конечно. Вот эта вот, кажется, бумажка, это же ваше? Речь о том, чтобы сделать план. Нет, помолчите, Инга. О том, чтобы сделать план. И тут вполне прямолинейно всё изложено. Ну, думаю, не всё так прямолинейно, как они мне тут... Ну, как что говорили? Ну, говорили. А что сверхурочные? Если особая необходимость, то... Да какая там особая необходимость. Какая особая необходимость. Вы их ещё послушайте. Там просто план горел. Горел он у них, видите ли! А кто крайний? Кто виноват? Гальваники? А свалили на них. Потому что женщины не пикнут, женщины безропотно... И они ведь говорили, заметьте! Дети, суббота, воскресенье. Детей не с кем оставить! Почему они должны в субботу приходить на свою адскую работу, где они в адских условиях... Нет, подождите! Почему там пол скользкий? Что, нет досок застелить? Почему в девятом делается ремонт,

[9. ИНГА И ЖЕНЩИНЫ АДА]

хотя он там уже делался семь лет назад, а в тринадцатом ветеран падает посреди смены? Вы хотите дождаться, когда кто-нибудь растворится?! И что вы будете хоронить?! Кислоту?! Да вы давитесь!!

Инга. Инга! Так. (Пауза, которую иначе и не обозначишь, как: длительная пауза.) Вы мне вот что скажите. Это весь цех не вышел, или кто-нибудь всё-таки вышел? Ага, значит, кто-нибудь вышел... да подождите вы!! Я не про то!! Знаете что, давайте решим как? Мы наоборот решим. Кто не вышел, лишать премии не будем. А кто вышел, тех наградим. Вас это устраивает? Хорошо. Теперь остальное. Я согласен с вами, большой вопрос насчёт досок. Просто в следующем квартале мне обещали... я ездил в Москву с В, мы выбили новое оборудование, и им будет полегче. До этого времени доски стелить смысла нет, всё равно потом придётся всё переставлять. Один квартал они могут потерпеть? Инга, вы, конечно, молодец. Нет, я не буду с ним говорить ничего, он просто не всегда до конца всё учитывает, человек на своём месте, по-своему ограниченный. Откуда им знать законы, у нас на это есть вы. Идите, Инга, завтра будут доски. Алло! Да, он может входить, если уже пришёл!

[10. ИНЖЕНЕР Н]

Пришёл новый директор Н и привёл с другого завода, которым раньше руководил, нового главного инженера Н. Очень странный человек оказался. На вид совершенно не заводской, а – хлипкий интеллигент. Молодой, но уже почти лысый. Только так, редкие остатки волос по краям головы растут. Говорит тихо. И глаза большие и совершенно серые. А руководил-то он там, на том заводе, не на самом заводе, а в ОКБ – вот оно что! И все сразу: а-а, всё с ним ясно! Никто не спорит, это сразу видно, что он большой ум. Конструктор и всё такое. Но завод, это же совсем другая материя. Заводом руководить и ОКБ руководить – две большие разницы. Инженер на заводе не только за чертежи-вертежи отвечает, а если где-то запил дядя, не стоит велосипед и так далее. А у нас здесь, брат... Да, у нас здесь завод. Здесь у нас такое... А он, Н, хлипкий. И все сошлись на том, что Н, наверное, на «Свободе» не справится.

И вот квалифицированные рабочие-регулирующие, многие из которых имели высшее образование, решили между собой так. Мы тут по многу лет с этим изделием, собаку съели. Устроим Н небольшой внеплановый экзамен, которого он точно не выдержит. Это нехорошо! – вмешались некоторые, самые щепетильные. – Ему тут всё-таки работать, а после этого его никто уважать не будет. – Нет, возразили те, мы не собираемся сразу его этого того, а мы просто посмотрим, как человек себя поведёт в трудной ситуации. Как он из неё выходить будет. Куда кинется, кого на помощь позовёт, или вообще сделает вид, что так и надо. Пошшупаем его, одним словом.

Вот и устроили экзамен ему небольшой. Сломали кое-что в регулируемом изделии, хитрым образом сломали: две независимые полочки устроили. И сделали вид, будто день и два быются: что же не так? Приходит Н, своими серыми глазами посмотрел на изделие и сходу сказал: здесь не работает то и то. Надо делать так и вот так. Потом помолчал и задумчиво добавил: одного не могу понять, как это могло одновременно получиться? Ведь не могло. Удивительный, любопытный случай. И пошёл. А квалифицированные рабочие-регулирующие вслед ему посмотрели, и один из них сказал: ну вот как, как он знает? – а другой добавил: а говорят, что Н только тогда и согласился перейти на наш завод, когда ему пообещали, что ему дадут Н. Иначе ни в какую не хотел к нам переходить. (Так оно и было на самом деле.)

И потом, когда уже Н признали, когда пообтерпелись и привыкли к нему, то все поняли, что он – как

выразилась главный диспетчер завода М – прелесть. Спокойный, часто меланхоличный, Н никогда не кричал. Этим он являл собою полную противоположность другому выдвиженцу-ставленнику директора Н – громогласному и животастому начальнику регулировочного цеха В, который орал как дышал. Можно сказать и так, что они, В и Н, являли собою два полюса человеческой природы, два конца радуги, два кречмеровских типа. Главный инженер Н не пил совершенно (сто грамм водки на праздник, от которых тощие скулы Н загорались румянцем, а на тонких губах появлялась изысканная неконтролируемая усмешка), В хлебал водяру неумеренно, подчас захлёбывался, неделями не появляясь на производстве (выговора сыпались градом, что для руководителя подобного уровня уже и перебор). Н говорил тихо, мало и чётко, а в основном молчал – В не затыкался вообще, вечно гремел и грохал, его несло и в похвальбе, и в ругани. И был В хвастлив, самонадеян, тираничен; барин по натуре, он тыкал и фамильярничал с рабочими, среди которых всегда был своим, а Н – сочетал аристократизм и демократизм в неповторимой секретной рецептуре русских или обрусевших специалистов, всем говорил «вы» и чужим быть не переставал (хотя «нашим» стал довольно скоро). Обоих уважали. Обоих любили. Круги преданных В и Н пересекались, но не совпадали.

Однажды случилась такая история: военные принимали изделие, которое должно было обладать существенными характеристиками прочности, и уже почти было приняли, да случайно в последний момент техник уронил изделие на пол, и оно расколо-

лось пополам. Вышел конфуз. Получили от военных штраф. И главный инженер Н собрал заседание по поводу качества. Присутствовали на этом заседании многие начальники цехов, в том числе и В, сидела здесь же и юрист Инга Аркадьевна, ибо штрафы за качество находились в её компетенции, и (Пашка-слесарь, чемпион по боксу) Пал Палыч Р, человек решительный и горячий, и другие. Каждый высказывался бурно, пытаясь свалить вину на других. Каждого перебивали. То и дело возникали ожесточённые перепалки. В какой-то момент В, не прекращая раздоров, встал и навис над столом, отгавкивая направо и налево, потому как именно его регулировочный цех являлся конечным звеном производственной цепочки, и его, конечно, хотели назначить главным виновником. Эта его поза окончательно развязала всем языки. Гвалт поднялся такой, будто и не в кабинете главного инженера оборонного завода, а где-нибудь у проклятых капиталистов на Уолл-стритовской бирже или в младшей группе детского сада. Только Инга, в тених и углах, сидела, отпрянув от В и полная молчаливой неприязни.

Н слушал перебранку начальников цехов очень спокойно и даже как будто дремал. Но вдруг в какой-то момент его глаза постепенно начали становиться из светло-серых стальными. Вы можете возразить, что разница невелика. Но все, кто находился в кабинете, сразу её ощутили. Как будто сменился свет или стало холоднее. Гвалт сделался тише, и наконец все замолчали, и даже В.

Откричались? – спросил Н неприветливо, поднимая голову. Я вам расскажу анекдот. Морозный день. Летит птичка. Замерзает и падает на дорогу. Про-

ходит лошадь. Какнула на птичку. Птичка отогрелась и начала чирикать. Пришёл волк и съел птичку. Так вот: попал в говно – не чирикай. Идите и работайте.

[11. БАЛАНДУ ЖРАТЬ]

Мы в отпуске. Это называется – на юге. То есть на море. Здесь море, солнце и юг. Много цветов и очень жгучая крапива. Наташка кормит куклу розовыми лепестками и варит из них понарошку суп. Оркестр играет на площади с перерывом на жару. Утром в девять часов уже +25 градусов! Вчера мы ходили на базар и ели чёрную рыбу с солёной головой. Сегодня купаться не пошли, потому что мы и так купались все дни, и нужно сделать перерыв, а то мы перекупаемся. В то лето Наташка перекупалась, и у неё поднялась температура градусов до сорока. У меня такой высокой температуры никогда не было. Зато я однажды упал с дерева и сломал руку. Это было несколько лет назад. Кстати, температура воды – плюс двадцать четыре градуса. Некоторые живут наверху, и это очень плохо, потому что до моря идти и идти, и там совсем нет тени. А мы живём немного сбоку, где розовые дома

с балконами. Я познакомился с Серёжкой и его братом Шуриком, они живут, оказывается, в Ленинграде на нашей улице, там, где угловой гастроном. Но в этом нет ничего удивительного, потому что их родители тоже работают на папином заводе.

Сегодня произошло интересное событие. Когда мы разбирали велик, к нам во двор заехала чёрная «Волга», и это был N, директор на папином заводе. Чёрная «Волга» была очень пыльная, и я сразу понял, что директор ехал не останавливаясь от самого Ленинграда. Сюда в отпуск приезжает весь завод, которым директор управляет, ну, может, не весь, но половина точно. Вот N и приехал проведать, как тут всем отдыхается, и особенно моему отцу, потому что они дружат. Он вылез из машины, и был он весь красный и мятый, а на голове у него была красно-белая панамка, директор стащил её с лысой головы, обмахнулся и вытер лицо. Папа как раз был занят тем, что разбирал мой велик, и встал прямо с грязными руками, и пришлось им с N руку друг другу пожимать как-то странно, не ладонями, и в результате они просто прислонились друг к другу так и сяк, а потом папа сказал: с приездом! А вот и Пал Палыч второй, сказал директор, привет, Пашка! Здравствуйте, сказал я. Тогда директор повернулся к отцу и сказал: пошли на рынок? О! Пойдём! – сказал отец. Руки только вот помою! Тогда я понял, что велика мне сегодня не видать. Если я, конечно, сам его не соберу. Но тут директор N заметил, что я огорчился, и сказал: Пашка, хочешь помыть мою машину? Ещё бы я не хотел! Не каждый день выпадает такое счастье – «Волгу» мыть. Вот, сказал директор N, тебе губка и ведро, а мы на рынок пока сходим.

И они пошли на рынок, а я побежал с ведром к колонке, а там торчали девчонки и мама тоже сидела с Еленой Владимировной. Мама спросила, с чего это я такой счастливый, и пока вода набиралась, я ей ответил, что приехал N, и я сейчас буду мыть его «Волгу». Так они на рынок, что ли, пошли? – сказала мама и переглянулась с Еленой Владимировной. Ага! – сказал я и потащил ведро обратно. Вода в нём болталась и плескала мне на ноги. Потом я перетащил ещё, наверное, ведер десять, потому что от Ленинграда до юга дорога очень длинная и пыльная. Я помыл и крышу, и капот, и решётку, и фары, и стёкла, особенно лобовое, на котором остались кляксы от комаров. Солнце всё сильнее жарило, и хотя я дрызгался почём зря в холодной воде, но мне уже хотелось на море и мороженого. Зато «Волга» становилась всё красивее, постепенно я отмыл её до чёрного и сверкающего состояния, а всё блестящее аж горело, а вокруг машины земля намокла. Потом я взялся за велик. Я подумал, что если я сто раз видел, как его собирают, то я и сам смогу. Но это оказалось не так просто, несмотря на то, что я перетащил велик в тень и очень долго думал. ...Только на пятнадцатый день, сказал за кустами голос директора N, а потом показался и он сам, вместе с моим отцом. Они шли по тропинке мимо старой сухой яблони и смеялись. В руке у директора N была авоська с бутылочками, а у папы – с абрикосами. Пашка! – сказал директор N, глядя на меня и на «Волгу». Здорово помыл! Спасибо тебе огромное! Директор N поравнялся со мной, хлопнул меня по плечу и сказал: ну что, проголодался небось? Ну, тогда пошли баланду жрать! А я подумал: вроде бы я такого слова не знаю.

Мы пошли обедать, позвали маму и Наташу, а на обед у нас было всё, что обычно бывает, холодный борщ, картошка, помидоры и огурцы, потом чай, а у взрослых ещё вино. Никакой баланды, насколько я мог заметить, не было. Ведь борщ – это не баланда, и абрикосы тоже нет. Мы сидели, как обычно, на улице, за большим столом, директор N курил и всячески шутил, особенно с Наташкой, которая ещё шуток не понимает, и поэтому с ней шутить особенно смешно, а я улучил секундочку и спросил у папы незаметно: а где же баланда? Какая баланда, шёпотом переспросил отец. Да которую обещал директор N, он же сказал: «пошли баланду жрать». Цыц, сказал отец, да и всё. Пашка, спросил директор у моего отца, чего там малый интересуется? Интересуется, что такое баланда. Директор N немного засмеялся.

Потом мы всё-таки уломали маму и пошли на море. А там уже как раз кончилась самая жара, и народу было много-премного! Маме это всегда не нравится, а мы очень любим. Чем больше народу, тем веселее, как это она не понимает! А мама этого не любит, потому что боится, что мы можем незаметно потеряться или незаметно утонуть. На пляже на юге все раздеваются до трусов, и очень хорошо видно, кто из мужчин был на войне. С виду руки и ноги у многих на месте, а когда идёшь к воде и смотришь всем на спины и другие места, то прямо удивительно, как многие остались живы после таких ранений. Одно утешение, что наши фрицам хуже вlepили. А пусть не лезут. И я уже немножко пробовал плавать на спине, а в воду заходил двенадцать раз.

Вечером мы играли в казаки-разбойники и так увлеклись, что не заметили, как наступила полная тем-

нота. Серёжка в темноте влетел в крапиву и сильно заорал. А ещё за домом растут красные ягоды, которые не знаю как называются. По вкусу похожи на смесь ёлки и карандашного грифеля. Потом мама позвала ужинать и спать, а я когда мыл руки, то вспомнил это слово и спросил у мамы: а баланда, это вкусно? Мама мыла посуду. Она ответила: нет. А из чего она вообще-то сделана? Ты её пробовала? Баланда – это невкусная похлёбка, а из чего она сделана, всё равно. Из чего придётся. Например, из гнилой картошки. Я пошёл спать. Мне приснилась красная музыка оркестра, яркая солнечная вода в ведре, и как она стекает с чёрной сверкающей «Волги», и как блестят в море яркие и золотые солнечные цепи.

[12. АСТРА]

Океан сегодня розоватый, разноцветный, и солнце над ним зеленоватое, и воздух дрожит от жара, как над огромным гречишным полем. Океан сегодня дышит ровно и глубоко, то приподнимая, то опуская наше торговое судно Черноморского морского пароходства. Мы идём на Кубу, и с нами наша «Астра» – первая советская радиолокационная станция для гражданского флота, сработанная на родном заводе «Свобода», и которую теперь будут поставлять на все без исключения большие суда, – я стою рядом с «Астрой», а вокруг во все стороны открытый океан, нигде ни берега, ни кораблей, только огромная морская ширь, гладь и простор. Мы идём на Кубу, и с нами океан, и с нами наша «Астра», и с нами сорок офицеров, которых я учу на ней работать. Все офицерам «Астра» очень нравится. Она как будто создана для сложных навигационных условий, когда надо, например, при шести-семи баллах вывести

корабль из порта, лавируя между другими судами и держась в узком судоходном канале.

Океан сегодня розоватый, как цветущее гречневое поле, как в детстве, когда я не знал ещё никакого моря, а знал только поле, в котором ходили-шагали и были хозяевами не суда, а трактора. Океан розоватый и светящийся, и до самого горизонта – никого, но круглый экран моей «Астры» показывает, что всё-таки кто-то есть. Таких РЛС, как «Астра», раньше не было, и когда я ходил на старших курсах кругосветку, мне приходилось непросто.

Мы идём на Кубу, мы приближаемся к Кубе, мы мирное торговое судно, на этот раз действительно так; мы не прикрываем никакой подводной лодки, никто не идёт в нашей тени. Но американцы не дремлют, и вот круглый экран моей «Астры» показывает, а затем я и сам вижу: летит. Он летит на низком, бреющем полёте, и мне очень хочется сказать ему каким-нибудь способом «привет», но я не могу придумать, как это сделать. И вдруг я понимаю, каким способом я должен это сделать.

Таких РЛС, как «Астра», раньше не было. Таких, как наша «Астра», пока больше нет. Потому что наша «Астра» – двухдиапазонная. Есть диапазон 3,5 см, традиционный для больших торговых судов. И есть диапазон 10 см, более мощный, дальний. Обычно его используют подводные лодки. Океан розоватый, блестящий, солнце высоко, янки облетает наш корабль, он не находит ничего подозрительного, он летит дальше, и я переключаю «Астру» с трёхсантиметрового диапазона на другой. На 10 см.

А наш главный конструктор W, главный конструктор «Астры», он тоже с нами, здесь, на корабле. И он сто-

ит того, чтобы о нём рассказать! Он настоящий мореман, морской волк – главный конструктор «Астры»! Он в войну был помощником капитана – плавал на корабле Liberty – это были, знаете, такие корабли, на которых возили еду и вооружение по ленд-лизу, немцы их топили сотнями, это у них спорт был такой, топить Liberty, в общем, это был жуткий риск, а когда война кончилась, W уволили из армии за это дело, и тогда он напрочь завязал, но в армию не вернулся, а выучился на инженера, и тогда ему было за тридцать, а сейчас ему пятьдесят, но мы с ним, несмотря на разницу в возрасте, дружим крепко, потому именно меня он и взял за границу, больше никого со «Свободы» за границу не выпускают, мы ведь секретные, и только наша «Астра» не секретная, а гражданская, вот, пожалуйста, янки, смотри, какая она у нас, смотри и слушай на здоровье! Похоже, ты слегка свихнулся, янки, ты в шестой раз облетаешь наше судно, и я (с помощью «Астры») могу прочесть твои мысли: там ведь есть подводная лодка... но её нет!.. но она есть!.. но её нет!..

И тогда я снова переключаю диапазон на 3,5.

Наш W, он всегда ходит в капитанской фуражке. Он курит сигары, которые закупает в рейдах. А ещё он пишет книжки. Исторические, научные, технические – всякие. Наш W может всё. Когда мы стояли в порту, в Германии, а тут буря, и никто не может корабль в море вывести в такую погоду. И тут капитан одного немецкого корабля приходит к нам на корабль и говорит: мы слышали, что на вашем судне находится главный конструктор РЛС «Астра», это так? Это так, говорим мы. И они стали просить и умолять нашего W, чтобы он сам вывел корабль в море. И W сначала не соглашался, а потом действительно вывел, и это

был единственный корабль, который в тот день вышел в море...

Янки успокоился и собрался улетать, и тут я снова переключаюсь. Десять сантиметров! Летит обратно! На этот раз так низко, что мне видно его самого. А ему видно нас. Во всех подробностях. Видно рыбу, которая свободно вялится на нашей палубе под золотым солнцем: мы её ловим, развешиваем, сушим и в трюме коптим. Видно меня, мою рубашку, сандалии, видно «Астру». И тогда я показываю ему на нашу РЛС, смеюсь и машу рукой. Янки вскипает. На следующем заходе он разъярённо грозит мне кулаком и хохочет! И я смеюсь и тоже поднимаю кулак! Мы хохочем и грозим друг другу! Да, он понял, понял, в чём тут дело, тысяча чертей! И мы хохочем и грозим, и океан сияет под нами, розовый, как цветущее гречневое поле, и небо светится.

[13. ЧЕТЫРЕ МИМОЗЫ К 7 НОЯБРЯ]

Я в работе бешеный. Со мной и сейчас людям не просто. Что же было тогда, когда я был молодой и у меня глаз горел.

Идёт «Мимоза». Это двенадцать вот таких полных шкафов, колёса и провода. Это шестнадцать ракет из подводного положения на семь тысяч километров, каждая поражает четыре цели. По тем временам.

Был тогда я слесарь-сборщик, начальник участка. Карьеру, как принято выражаться, я не начинал. Просто пришел на завод и работал. Тогда о карьере я ничего не знал.

Далеко не сразу я начал всё делать как надо. Сначала ничего не получалось. Думал, брошу всё к чёртовой матери... Даже хотел наняться техником в Антарктиду. Но меня директор N отговорил. Не могу сказать, что он ругался, но по лицу было видно. Тогда у меня возникло желание исправиться.

[13. ЧЕТЫРЕ МИМОЗЫ К 7 НОЯБРЯ]

Так я остался на «Свободе». Меня начали постепенно, аккуратно повышать. Раз в четыре года я получал новое звание. Мастер, потом начальник участка.

Идёт «Мимоза». С начала апреля по конец сентября сделано три комплекта. Работают все цеха в три смены. В отпуск никто не ходит.

Наступает конец сентября. Тогда вызывает меня начальник цеха В... Легендарный был человек. Как и я. Живой, восприимчивый, взрывной.

И вот вызывает меня В и говорит: знаешь, F, тут такое дело, нужно собрать к седьмому ноября ещё четыре «Мимозы». Я говорю: надо – сделаем.

Я ничего не знал. Почему, зачем такая потребность. Я свои железки.

Начали делать. Главное, со всеми договориться, чтобы все работали. Я со всеми договорился. Все согласились. Пошли жарить. Жарим двое суток, трое. На четвёртую ночь только разошлись по домам. Утром снова за дело.

На восьмой день такой работы приходит В, смотрит, что, сколько сделано. Смотрит, видит – мало: а говорил, сделаем. Ну я возражаю: сделаем. А В, он всегда знал, кто на что способен, и не церемонился. И я увидел, что он во мне усомнился. И разволновался я, конечно.

После работы опять бегу к метро, чтобы на последний поезд не опоздать. Еле успел. А жил тогда я на Просвещения, туда метро не шло, троллейбусом от Финляндского вокзала и там ещё пешком.

Полпути на троллейбусе проехали, я последний пассажир. Рядом с Пискарёвским кладбищем троллейбус останавливается. Всё, водитель говорит, вылезай, вон здесь развернуться можно, я до кольца дальнего не поеду. Я: а как же? Он: а как хошь.

Четверть второго утра. А мне назавтра на завод. И до дома ещё километров семь. Погода октябрь, холодно, ветер, дождь со снегом. Что делать? Пошёл напрямик через кладбище.

Иду и вдруг чувствую, что дальше не могу. Падаю с ног, и всё. Хорошо, лавочка рядом была. Я в брезентовой куртке такой был. Лёг, капюшон натянул на глаза, всё. Мысли, что замёрзну, не было. Лёг и отрубился.

И мне приснился поразительный сон. Таких больше никогда не снилось.

Приснилось мне, что я плаваю в толще океана. А рядом со мной по углам огромного как бы квадрата плавают четыре подводные лодки. В виде матрёшек. Две наши и две американские. Зависли в толще воды и ждут. А в серединке этого квадрата плаваю я. Пить охота – страшно. Но я рта открыть не могу. И напиться в океане мне нечем.

А дышать могу как будто бы.

А эти четыре матрёшки, они разные. Одна большая и толстая, приземистая. Другая высокая и тоненькая. Третья вообще маленькая. Четвёртая средняя. У одной ещё такой, вроде венца на голове с фонарями, этот венец крутится и посылает световые сигналы.

И эти матрёшки в эфире, в радиозфире, между собой переговариваются. А я в толще океана нахожусь и их слышу. И вдруг я начинаю понимать, что они говорят обо мне. «Этот, – говорят, – бессмысленный товарищ – он за кого?» Смысл такой, что я должен чью-то сторону занять. Нашу или Америки. Причём быстро. Принять какое-то решение. Не то из-за меня начнётся сию же минуту Третья мировая война. И я буду во всём виноват.

А мне, понимаете, очень трудно принять решение. У меня под руками и ногами вода, как слои, я не знаю, пластмассы. Прогибается вода, и во рту всё сохнет дико, мне страшно хочется рот открыть и напиться воды, но я не могу, мне нельзя.

И тогда я из последних сил по воде ну давай руками, ногами. И вдруг проваливаюсь вниз. Я слышал, что такое бывает в толще океана: тяжёлая вода и лёгкая, разные слои. И я попал в тяжёлую воду и ухнул камнем прямо ко дну. Матрёшки остаются наверху. Вокруг всё темнее. И пить хочется ужас как. И почему-то мне всё жарче и жарче, и я чувствую, что я горю. И понимаю: всё, это Земля наша плавится, потому что я не успел ни на чью сторону встать и началась Третья мировая, полетели ракеты, бомбы.

Тут я проснулся, вскочил со скамейки, хватаю воздух ртом. Оказалось, пока я спал, снег посильнее пошёл и всего меня засыпал. Не проснулся бы – превратился бы в эскимо. А проспал-то всего два часа. Но спать не хочется.

Пошёл обратно на проспект. Троллейбуса дожидался час. И – на завод, в цех.

И вот странное дело, с тех пор спать не хотелось вообще. Весь месяц. Вообще перестал домой уходить. Жене только звонил, как дела там. Спал каждую третью ночь, и то по два-три часа. А не хотелось. Подремлю час-другой в цеху, и как новая копейка. Такой был трудовой подъём, понимаете.

Так работал, работал и к седьмому ноября собрал четыре «Мимозы». Четыре! Это сумасшедшая работа! Я не знаю, как я это сделал!

Спустя полгода, в мае, наш начальник цеха В справлял пятидесятилетие на площади Восстания, в гости-

нице «Москва». Пригласили директора N. Сидит во главе стола В, жена его Шура, N со своей женой.

Нам всем расписали тосты. Ну и я выхожу где-то тридцатый по списку. Особа, не приближенная к императору. Пока до меня очередь дошла... Как ни старайся пить по чуть-чуть, но тридцатый тост, сами понимаете...

В общем, я вышел на трибуну, сказал что-то, сам не помню что, и ушёл. А мне потом рассказали. Директор N толкнул под бок нашего начальника цеха В и спрашивает: а это кто такой вообще?

А В ему, оказывается, отвечает: а, этот? Это F, который собрал четыре «Мимозы» за тридцать дней.

Вот такие вещи добавляют в кровь перцу!

[14. ПОДШИПНИКИ]

Знаете, главное в жизни – это уметь её украсить. Ведь любимой работы не бывает. Пока ты сам её не полюбишь. Вот я в детстве не любила мыть пол. И я всегда что-нибудь придумывала. А у нас, знаете, был такой пол, в синей краске облупившейся. И когда его только что вымоешь, он мокрый становился яркий-яркий. А облупленные места походили на какие-то облака или что-то такое. И можно было себе представлять какие-то облачные горы, долины. Ты моешь пол и представляешь себе, что протираешь небо. Ну, такую тебе работу дали – протирать небо! И я так увлекалась, что иногда мне потом было удивительно, что на дворе-то пасмурно, как же так, ведь я-то всё протёрла!

Или вот ещё говорят, что в те времена, во времена нашей молодости, все были одинаковые, и всех старались сделать одинаковыми. Так это говорят люди, которые хотят на других свалить всю ответствен-

ность за свою жизнь. Вот возьмём, к примеру, меня. (Я очень люблю ставить в пример себя, так что потерпите.) Вот я когда училась в школе, мы все в те времена ходили в форме. До самого десятого класса. Чёрный передник, чёрные или коричневые банты, белые воротнички и манжеты. Так я всегда старалась, чтобы у меня эти манжеты были другие, не такие, как у всех. Я сама себе сшила кружевной воротничок и манжеты по выкройке, вышила всё это белой гладью (называется – ришелье!) и готова была каждый день всё это гладить! И потом я научилась хорошо шить и всю жизнь сама себе шила наряды. А свадебное платье я знаете из чего сшила? Из парашютного шёлка! Мы с К тогда жили рядом с аэродромом, где тренировались ну всякие там эти, и был парашютный шёлк удивительного зелёного оттенка. Я убилась его шить! Это знаете где? Рядом с Можайским, Тайцы там, всё такое... Там было управление ПВО всего-всего Северо-Западного региона, от Мурманска до Калининграда. И К туда ставил оборудование с нашего завода, а мне приходилось всё равно ездить в город на завод, каждый день полтора часа туда и полтора часа обратно. У нас домичек там, сейчас-то ну просто как дача, а тогда мы жили там, печку свою топили, что такое эти коммуналки, мы и не знали! Представляете – своя фазенда, совершенно самостоятельная, это в советские времена. Я не понимаю все эти садоводства, где видно, кто из соседей сколько раз в туалет сходил... Конечно, приходилось и печку топить, и ребёнка каждый день в школу и из школы, и тогда же ещё очереди, ничего вообще не было... Конечно, в чём-то было очень тяжело, сейчас как подумаешь и вздрогнешь. Но, знаете, ведь любую жизнь можно

представить как несчастную. Если постараться, мою жизнь можно знает как рассказать?! Я прямо сама разрыдаюсь, и вы разрыдаетесь. Но зачем мне это, спрашивается? Зачем драматизировать и подчёркивать всё плохое, если можно радостно подчеркнуть всё хорошее, а плохое забыть и жить счастливо. Вот я даже сейчас... Вот мне говорят, сейчас же врачи люди прямые, они честно говорят: шесть процентов, срок дожития – два с половиной года. Они вообще не церемонятся. У нас тут, говорят, таких, как вы, – целое кладбище. И я это всё как бы понимаю, да... Но не могу себя заставить подумать о смерти. Бывает, специально пытаюсь – а не получается. Вижу пятно какое-то жёлтое, вот и всё. Ну и, значит, и не надо мне её видеть. Я вообще-то осознаю и понимаю, что платить надо за всё. Жизнь была очень счастливая, работа любимая.

Работа была очень любимая. Шеф, он же такой, все жилы вытянет! Я имею в виду А. Его все в ОКБ звали Шеф. И потом, нам было интересно, мы весело работали. Придёшь домой, суп варишь, а в голове мысль: как лучше сделать. Ложишься спать, а под подушку кладёшь блокнот с ручкой. Засыпаешь, а тут приходит идея. Выхватываешь блокнот, записываешь – и спокойно спишь. Утром приходишь, рассказываешь ребятам, и точно в этом что-то есть. Обсуждаем и начинаем работать.

Вообще очень трудно оценить, какой вклад человека в работу, когда работаешь в коллективе. Иной раз, действительно, вроде и идея тебе пришла... А пришла бы она тебе, если бы тебя не окружали такие-то и такие-то люди? Кто-то бросил словечко... Кто-то его развил, раскрыл... Кто-то не поленил-

ся и расписал всё по порядку... Ещё кто-то – до ума довёл окончательно... Кто из них, спрашивается? Ну вот кто? Я – коллективист поэтому. Я не верю в то, что можно, одному сидя... Всё в обсуждении рождается, или после обсуждения, в общем – в среде. И у нас наш ОКБ, это была такая питательная среда... Живая, как бульон первичный. Как тесто. Атмосфера на заводе и в ОКБ была очень хорошая. Она там как бы, понимаете, законсервировалась с тех времён, когда ещё не ввали. Вот я чётко запомнила этот переход, когда началось враньё. Когда я была маленькая, когда я училась в школе, лжи ещё не было. Вернее, она, может быть, и была, но не на нашем уровне, не на том, где были мы. Она была где-то отдельно, сверху, но всё не пронизывала, простую жизнь она не прославляла. И я думаю, это знаете почему? Потому что был очень большой потенциал после войны. Страна выиграла войну, и это было такое счастье, такая правда, что её хватило на пару десятков лет. И это было действительно по-настоящему счастливое время. Когда все искренне работали, искренне учились и учили, верили в какое-то счастье, да это не было связано с коммунизмом ни с каким, это было какое-то... Простор, пространство... И вот ещё когда в космос полетели. Мы же все жили в космосе! Даже если вшестером в общежитии, в одной комнате, но мы все жили в космосе! Во Вселенной! Какой там железный занавес?! Космос – это отсутствие хаоса, это ясность и порядок, и одновременно – это бесконечность, и вот мы в этой бесконечности жили... Ну, в семидесятых, конечно, уже началась ложь, и это было чётко видно и заметно... Но не у нас на заводе! Не в ОКБ! У нас оставался какой-то остро-

вок, что лжи не было совсем. Я не знаю, почему. Может, дело в людях. Наверняка дело в людях.

У нас же ещё такая весёлая была ужасно жизнь очень. Всё время какие-то праздники, праздники. Это был наш второй дом. Все дни рождения справляли. А я делала домашнее вино, помногу, из знаете чего, из смородины и крыжовника. Алкоголь на заводе под запретом был, через проходную так-то не проне-сёшь, а нальёшь вина в трёхлитровую банку – на вид оно как сок, и все довольны. Приходишь в ОКБ: ребята, идите сок пить! Тот самый? – Тот самый. А когда ничего не было, мы однажды... В общем, завод делал подшипники для велосипедов, и одна партия оказалась бракованная. Я сшила себе платье, а на него для красоты нашила эти подшипники. И вот, представляете, я иду по улице... И на меня все мужчины оборачиваются! Мне даже сначала лестно стало, а потом уже я поняла, ведь это дефицитный товар, и у них в голове одна мысль: где эта дура их столько взяла?!

[15. ЗА КАДРОМ]

Камера фиксирует исторический момент: подписание акта о передаче завода «Свобода» новому руководителю. За окнами солнечный день. Маленький кабинет набит народом. На импровизированной сцене – журнальный столик и два кресла. В кресле слева директор N. Усаживается поудобнее, берёт ручку, склоняется над бумагой и ставит свою последнюю подпись. Всё! Бывший директор завода отныне почётный пенсионер. Что ему полагается? Деньги? Да. Путешествия? Отчасти. Машина и санаторий? Сколько угодно.

Директор N улыбается. В первом ряду сидит, пузом вперёд, начальник 19 цеха В. Он думает: «Как же мне хуёво».

Рядом с начальником 19 цеха В сидит начальник инструментального цеха и думает: «Рядом со мной сидит В. Вот кого надо было сделать директором. В – крупная личность. А этот V какой-то мелкий. Ин-

тересно, сколько в нём килограммов веса. Если посадить на качели с одной стороны N, а с другой пять штук V, то N всё равно перетянет».

Ряды сидят тихо, твёрдо. А кажется в этой тишине, что прямо на глазах должно что-то произойти. И происходит. Только не на глазах. Даже представить себе трудно, что N перестаёт быть директором, что заводом будет управлять теперь совсем другой человек. Это просто невозможно себе представить. И хотя N сам выбрал V себе в преемники, и хотя V много лет был директором огромного завода, который сам построил вместе с кварталами для рабочих и очистными сооружениями, – всё равно невозможно. И инженер H, который всю жизнь проработал с N, думает: «А как же...» – и думает про все сугубо секретные замыслы, которыми с ним одним делился N: как же они теперь. Неужели ими придётся делиться с V? Это невозможно. Я никогда не привыкну, думает H и, думая так, постепенно привыкает.

Между тем V, проговорив семь трескучих фраз, хватает тоже ручку и быстро ставит подпись – беглую и загнутую вверх. Аплодисменты. Теперь V – директор. Живая живулечка, неприязненно думает директор гальванического цеха. Мы ему покажем. Он, наверное, не знает, куда пришёл. Интеллигент. «Меня тошнит», – думает В. Это означает: меня тошнит.

Но когда-то это должно было случиться, потому что... Ну, уже просто свыше человеческих сил столько работать, ведь это какая жизнь-то была. Война, блокада. В войну N, молодой, ещё тридцати не было, уже директором завода работал, который радиостанции выпускал для партизан. При Сталине. Потом от-

сидка. Потом «Свободу» поднял. Ну, уже в какой-то момент здоровье совсем стало сдавать.

И тогда они с Н, тогдашним главным инженером, пошли потихоньку к V и стали его просить, чтобы V взял бразды правления. А V, он, несмотря на свою легкомысленную внешность, человек тоже весомый: много лет был директором огромного завода, причём построил новое предприятие, с нуля, в Вятке, и не только завод, но и кварталы для рабочих, и очистные сооружения. Вот он напротив N в кресле, и никому ещё неизвестно, что он будет делать сначала, а что потом. А он, V, будет делать неожиданные вещи. Вот возьмём для примера... Очень характерная история с объединением цехов. V вновь объединит цеха № 17 и № 19. Когда N их разделил, это был вопрос технологии: работа в регулировочном цеху требовала более высокой квалификации. А V их объединит снова. И для чего? И для того, чтобы прекратились вечные ссоры, распри и междоусобицы: «мы в монтажном цеху делаем всю работу, а этим регулировщикам достаётся вся честь, они белые воротнички, а мы за них тут отдуваемся». И вот V снова эти цеха объединит, потому что выросла роль человеческого фактора, роль удобства управления, менеджмента, понадобилась единая цепочка, в которой уже не само собой всё разумеется, а чётко фиксировано, кто за что отвечает, и без обид, без перекладывания друг на друга. Могло бы такое прийти в голову N? Может быть. А в голову V? Пфф! Вот именно.

И все хлопают. Сейчас вот этот худой вышел и с улыбкой что-то говорит, вот как раз Т, главный конструктор ряда изделий в ОКБ. Вот снова зал. Выражения на лицах – сложные. Почему не В? Ну, поче-

му не В, мы уже выяснили, хотя Бог его знает... Многим не нравится, что времена меняются, но никуда от этого не денешься. При N, тогда гонка вооружений вовсю шла, об этом не думали вообще, даже не ставили так вопрос. А когда спала гонка, вот тут-то и выяснилось, что надо и стиль управления менять теперь, и культуру производства как-то налаживать, потому что работник уже не просто деталь, а он человек, и его теперь надо мотивировать к труду как-то иначе, по-разному, и вообще надо оторвать глаза от станка и посмотреть вокруг, что вообще происходит... И N понимает, что V, с его открытостью, гибкостью, живостью, даже некоторым авантюризмом, – он лучше подходит на роль такого руководителя...

N протирает очки. Тяжело откинулся назад. Всё-таки какое-то смущение есть, неловкость, или просто так кажется со стороны, мы, зрители, вкладываем этот смысл в ситуацию. N ещё, похоже, не осознал. Это же тоже надо было решиться. Отдать завод, который фактически сделал. Ну, мы на самом деле не знаем, может быть, всё и не так было мирно, как здесь показано. А тут они очень дружелюбно друг с другом лобызаются. Так ведь с V невозможно по-другому. Он на тебя смотрит и тебя отзеркаливает, отражает, обаяет. Кажется, что наедине с собой V просто перестаёт существовать за ненадобностью. Многие так и не смогут полюбить его из-за этого. Им будет казаться, что сущность V – показуха – несовместима с искренностью и глубиной. N ведь знал по именам многих рабочих, он, бывало, всегда низом пройдёт. V рабочих, безусловно, по именам знать не будет; да и вообще руководить будет главным образом из кабинета...

Смотрите, смотрите, все хлопают, а вон сидит человек и не хлопает, вот он облокотился и смотрит с большим вниманием: что же это делается, граждане, куда мы катимся, кому мы завод отдаём, что за прыткий товарищ, да он если на стул нашего N взгромоздится, он же ногами до пола не достанет.

Но он достанет.

Вот, лобызаются. Причём V приходится тянуться, а N с трудом нагибается. И теперь они долго жмут друг другу руки, и V, чувствуется, не может так долго и сильно жать, как N, и поэтому V начинает улыбаться, прямо-таки вспыхивает на его лице улыбка, и когда люди из зала видят его улыбку, то у них на лицах меняются выражения, из сложных они превращаются в ещё более сложные, и кое-кто меняет позу, а тот, который не хлопал, он весь подаётся вперёд, облокотившись, а ладонью подпирает подбородок, так что за этой широкой лапой не виден его рот, а видны теперь только тёмные блестящие глаза. И это последний кадр.

[16. ИСПЫТАНИЯ]

На стене висит ковёр, вышитый крестом, вернее, крестами, то есть крестиками: внизу километры воды, глубокое дно, наверху серое небо и сопки. Вот жёлтый крестик, это в своей утеплённой куртке, которую сшила ему жена, идёт по сопкам товарищ D, одессит, идёт, выдыхая огонь, в жёлтой куртке с фиолетовыми карманами. Он идёт по дороге, петляющей между сопкам, и на него из-за сопкам смотрят неизвестные ему зверьки. Дует сильнейший ветер, он дует уже третью неделю, и потому от всего снега, что был в сопкам, осталась только дорога – она утопанная, и снег на ней держится лучше. Зимой, когда наметало сугробы, дорога эта казалась траншеей среди глубочайших барханов, а теперь барханы растаяли, их сдуло ветром, а дорога стала китайской стеной, мостиком, и вот D балансирует на этом скользком мостике, согнувшись в три погибели в своей жёлтой куртке, которая парусит. И D выдыхает огонь солнеч-

ного чесночного супа, и водки, и аспирина, и кашляет как доходяга, а делать нечего. (Мы удаляемся, и снова видим: серое на сером, косточка подводной лодки внутри.)

Испытания подводной лодки и всех приборов на ней длятся двенадцать дней. Происходит глубоководное погружение на триста метров. Набивается полна коробочка инженеров и вояк. Все сидят по лавкам в душном и тесном помещении: много еды и тусклый свет. Сидят в полной тишине и слушают, как бы где не протекло. Лодка ведь под давлением, и если где-то протечка, всё будет слышно. Все сидят и каждый, в меру живости воображения, представляет себе океанский молот, тиски, кулак, в котором лодка стиснута, как яйцо, скорлупка, огурец. Лишь немногие верят полностью, целиком отдавшись на волю судьбы. Таков наш D. Он безмятежен, даже немного весел, но не тем ненормальным весельем, которое обычно отличает людей лихорадочных и не спавших ночь, а естественно-круглым и спокойным. И он кашляет. Перед испытаниями происходит следующее (мы снова приближаемся): всех заставляют попарно лезть в ледяной бассейн с ржавой и мутной водой. Разумеется, в водолазном костюме. Метра на четыре погружают, походишь на верёвке – вытащат. Жив? Жив. Однажды D перепутался с инженером G с «Водтрансприбора». Вода, конечно, мутная, ничего не видать, наощупь ходили там два крупных инженера. Походили кругами да и запутались. Мороки было вытаскивать.

Пять километров среди сопок, в сопках дорога, серое небо, рядом море. D заходится кашлем. Ух, взопре! Круглый D вынимает из недр пуховика фля-

гу. От дома до причала пять километров. Романтика. Двести человек на одной лодке: каждый прибор обслуживает своя команда инженеров и регулировщиков. Одессит D напарником к Вите Р, известному миллионеру северных широт. Всем известно, что на испытаниях заработать можно, но настёрный Витька возвёл дело в принцип. Он решил показать, что советский рабочий действительно может честным трудом купить три трёхкомнатные квартиры в Ленинграде. Конечно, D тоже не дремлет. Недавно с ним случилась ничем не примечательная ситуация. Они с женой собрались в Ленинград на переотметку (раз в полгода обязательно). Ну, как обычно, на недельку: платьев купить, в театр сходить, родню повидать. Аэродром... И тут Ниночка говорит: «мама, меня тошнит». Жена: подожди-ка нас минутку! И исчезла вместе с Нинкой. Чёрт подери! D мечется по залу. Объявили посадку. Жены-ребёнка нет как нет! D – в администрацию, милицию! Их по громкой связи... Нет их! D подскакивает; посадка заканчивается, их нет. Они, оказывается, домой уехали. Передумали лететь. Так бывает. Дело в том, что самолёт, на котором они уже почти что улетели, разбился со всеми пассажирами. И жена, и D очень быстро об этом забыли, и не в этом, конечно, причина того, что через полгода они переедут обратно в Ленинград. Просто жена снова беременна, а Ниночку надо вести в школу.

Вот показывается вдалеке причал. Одессит D поднимается духом. Дошёл! Не сдуло! Завтра в поход, а по объекту шныряют везде, что-то чинят, перепаивают. Нормальная ситуация (злорадствует D). Некоторые сутками не вылезают. Но у нас-то всё готово. Витька Р тащит за руку: шухер, D, у нас ничего не ра-

ботает. То есть? Почему? То есть вообще не включается... D бросает в пот. Он чешет под кудрями и растёгивает жёлтую куртку. Остатки чесночного супа улетучились. Погоди, сейчас я развинчу.

И он развинчивает. И заглядывает внутрь. И раздвигает прибору кишки. И светит туда фонариком. И ищет. И не находит. Потому что можно искать иногда хоть всем регулировочным цехом и ни хрена не понять. D сатанеет. Идёт восьмой час, и начинает темнеть. В поход уже завтра. Витька ходит кругами. Они ищут вместе. Мать вашу! – кричит D. – Я понял! Кривая крышка! О, олухи!.. Как они покрасили крышку?! Недаром говорят, что в нашем деле мелочей не бывает. Стесать краску?.. Но тогда герметичность будет нарушена. Что же делать? И тогда D находит железную плашку, обматывает её изолентой в три слоя и кладёт под крышку, чтобы контакты сошлись. Включаем... (Барабанная дробь.) Есть контакт! D раздражается залпом оглушительного кашля, Витька озирается. Если обнаружат вояки – могут и под суд. Сдавали-то прибор без плашки на изоленте. Но кто, кроме них, туда полезет? Даже если прибор сломается, полезут именно они. Крышка завинчена наглухо. Работает! Работает! Витька Р и одессит D приходят в бодрое настроение. Они поглядывают на остальных (победоносно).

Огромный ковёр на стене, шерстяной ковёр, вышитый крестиком. Серые волны смыкаются над маленькой косточкой подводной лодки. Двести человек внутри, вояки и инженеры, как воды в рот набрали. Тишина и мерный зловещий гул. D старается не кашлять. Он думает про плашку. Ладно. Чёрт с ней, с плашкой. Расслабься. Стрелять-то будем? Было тут года два

назад: ракеты полетели не туда. Направились, понимаешь, в дружественный Китай. Если бы долетели, было бы совсем не смешно. К счастью, успели сбить. Инженеры сидят, и каждый думает про свою плашку, а кто-то – про медный провод или ещё что-нибудь такое. Долго думают. Прошёл час стрельб, но ничего не происходит. Входит офицер. На его лице выражение спокойной безнадёги. Все пытаются понять, в чём дело. Стрелять-то будем? А? Не будем. Не будем сегодня стрелять. Отбой, товарищи. В семнадцатом квадрате охотники в тайгу вышли. Охотники?! Мать их за ногу!! Нашли время!! Их что, предупредить не могли?! Идём домой. Следующая попытка через три недели.

Одессита D пробивает на хохот первым; за ним начинают хохотать и другие. Плашка! – стонет D, забыв о строгой секретности. – Изолента! Охотники!.. Ха-ха-ха!..

[17. ПЕРВОМАЙ]

Вот наша первомайская демонстрация. (Радостно встречает Первомай Страна Советов. Кумачовые знамёна, транспаранты, весёлые песни и звуки оркестров, необъятное море участников манифестации.) Сверху белое небо, снизу асфальт, на заднем плане просматривается здание Кировского универмага. Заводчане «Свободы» всегда вставляли в хвост колоннам с Путиловского (Кировского) завода. Вот сейчас показан как раз именно этот момент: мы стоим и ждём на ветру большой толпой. Погода солнечная и ветреная, кажется, в тот день было очень холодно. Слева, у самой границы между видимым и невидимым, стоит Ф, ему тридцать два. И так как камера снимает не его, а стоящих рядом с ним женщин, то, между тем как камера их снимает, случайно попавший в кадр и не ведающий о том Ф задумчиво смотрит в сторону Нарвских ворот, где ребёнком во время блокады он видел повешенных немцев.

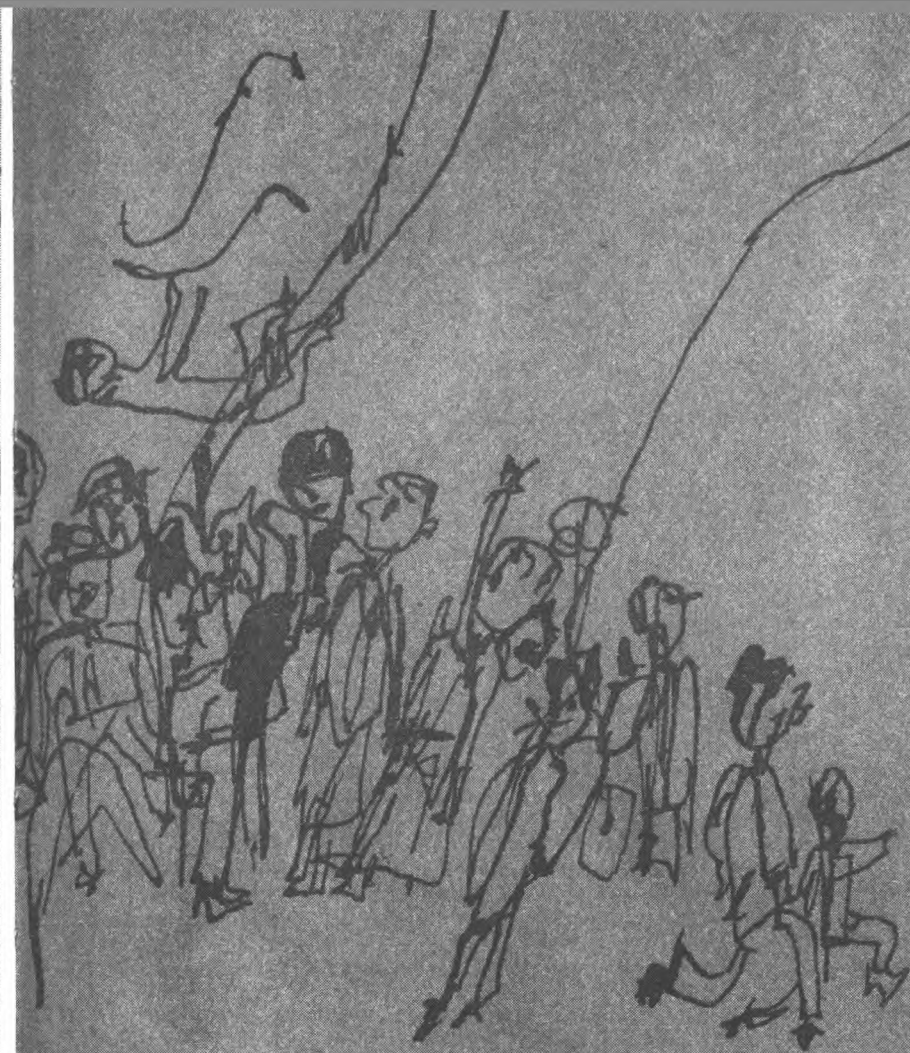
(Советские люди вступили в очень ответственный период пятилетки. Нынешний год по существу определит, с какими результатами страна придёт к её завершению. Сообщение ЦСУ СССР об итогах выполнения плана говорит об уверенных шагах нашей индустрии, о наших новых больших успехах.)

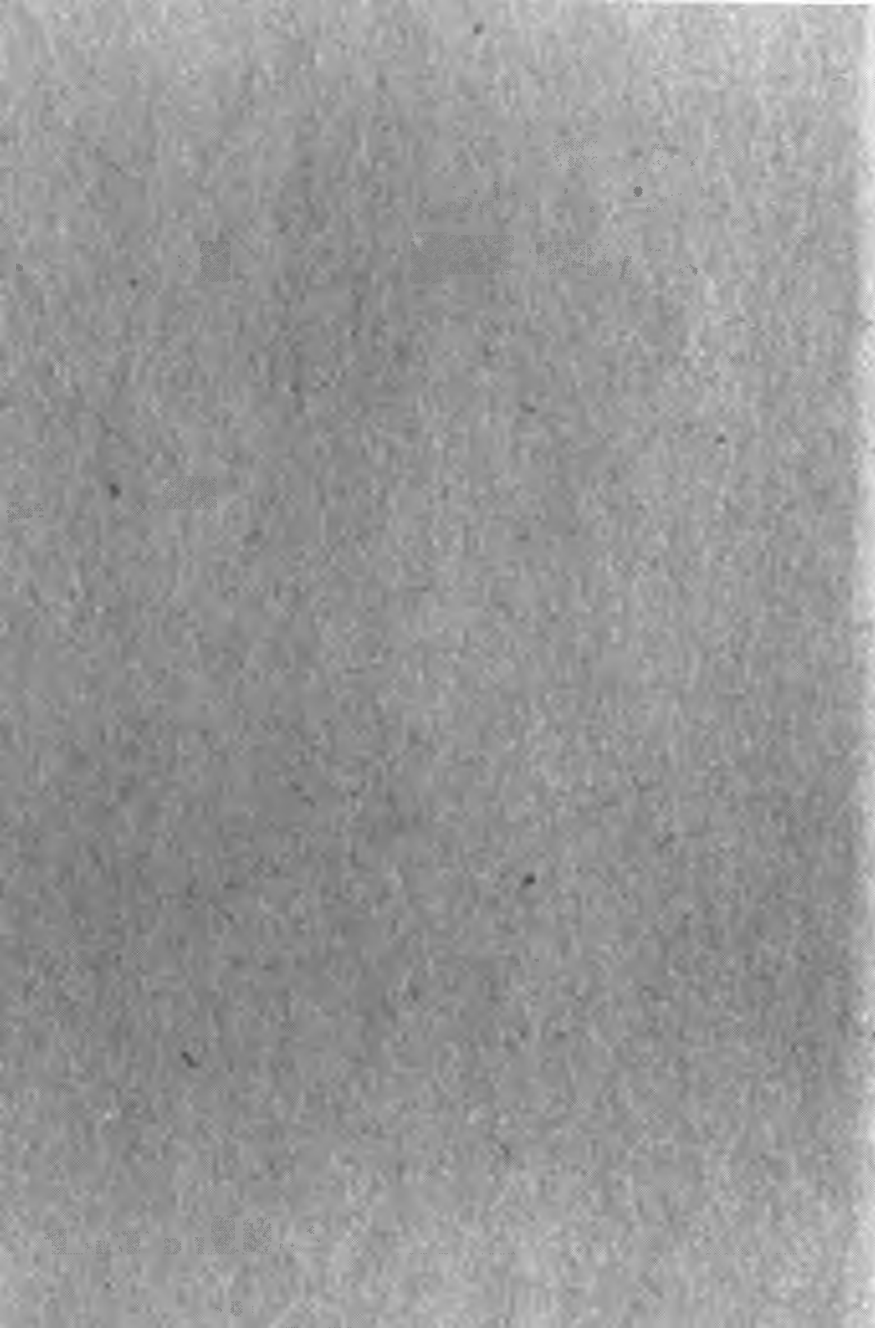
Вот две женщины в пальто непринуждённо беседуют. Полы их светлых пальто развеваются на майском ветру. Они в туфлях на шпильках. В руках у них по гвоздике. Та, что слева, красивая, с пухлыми губками на худом личике, смахивает слезу и улыбается. Слеза – тоже из-за ветра. Мельком показывают заводскую семью, крупную девочку в пушистой шапке и с маленьким красным флажком, ещё один смеющийся ребёнок с шаром сидит на папиной шее. То, что фильм может передать: солнце, ветер, шары, высокое небо, флажки и флаги, транспарант на грузовике («Слава КПСС»), по бокам грузовика ряды серпо-молотов, на борту – рельефные светлые буквы: «Свобода» (название завода выглядит лозунгом). То, чего фильм передать не может: запахи ленинградского завода в холодный солнечный день, запахи свежего морского ветра, асфальта и железной крошки, запахи кирпича, битума, бетона, креозота, свежей травы, земли, машинного масла, дыма.

(В праздничной колонне идут ветераны, участники Великой Отечественной войны, рядом с ним – молодое поколение рабочего класса, продолжающее дело своих отцов и матерей. Среди них – ударники коммунистического труда и передовики производства. Патриотический долг каждого советского человека – ознаменовать этот праздник новыми достижениями на трудовом фронте.)

ЗАВОД «СВОБОДА»

Вот идёт верхушка нашего завода. Этот бодро шагающий крупный мужчина в длинном пальто и шляпе – сам легендарный второй директор «Свободы», N. Справа от N – громогласный и буйный начальник сборочно-механического производства В, отличный работник, запойный пьяница. О нём постоянно ставился вопрос, но как ставился, так и снимался – как без В быть заводу? В писал покаянные объяснительные о моральном облике. После отставки N все думали, что директором сделают В, но его, конечно, не сделали. Слева от N – плановик-экономист О, тогда ещё новый человек на заводе. Все трое оживлённо беседуют. Они в хорошем настроении, В смеётся, N разговаривает и жестикулирует, О, улыбаясь, машет камере цветком красной гвоздики. А за ними: лучшая лыжница завода, и роковая кокетка, и модные усатые юноши в тёмных очках, и I, «самые длинные ноги ОКБ», и очарованный пацанчик-пионер в расстёгнутой драной куртке, и хохочущий начальник ремонтного цеха, обаятельный, мастер на все руки, в перчатках и с детским флажком на круглой деревянной палочке, и близняшки-зайцы-октябрюта с щербатыми передними зубами, и немолодая знойная бухгалтер, и стайка малярш из цеха 13, и юная Z – специалист по гальваническим покрытиям, и U, аскетичный главный конструктор стратегически важного изделия 5Т-42Р. Камера подпрыгивает. Все дома (проспект Газа, ныне Старопетергофский) густо залиты солнцем. Окна сверкают ультрафиолетовыми звёздами.

(В руках над головами ликующих колонн – дети, очень много детей. Наша надежда, наше настоящее, наше будущее. Трудящиеся нашего завода продолжают

славные традиции героического рабочего класса Нарвской заставы, претворяя в жизнь ленинский завет: «Мы придём к победе коммунистического труда».)

То, чего фильм передать не может: однажды на «Свободе» оказалась делегация коммунистов одной из мятежных латиноамериканских республик, и они спросили у комсомольцев: «Вот у вас зародилось революционное движение. Расскажите, а – как? Какова методика организации подполья, устройства настоящей революции?» Комсомольцы погрустнели. А вот что фильм может передать: идёт военный оркестр, блещут инструменты на ярком солнце, трубач одной рукой играет, а другой держит самодельные партитуры. Крайний слева, тромбонист, косится в ноты. Справа – трубач, колоритный персонаж лет пятидесяти, крепко сбитый, в кепке, с бачками, в распахнутом пальто. А за ними – женщина в пушистой шапке и с шариком в руке, трое рабочих под руки, тёмные лица, кепки, улыбки, «Партия и народ едины», «Слава передовикам производства», девочка в клетчатом пальто и в платочке, пожилая пара в одинаковых тёмных пальто, верхушки деревьев над Волинкиной улицей. Ах да, и медные тарелки!

(В колоннах демонстрантов Кировского района идут трудящиеся нашего завода. Рядом со своими наставниками, ветеранами труда, идут молодые рабочие, которые с честью несут трудовую вахту пятилетки, показывая пример добросовестного отношения к порученному делу, выполняя задания в срок, с высоким качеством.)

Унылое впечатление навеивает всё-таки эта сцена, не знаю почему. Вот я иду в толпе, весело помахиваю

вая портретом Суслова. Я сам набивался нести какой-нибудь портрет, за это нам давали десять рублей. Я иду-болтаю с симпатичной толстушкой, она хохочет, её перманент выбивается из-под платка, цвета которого я не помню, а губы ярко накрашены и в солнечном свете кинофильма засвечены и черны. Её звали Раиса, она была лучшим диспетчером завода, прямо-таки создана для этой должности. А потом брат её мужа женился на иностранке и уехал в Израиль, так Раису в двадцать четыре часа перевели из диспетчеров куда-то в бухгалтерию. Несколько лет назад я узнал, что она со всей семьёй уже давно живёт в Америке. Но почему же такое тоскливое впечатление, ведь тоска возникает не из-за того, что это коммунистическая демонстрация, а не свободный народный праздник, и что люди на ней – в сущности несвободные люди. Не из этого. Но и не из того получается тоска, что тогда мы были молоды, а теперь мы старики. Нет, это внутренняя тоска самого фильма, эстетическая, именно солнце, кажется, усиливает её, потому что я ведь знаю, что, несмотря на солнце, там, на праздничных улицах, холодный май, руки мёрзнут и сохнут на ветру, по улицам носит весеннюю пыль, листья ещё нет, а красных флагов, гвоздик, разноцветных шаров чёрно-белый фильм не может передать, он не справляется с красным цветом, особенно когда его так много. А может быть, из-за музыки, то мажорной, то минорной, но неизменно трубной, ритмичной, квадратной, похожей на наши дома, наш город, солнечный и пыльный, город сверкающих, параллельных трамвайных рельс, круглых площадей-арен, цирковых трюмонов. Да, и литавр.

[17. ПЕРВОМАЙ]

(Да здравствует миролюбивая ленинская внешняя политика Советского Союза! Да здравствует великий советский народ!)

Вот и Дворцовая площадь, ряды трибун, официальные лица под шляпами, огромный круглый герб, увитый золотыми гремучими колосьями, и весёлые толпы заводчан, как из рога изобилия, льются с Невского и, замедляя шаг, сливаются с другими толпами, а гигантский Ленин на фасаде Эрмитажа, тоже в толпе своих гигантских рабочих, шагает нам всем навстречу, и улыбающиеся дети едут на папиных шеях, над их шапками, лысынами, причёсками, сидя на скрипучих кожаных воротниках, щурясь на ярком солнце, размахивая флажками, и уже устало улыбаются молодцеватым матросам девчонки-комсомолки из цеха 13, а два почётных рационализатора из цеха 31 давно жаждут перейти к неофициальной части, потому, как говорится, трубы горят, да и тромбоны тоже горят, и пересохли рты, и асфальт пересох, и солнце шпарит с официальных небес, совершенно белых, круглых, выцветших и пустынных, на головы, на шапки, на круглые деревянные палочки флажков, на шары и верёвочки в маленьких замёрзших лапках, и вся маниакальная демонстрация, сбивая шаг, съезжает косо куда-то вбок, в угол экрана, и остаётся пустая площадь, залитая холодным майским солнцем, как лампой дневного света, и ждёшь декабря.

[18. ТЕАТРАЛ]

Да-да-да, кино – это правильно! – поддакивает директор V. Именно так. Угощайтесь! А-а! Да. Так. Правильно! Здесь у нас ещё не всё, так сказать, тип-топ, поэтому мы и решили вас пригласить. Нам хотят дать новый гражданский заказ. Большущий. Медицина. А для этого они хотят проинспектировать завод. Ну я и говорю: чего там инспектировать?! Снимем, понимаешь, фильм, чем им здесь ходить по заводу и мешать, между нами говоря, людям работать! А мы им снимем красиво, так что им ещё захочется... Да вы угощайтесь! Нет-нет, ни за каким вы не за рулём, а ещё вот это, это наш дорогой уважаемый W привёз из Лондона, он у нас... Инга, входите-входите! Я не занят! Я, знаете, люблю одновременно... Я всегда доступен. Знаете, сначала вы должны непременно снять нашу новую столовую! Это было первое, что я реконструировал, когда пришёл на пост директора этого замечательного... Ин-

га, здесь слово «эффективность» не подходит, здесь надо бы «результативность», чувствуете, ххех, да?.. И как это всё сразу заиграло! Теперь не подкопаться. Мы ведь не количественные показатели сейчас обещаем... Идёмте! Вот смотрите! Видите? Как вы думаете, это что? Да, я вас слушаю! Нет, пошлите их в пятнадцатый, всё именно там, нетронутое! Да, так вот: это кинескопы... Мы делали трубки для первых советских телевизоров, и на заводе остались лишние... Это я придумал отделать ими стены на лестничных клетках. Правда, потрясающий дизайн?! А вы видите эти лампы?! Их разработали инженеры нашего ОКБ, честь им и хвала! Думаете, это не важно? А-а! Вот рабочий, например, выходит из цеха, и что он видит? О, Пал Палыч, привет! Вот, знакомьтесь, это начальник девятого цеха, у него здесь и сын работает. Между прочим, большой друг моего предшественника, легендарного директора Н. Да. Без Н, я всегда говорю, что без Н... А вы знаете, что «Гауди» на латыни означает «Радость»? Это мой любимый архитектор. Минуточку. Я вам уже сказал, что это я подписывать не буду, пока не ознакомлюсь с детальным планом. Кого вы хотите обмануть? Так. Вот здесь вы можете меня снять крупным планом? Как я рассказываю, а вы снимайте. Здесь нормальный свет? Если не очень, мы можем посодействовать, задействовать из павильона, у нас тут... А это наш участок прошивки печатных плат! Здравствуйте, товарищи! Первое, что я сделал, когда я пришёл на завод, – я всё механизировал. У меня страсть к механизации. Пусть другие обожествляют тяжёлый труд, а я вслух говорю, что... Мне попался на глаза участок прошивки печатных плат. Я их, глаза свои, вытарасил! Женщины си-

дят годами и, теряя зрение... Я пришёл в ОКБ: есть среди вас сумасшедшие, кто мог бы механизировать? Один такой вышел, говорит: я могу. У американцев такого нет! Угощайтесь, это наш начальник тридцатого цеха у себя на участке выращивает. Не бойтесь, это всё нормально, мы и сами растим у себя под окнами, снимать не надо, нет. Только если очень коротко. Так. Я понял. Это я уже давно понял. Нет, будет по второму варианту. Да, несмотря на ведомость. Не менял и не собираюсь менять. Вы снимайте, снимайте! Сейчас, конечно, всё совершенно не так, как при N, у нас уже другие задачи. Прежде всего – это гражданская продукция. Мы не должны зацикливаться... Про меня знаете как шутят?.. «Директор наш не старый хрыч. С собой орёл, повадкой Лев, характером Ильич!» Ха-а-ха-ха! Ну, я дурак, конечно... До «Свободы» я возглавлял завод в городе Нейбуш. Это Юрьевская область, уже почти Урал. Там целый город мы построили. Ну, «мы» это я уж так... Завод построили, а к нему – несколько микрорайонов, очистные сооружения, школы, больницы. А что будет, если он встанет, этот завод? Вы думали? Никто не думает! Прежде всего – окружающая среда! Это новое мышление, так у нас ещё никто не мыслит! Если завод встанет, что будут делать рабочие?! Вы мне, конечно, можете говорить, что он не встанет... Но ведь когда-то и заводов не будет! Ну или почти не будет. Я читал некоторые исследования... вот вчера мы с женой... Да! Ну вы даёте! Что вы рубите сплеча?! Тут лучше впритирочку!.. Нужна осторожность. Попробуйте Я выдвинуть, предложите его кандидатуру. И посмотрим, что получится, какая будет у них реакция. Я считаю, это компромисс. Да-да. Ну так вот: вчера

вечером мы с женой были в театре... А надо сказать, я заядлый театрал! Я даже в юности собирался стать актёром. Так вот: пришли мы в театр, а тут бенефис Гамбревского. Сейчас я вам расскажу. Я учился тогда в училище... И, ещё не закончив его, пошёл поступать в театральное, на его курс, это было, боже мой! Двадцать пять лет тому назад. Я пришёл к нему. Он мне говорит: всё отлично, мы тебя берём! А меня не отпускают в училище. Бумажку не дают. Ну хорошо, говорит Гамбревский, тогда мы тебя берём на второй курс, и они не смогут тебя не отпустить! Я прихожу на приём к декану нашего училища, мне повезло, что он мне попался... вернее, что я ему попался... Он говорит: ты сходи, парень, к ней... Была тогда такая Комаровская... Актриса, пожилая, гениальная абсолютно... Очень много с молодыми возилась... Сходи, говорит, к ней, я тебе дам телефон. И пусть она скажет. Вот если она скажет, что тебе надо быть актёром, – то будь. Я пошёл. Мы с ней проговорили часа два. И она мне... Не надо делать того, что не надо делать! Чините линию сначала, а не пытайтесь кустарным способом там что-то организовать. Так вот. И Комаровская мне говорит: нет, не надо тебе быть актёром, ты человек настроения, актёрство тебя сгубит. И вот эту историю я вчера... О, а вот поглядите – это моё любимое новшество, которое я пытаюсь ввести на заводе. Полная автоматизация управления! В соответствии с генеральной линией на пятилетку механизации и оптимизации! Вообразите: весь производственный процесс раскладывается на операции, автоматически назначаются ответственные, и у каждого из принтера вылезает бумажка, на которой – сроки выполнения операции. Всё сразу схва-

тывается. Уменьшается время пролёживания между операциями на тридцать процентов! Введу в сентябре. Снимайте, снимайте. ...Ну так вот: после спектакля я подхожу за кулисы к Гамбревскому... Он меня сразу узнал! Очень странно, говорит, очень, очень странно, что вы не стали актёром! А я ему отвечаю: чем плохой актёр, лучше хороший генеральный директор, ха, ха, ха! Вы не думаете? Только, ребята, у меня к вам очень большая просьба. Получается, что я выпендриваюсь очень сильно. Я этого обычно избегаю. Но как вам ещё об этом рассказать? Я, конечно, дурак, но... Да!.. Вот именно!.. Угощайтесь!..

[19. ЗОЛОТОЙ ШАР]

Есть такая тема – рак...
Погодите вздрагивать. Речь пойдёт о том, как завод «Свобода» боролся с раком на всей территории Советского Союза. Это правдивая история, вы можете её погуглить, если хотите. И это будет рассказ о человеке по фамилии Х – об инженере блестящем и проницательном, о человеке редкой гениальности, лёгкости и глубины.

С Х (назовём его так, по-рентгеновски) мне повезло проработать сорок лет. Пришла после института инженером и сразу попала на «Золотой шар».

Тогда его только начинали осваивать. Директор V испытывал сильнейшее и тайное желание переделать «Свободу» из оборонного завода в гражданский. Он был верующим и предвидел будущее. Думаю, V был настолько же хорошим директором, как и легендарный N, хотя их и трудно сравнивать. И вот

ЗАВОД «СВОБОДА»

У самостоятельно внёс предложение: дайте «Свободе» заказ на аппарат для облучения раковых больных! Ведь самое главное у нас есть: мы умеем делать точные прицелы! И пусть этим займётся Х, ещё такой молодой и столь замечательный изобретатель, с лёту находящий нужные решения во всех областях.

И Х занялся. Он отложил все другие разработки и с тех пор занимался только «Золотым шаром». Сам разрабатывал, испытывал, запускал в серию, а первые образцы и сам поставлял.

Тогда в СССР таких аппаратов не существовало. Были стационарные установки, в которых головка перемещается вверх-вниз. Это означает, что пациента надо привязывать, крутить. У «Золотого шара» головка могла перемещаться во всех направлениях. А значит – можно точно рассчитать дозу. И не переоблучить здоровые ткани.

Помните у Солженицына «Раковый корпус»?

Там есть эпизод: семнадцатилетней девочке делают мастэктомию. Читать об этом тяжело. Но Солженицын великий писатель, и дальше мы читаем: «...то, что её будущий ребёнок с этой грудью уже никогда не сделает...» Так автор заставляет нас отчасти поверить, хотя бы предположить, что девочка останется жива, родит, будет кормить другой грудью.

И Х, а с ним и я, – мы спокойно занимались этой темой, осознавая, насколько она важна; может быть, единственно важная тема на заводе «Свобода», как нам втайне казалась. Как руководитель Х был человек лёгкий. Работать с ним было просто и легко. Он никогда не сюсюкал, мог съязвить, но как-то так выходило, что у него все начинали работать хорошо;

может быть, он просто умел каждому дать то, что именно у этого человека выходило лучше всего.

И ещё – Х был чрезвычайно отзывчив. Онкологическая медицина – тема тяжёлая. Как только мы стали поставлять наши аппараты, начался ажиотаж. Выстроились огромные очереди на лучевую терапию. Бюрократические барьеры, взятки... А Х, он ведь знал там всех. Имел связи. И как только он слышал, что заболел кто-то из работников или из их семей, сразу помогал: устраивал на лечение, лично ездил договариваться в Песочную или на Берёзовую аллею.

А ещё – он был остроумец и оптимист, галантный с женщинами, превосходный рассказчик, любитель анекдотов, заядлый шахматист; при случае мог расписать и пулю. А если кому-то нужен был Х в обеденный перерыв – иди в курилку ОКБ, где они устраивали блиц-турниры по шахматам. И играл-то Х не лучше всех, были и помощнее него умы; но с ним играть было приятно, он и выигрывал, и проигрывал легко, так что собеседник-соперник получал от игры наслаждение.

И обладал шеф, в придачу, нестандартным, блестящим талантом инженера. Часто он задавал абсурдные вопросы совершенно, предлагал бредовые варианты, чтобы отвлечь от стереотипов, посмотреть с другой стороны. Начинается критика, а потом – раз, и решение приходит. И не было ни одного случая, чтобы мы чего-то не смогли!

Наш «Золотой шар» стал спасением для пациентов из стран Варшавского договора. Хотя поставлялся он и в капстраны тоже. Просто в СССР, Болгарии, Монголии, на Кубе он был единственным. Сейчас

некоторым «Шарам» уже лет тридцать-сорок, а они всё работают, людей спасают. Конечно, кобальт надо вовремя переставлять, а это не всегда делается... С кобальтом и тогда проблемы возникали... Бывало: прибор смонтирован, а кобальта нет ещё. Приезжает однажды Х на монтаж в Грузию, в клинику. Смотрит – в коридоре к бункеру с «Золотым шаром» пациенты сидят в очереди. У них там цыплята в корзиночках, вино... Х интересуется у главврача, в чем дело: ведь кобальта ещё нет! А тот снисходительно так ему: «Понимаешь, дорогой – психотерапия!»

Анекдот анекдотом, а ведь и правда. Некоторые пациенты хотят, чтобы их облучали больше. А больше нельзя. И тогда назначается сеанс облучения без облучения. В демонстрационном режиме. Помогает ли, не знаю. Больной меньше боится – уже хо-рошо.

В другом южном городе тоже было. Проверяем условия эксплуатации. Смотрим, на улице за одной из стен уровень радиации зашкаливает. Х говорит: мы не можем разрешить, стройте бункер. Главврач отреагировал мгновенно: «Слушай, ну хочешь, я часового поставлю, чтобы людей отгонял?!»

А традиция эта, заводчанам помогать, если кто-то заболел, она сохранилась. И когда моя мама заболела раком, её очень быстро устроили на радиотерапию. Правда, ей даже «Золотой шар» не помог.

Может создаться ощущение, что Х прожил жизнь беззаботно, с лёгкостью; нет, всё было не совсем так. Всё-таки, годами работая в этой сфере, он – особенно с годами – проникался... Не знаю, как об этом сказать... Расскажу прямо, хотя и сомневаюсь – стоит ли.

У Х было много приятелей. И два близких друга. Один социолог, другой антрополог. Не знаю, где они теперь, живы ли. Они втроём с Х вывели одну странную и страшную гипотезу. Причём это был не просто плод, как говорится, праздных размышлений. Научная база, доказательства. Вы об этой гипотезе сейчас нигде не услышите. Х потом перестал ею заниматься, нигде не публиковал.

Я с Х по работе соприкасалась очень близко, но об их гипотезе никогда не спрашивала. Лишь однажды под Новый год, это был новый 1988 год, мы его встречали у Х на даче, – часов в пять утра мы сидели с ним на веранде, за окнами блестит снег, мы курим, пьём кофе, зябнем, – и я набралась смелости и спросила: что у вас там была за гипотеза? И Х мне очень буднично всё изложил. Вот что они открыли, если сказать по-простому: человечество подобно раковому заболеванию. Человечество есть рак. Развивается по тем же законам. Борется само против себя и в этой борьбе обречено. Х приводил доказательства, я не помню их сейчас. Он мне доказал.

Я: а как же Бог? Почему-то такой вопрос задала. Я спросила: разве это главное в нас – что мы боремся против самих себя? Х мне: нет. Не главное. И так он это сказал, что я поняла: неважно, что это не главное. Не противоречит это их гипотезе. Мы рубим дракону голову, а на её месте вырастает три. И это не только резистентность рака или бактерий. Это о самом человечестве, о человеческом разуме, о цивилизации.

У Х, я гораздо позже узнал, были неприятности из-за этой гипотезы. Хотя он её и не пытался публиковать. Неудивительно. Гипотеза страшная, незна-

дѣжная. При этом вы смотрите – да? – кем был X, чем он всю жизнь занимался. Зная, в какой это всё узор складывается, что над этим всем стоит, он всю жизнь делал и делал свой «Золотой шар», спасший миллионы людей. Может быть, мне не стоило рассказывать. Но без этого непонятно. А с этим всё становится на свои места.

[20. РАЦУХА]

У нас на заводе все – рационализаторы. Директор поощряет. Пимпочку какую придумашь или бобышку новую – вперёд. Он сам, наш директор V, рационализатор. По духу. Мы, на «Свободе», такие. От уборщицы или стажёра до директора – все рацухи вносим. И не только придумываем, но и делимся. Хотите наше изобретение? Пожалуйста! Берите и внедряйте.

Ну а я что? Тоже придумал полтора десятка бобышек-пимпочек, а потом, знаете, надоело. Мне в конце концов захотелось кардинально вопрос решить. Что у нас главное на заводе? Машины, думаете, станки? Ничего подобного. У нас самое главное люди. И вот тут-то – рационализаторы, ау! Молчок. Никто не работает по этой части. Все стремятся усовершенствовать машину. Свёрла там. Фрезы новые. А человека-то как? А-а!

Вот я и решил по этой части пойти. Потому что у меня к этому делу есть и природная склонность. Я, на-

пример, двоюродного брательника уговорил курить бросить. Ничего особенного не втирал, не агитировал, лёгкие курильщика не демонстрировал. Ему всё равно было бы пофиг. А просто я сказал: бросай! Бросай – или присоединяй к себе Камчатку. Двоюродный брат пораскинул мозгами: Камчатку труднее. И бросил курить. На пироги перешёл. Ему жена печёт.

Но на заводе – не так просто. Тут дело другое. Тут люди в промышленном масштабе варятся. Вот, например, начальник семнадцатого цеха Ф. Крепкий человек. Каждый вечер после работы дерябнуть стакан спиртяшки – это ему так, как воздух. Ничего с этого. Вы от воздуха пьянеете? Только в крайнем случае. То же и курево. Смолит вторую от первой. Так что с этого конца неверно было бы хвататься. А вот со стороны чакр – да.

Есть у меня дома такая книжка. Ну, то есть, вернее, не сказать чтоб книжка, а так – распечатка. Вы не подумайте, книжка у того автора тоже выходила. Но лишь один раз. Её быстро скупили, а переиздание у нас сами знаете как. Не спешат. Там многое было. Про обливание. Про босохождение. Про то, что вода всё запоминает. Про китайский гриб и акулий зуб. И ещё там было про облучение крови. Правда, гадательно так, автор сам оговаривался, что он не пробовал, ибо – ну где ему было попробовать? Но горячо автор был уверен, что если кровь облучить, то лучи принесут организму огромную пользу, человек станет здоровее и доживёт в среднем до ста десяти, учитывая потенцию. Вот за это я и ухватился.

Я человек скромный. Тихо, не делая излишней рекламы себе и своим достижениям, внедрил я своё рацпредложение между собой и некоторыми моими

товарищами по девятому слесарному цеху. Коля сказал жене, подключилась и часть бухгалтерии (три женщины из отдела затрат). И мы в отдельной комнате стали во время обеденного перерыва облучать кровь. Прежде всего мы купили в Нарвском универсаме вскладчину большое хрустальное блюдо. Это мы сделали, чтобы всё было красиво и эстетично, что также немаловажно. И, кроме того, чтобы увеличить площадь облучаемой поверхности. В кувшине, например, или ковше это делать труднее. Затем мы добыли капельницы у сестры Антона А, которая работала старшей медсестрой в инфекционном отделении детской больницы на Авангардной. И принялись за дело. Мы сливали нашу кровь в блюдо, облучали её, а затем заливали к себе обратно. Мы учитывали разницу в группах крови, никогда не смешивая кровь несовместимых групп. Впрочем, таковых у нас и не было. По счастливому стечению обстоятельств, почти все мы имели кровь второй положительной группы. Только жена Николая имела первую группу, которая, как известно, может быть перелита и другим группам тоже.

Немного о результатах. Конечно же, я вёл дневник эксперимента. В первый же месяц после внедрения моей ракухи совокупная эффективность участников проекта увеличилась на 43%, даже если учитывать Гришу, который в конце месяца ушёл в запой. Если же Григория элиминировать, то наша совокупная эффективность за первый месяц возросла более чем на 70%! Почти вдвое! Разумеется, мы не могли исключить влияния других факторов, в том числе – сезонности; но ведь параллельный эксперимент не поставишь, а для дальнейших исследований требовалось время. Увы, этого времени нам не дали. На со-

рок седьмой день после начала внедрения моего рацпредложения в нашу комнату вошёл сотрудник службы безопасности предприятия и со словами: «Совсем охуели, ребята? Хотите в морг?» – изъял блюдо, капельницы и облучатель. При этом он не стал дожидаться, пока мы вольём кровь обратно в наши организмы, таким образом, конфисковал вместе с оборудованием и нашу кровь, которая могла бы ещё послужить.

Все мы были огорчены. Мои объяснительные не имели результата. Начальник нашего цеха Павел Павлович Р при упоминании о моём рацпредложении только грубо ругался и кричал на меня, суть его нарратива сводилась к тому, что я должен испытывать положительные эмоции от пребывания на «Свободе» и вообще на свободе. Наконец я добился аудиенции у директора Льва Ильича V. Выслушав меня, директор весело расхохотался, хлопнул меня по плечу и сказал: молодец! Работай дальше! И я пошёл работать.

Может быть, моё рацпредложение и вправду не было подходящим решением для предприятия, такого как наше. Я решил не заикливаться и занялся изготовлением самодвижущихся шахмат, в которые можно играть на потолке комнаты.

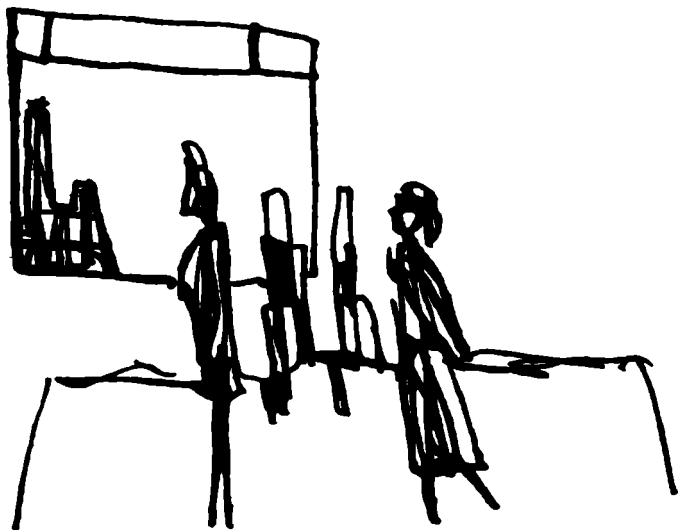
[21. ФОРЕЛЬ]

Танечка S, которая работала когда-то главным диспетчером, а теперь руководит профсоюзом, едет по форель с главным экономистом O. У меня столько дел, страхование лежит со вчерашнего дня, но разве нашему директору возразишь? Да, V странный. Что, это дело главного экономиста – ездить в подсобное хозяйство за рыбой? Вообще, зачем нам эта форель сдалась? Авантюра какая-то, между нами. Лучше бычков бы выращивали или пчёл разводили. O, про пчёл вы мне не говорите. (Пустое и прямое, как стрела, Кингисеппское шоссе.) Вы знаете, что V действительно собирается устроить пасеки? Ну, думаю, это останется в планах. Не факт. Скажут, так будем и пчёл... Танечка, а вы молодец! Как это вы, а? Лечебные деньги выбили всем работникам. Я вами восхищался. Сидят генералы седовласые, и тут выходит такая, понимаете, девчонка и рубит прямо: если вы платите руководителю оклад, за-

платите рядовому работнику пол-оклада! И гробовая тишина... Ой, да я сама пожалела, что так резко. Надо было мягче сказать. Нет, Танечка, не надо мягче. В самый раз. В самый раз. Просто никто не знал, как это было и чего это стоило. Я знаю. Бояться не надо. Вы ещё в таком возрасте, что можно не бояться.

Да меня вообще в профсоюз насильно запихали. Вы знаете, что я филфак окончила? Да, да. Был момент, мне очень нужно было уехать из города по семейным обстоятельствам, просто отключиться от всего. И я поехала на испытания в Крым, в командировку. И в первый же день утонула. Представляете, залезли в море с подругой и поплыли. А с непривычки, три года не плавала, у меня начало руки, ноги сводить. Говорю спокойно так: Люсь, тону! Хорошо, что мы ещё не успели отплыть далеко... Ничего, что я вам это всё? Очень хорошо, что вы мне это всё, Танечка.

Здравствуйте-здравствуйте! О, какое у нас высокое начальство сегодня в гостях! Ну что, пойдём оформлять. Иван Дмитрич, передайте огромное спасибо вашим инженерам и лично товарищу Н за устройство для разбрасывания корма! А не могли бы вы придумать ещё какое-нибудь отдельное устройство для отлова и погрузки? Попросите, пожалуйста! Вы, я знаю, всё можете! Иван Дмитриевич. А, простите, как вас? О-о! Профсоюз! Я польщён. Вот, это вам. Спасибо, я... Как хоть форель – едят? Нет, больше меняют, честно говоря. На более дешёвую рыбу. Треска – десять кило к одному, сиг три. Солят – и на зиму. А так... в рестораны продаём. Как обычно. Ну и ладошки! Ну и прекрасно! Теперь нам понадобится чашка полтора, чтобы... Вы можете пока прогуляться,

например, вот к речке, у нас там очень живописные холмы. А мы пока выловим и взвесим.

День очень тихий, серый, темноватый, покорный. Берег реки спускается в тихую прозрачную воду. Тут и там покоятся серые валуны. Серо-зелёная трава совсем пожухла. Удивительно здесь тихо и тепло. Не похоже, что скоро зима. А давайте костёр разожжём! А чем... что подкладывать? Поле ведь. Идти хворост искать... Ну ладно, правда, не будем.

Вот вода. Над водой как будто стены вознеслись. Вы какие стихи любите, Иван Дмитриевич? Я? О, я вообще стихов не знаю. У меня отвратительная память на стихи. И очень хорошая – на цифры. Ну, это естественно. А вы, Танечка? Знаете, был такой английский поэт, Уильям Блейк. Слышал. Вы его

в оригинале, конечно, читали? Я его сама переводить пыталась. Очень сложно. Вот такое: So come home my children, the sun is gone down / And the dews of night arise / Your spring and your day are wasted in play / And your winter and night in disguise. Домой же, детки, закат, закат / Роса выпадает поздняя. / Ваших дней весна вся в игре прошла. / Зимняя ночь надвигается грозная. Почему вы такое грустное выбрали? Встаньте-ка вон на тот камень, а то этот качается. Не бойтесь. Так.

Танечка, я давно хотел с вами куда-нибудь сходить. Или съездить. Вы удивительный человек. (Чёрт, чёрт, чёрт!! Что я несу?! Удивительный человек!! Ещё бы сказал – «человечек»!! «Я одинок, и вы одиноки»!!). Ничего более неуместного представить себе невозможно!!) Я – удивительный? Иван Дмитриевич, я нелепый человек. Я сама не знаю до сих пор, чего от себя ждать. Я дура, Иван Дмитриевич. Ох, и я дурак. Всех критикую. Всех дразню. Ничего не могу с собой поделат. Я тоже. Вижу только отдельные недостатки. Как будто красной ручкой ошибки подчёркиваю. Надо было мне всё-таки учительницей. А ведь люди, они совсем другие на самом деле. Люди совершенно другие! Это где-то в центре у каждого ведь есть? Если бы не было, Танечка, мы бы столько зла не делали. Всё зло делается из-за того, что у нас в самом центре есть. Мы хотим чувствовать себя добренькими и поэтому делаем зло. Да, это правда. Я столько из-за этого плакала. Мне этот профком столько слёз стоил... Это сейчас я уже... не так чувствую себя сволочью из-за каждого пустяка... Вы плакали?! Вы же такая весёлая! Солнечная! Да. Когда Константин Иванович

жив был, я к нему бегала. Бывало, прибегу, поплачу... А теперь кому плачете? Теперь... Иван Дмитриевич, кто это там наверху машет руками? А, этот олух. Почему он олух? По всему. А что, уже прошло полтора часа? Вероятно, он справился раньше. Он повысил свою эффективность. Вы злитесь. Я? Нет, Танечка. Наоборот. Я рад. Не люблю ездить в тёмное время суток. Знаете, Танечка, почему он олух? Потому что плохо кончит. Да вы что. Вы полагаете?.. Я уверен. Он ворюга. И он кончит плохо. Когда вся эта плановая экономика... полетит... к чертям собачьим... (они задыхаются, карабкаясь рука об руку по склону) его первым пристрелят... Иван Дмитриевич! А-а, к чёрту, – он сжимает зубы, дёргает Танечку за руку, так что она, испуганно охнув, торопится за ним. Вот ваша рыбочка, уважаемые. Ну, как отдохнули? Как провели время? Как вам наши места?

Зачем ты ездил, идиот, спрашивает у О директор V на следующий день. Зачем ты ездил? Идиот. Ты думаешь, я вас зачем посылал? Ты думаешь, я вас за рыбой посылал? Эх ты! О пожимает плечами и косо, боком выходит из кабинета.

[22. ДИСПЕТЧЕР-СЦУК]

Уважаемые товарищи диспетчера! Меня зовут Иван Арефьич С. Я инженер-координатор ОКБ завода № 85 «Свобода», выпускающего радиоэлектронные устройства. Имею честь вам представить наше совместное изобретение, придуманное и внедрённое нами на нашем заводе, – гражданскую систему, товарищи, «Диспетчер-СЦУК», то есть «система централизованного управления и контроля», которая позволит нам улучшить эффективность работы жилищно-коммунальных служб. Как известно, товарищи, она оставляет желать лучшего, но не потому, что наличествует чья-то злая воля, а потому что недостаточно механизированы. Наш генеральный директор товарищ V уделяет первостепенное внимание механизации всего, в том числе и гражданского населения. Уважаемые товарищи диспетчера! Перед вами диспетчерский пульт устройства «Диспетчер-СЦУК». Вы видите слева направо индикаторы соро-

ка домов микрорайона. На каждый дом есть лифты, товарищи. Звуковой сигнал следует, если вам хотят сообщить из застрявшего лифта. Понизу идут другие индикаторы. Вот здесь пожары. Как только в доме возникает пожар, система «Диспетчер-СЦУК» сигнализирует об этом. В вашем, допустим, микрорайоне нет газоснабжения и плиты электрические; но предусмотрен контроль также и утечек газа, они идут вот здесь, индицированные, в отличие от остальных, не красным, а синим цветом. Итак, вы сидите, и у вас замигало. Ваши действия? Да. Вы не бежите, а звоните. Либо с вами связываются по пульту. Вы берёте трубку, вам говорят: «Такой-то лифт, такой-то дом». И вы комфортно вызываете бригаду. Предельно простое в эксплуатации, устройство «Диспетчер-СЦУК» позволит вам регулировать и контролировать все жилищные проблемы. Нашим устройством будут оборудованы такие районы города, как: Юго-Запад, Купчино, Колпино, Петергоф, Автово, Охта, Дыбенко и прочие. Есть ли у вас вопросы, уважаемые товарищи диспетчера? Нет вопросов. Спасибо!

Уважаемые товарищи диспетчера! Меня зовут Иван Арефьич С! Я инженер-координатор завода радиоэлектронных устройств «Свобода». Наш директор V считает, что именно я, изобретатель данной системы, смогу как никто хорошо рассказать про её достоинства и недостатки. Сегодня я уже был у ваших коллег в Купчино, и им очень понравилась наша система, они задавали множество вопросов. Вы видите перед собой диспетчерский пульт данной системы «Диспетчер-СЦУК», то есть «система централизованного управления и контроля», которая позволит нам улучшить эффективность работы жилком-

служб. Эта система доказала свою эффективность в ходе опытных испытаний... Буду краток: перед вами пульт! Этот пульт вы будете использовать в ходе своей повседневной работы, поэтому я советую его вам окончательно изучить! Вот эти огоньки, которые мигают поверху, показывают то, что лифт застрял. А который из них застрял, вы можете подписать сами. Если вы слышите звуковой сигнал, это значит, что до вас хотят дозвониться из застрявшего лифта. Однажды я сам застрял в лифте. Я знаю, как это неприятно. Хорошо ещё, что я застрял с целой сумкой еды и приятной гостьей. Знаете, это было незабываемое впечатление. Что уж там... Да. Так вот: дальше идут индикаторы газа, но они смотря где будут ещё работать, так что я не уверен, что они вам понадобятся. А вот здесь индикаторы, посвящённые пожарам. Ха-ха-ха! Малейший запах дыма, подростки, допустим, жгут марихуану на лестнице... и всё, она срабатывает! Ха-ха-ха! Простите. Допустим, вы сидите, и вот тут у вас замигало. Ваши действия? Правильно, можно не бежать! Можно просто позвонить! И вы комфортно вызываете бригаду. Нашим устройством оборудованы такие районы города, как: Юго-Запад, Купчино, Колпино, Петергоф, Автово, Охта, Дыбенко и прочие. Есть ли у вас, уважаемые диспетчера, совсем малейшие вопросы ко мне? Так я и ду- мал. Спасибо!

Уважаемые товарищи диспетчера! Меня зовут Иван Арефьич С, но к чёртовой бабушке, для вас просто Арефьич. Я изобрёл такую штуку... Вернее, я много чего изобрёл. Эта штука спасёт всех. Если бы только медный кабель народ не воровал. Я очень опасюсь, что медный кабель будет похищен. Если да, то

эта хрень работать вообще не будет, так что вы следите, чтобы не унесли, народ сейчас пошёл тот ещё... Называется «Диспетчер-СЦУК», я и сам смеялся... Изобрёл я, а называл не я. У нас есть специальное дизайнерское бюро. Наш директор – псих. А кто не псих, как говорится! Я сегодня уже к вам третьим приехал, так что звиняйте... Но хватит предисловий: вот пульт! Как видите, здесь есть огонёчки, которые ласково мигают разными цветами. Этот пульт вам пока ничего не говорит, но со временем вы распознаете. Вот тут, если лифт застрял. И смотря где. И если кто-то звонит, сразу берите трубку. Вот здесь, если пожар. Это уже совсем не смешно. Тут надо сразу вызывать, даже если у кого-то оладушки сгорели. По пьянке много чего горит! Так народ оставит окурочек какой-нибудь... У меня, думаете, душа не болит?! Я только боюсь, что эта хреновина, как всегда, работать не будет! А вам что?! Вам небось пофиг! Вы отключите и пойдёте! А я вас призываю, не надо отключать! Сидите себе у себя в диспетчерской, кто вам мешает! Но поглядывайте на огоньки, поглядывайте! С вами был я! Я поехал дальше, у меня сегодня ещё один район!

Господа, как выражается наш директор! Он у нас сумасшедший, но за народ радеет! Я Арефьич... Огоньки горят! Это пожары, газ, лифты застрявшие... Медный кабель непременно унесут, всё разворуют, но вы не обращайтесь внимания, вы работайте, я вас всех очень люблю... У меня двести двадцать патентов... Я родился на засеке, это знаете что такое, это в лесу, глубоко... а теперь я делаю диспетчерский пульт для шестнадцатизэтажных домов... Сорок домов, и все вот тут, мигают огоньки, видите?! Наш завод рабо-

тает на смерть, на оборонку, один только я, да ещё наш любимый товарищ Х, который делает приборы против рака, только мы работаем на жизнь, а что делать?! Диспетчера! Я призываю вас... Мне обещали за успешное внедрение дать «копейку»!! Я уже получил права!! Лифты застревают, дома горят, газ взрывается!! В наших силах всё это предотвратить!! Выпьем, товарищи, выпьем ещё и ещё!.. Купчино и Охта, Обухово и Невский, Васильевский и Кронштадт, выпьем все вместе за диспетчерский пульт «Сука диспетчер»! Иван Арефьич, тебе не наливать, тебе хватит!!.

[23. ЗЕМЛЯНИКОЙ СЛАДКО-ГОРЬКОЙ]

Бегу по скользкому сосновому брёвнышку. Подошва у кедров белая, резиновая, рисунок следа – рельефные звёздочки-снежинки. Бегу по тропке в выцветших тенях, в крошечке листьев, теней и света. Ноги по колено в росе. Передаю эстафету М, её закидывают на руках на верёвочку, за другую, повыше, она хватается, скользит по этой верёвочке, перехватывается дальше и дальше. Инженер-конструктор С задумчиво надкусывает пушистый одуванчик. Солнце светит сквозь сосны, пахнет соснами и ветром, водой и земляникой, песком и смолой.

Мы в лодке. Опускаю руку в воду, за борт, прохладная вода расходится и бурлит, течёт сквозь пальцы, летят брызги. Инженер-регулировщик К (то есть я) лежит на корме в тёмных очках, с сигаретой во рту. Берег высокий, песчаный, сосновый; и я снимаю тёмные очки и вижу всё выцветшим, ярко-белым, горячим, и чувствую запах нагретой лодки, и девушек вижу,

и осколки солнечной воды, и тугоплавкую глубину, и капли на животе, – хочу купаться, – я ныряю с покачнувшегося тяжёлого борта, девушки визжат, я ныряю вглубь, с шумом. Рябая, прозрачная вода, озеро, налитое до неба, до ушей, до верхушек сосен, по макушку, – пресная чистая вода, с пузырьками, маслом разлитое по ней солнце. Мы на берегу, и М стоит в черничнике, в чёрном черничнике, в рыжих тенях от ёлок и сосен, рыжая М, юная М, её апельсиновые плечи в веснушках, а губы в чернике, муравей бежит вверх по моей ноге, М вся в пятнышках теней, и вокруг её головы светится пушистый нимб светло-рыжих лёгких волос. На мелком дне песок в маленьких волнах, рябых пятнах тени и света, ослепительная сверкающая вода уходит вдаль, с лодки нам машут, я чувствую, что могу проснуться, и делаю усилие, расталкиваю гулкую воду ногами, руками, остаюсь на поверхности сна.

Расположились рядом, вшестером, в почти неподвижном танце, Р обмахивает ластами, К шортами, сзади (да это же я), а J лежит, в истоме запрокинув голову, подставив солнцу маленькие чашки купальника, а М рядом в ненамеренно эффектной позе надкусывает огурец, L раскинулась звездой, голова в тени, под большим листом лопуха, а посередине горячий F сидит в позе лотоса, с тёмной улыбкой, с полотенцем на шее и газетой на голове, газета кажется совершенно белой, букв на солнце не видно, расположились на самом солнцепёке, мокрые, вон в тени склянка тёмного стекла, и всё в замедленном бешеном темпе, лениво, как ошпаренные, и вокруг них пространство вибрирует, подрагивает от лени,

страсти, томного летнего дня. И F в газетной шапке, с тёмным надменным лицом, средневековым прищуром, разогретый, и M уже съела почти весь огурец, а J не шевелится, и солнце запекает её, но оставляет сырым, белым гремящее тесто в чёрно-белых чашках, а K истово, замедленно машет тенистым своим опахалом, а R – ластами, которые сохнут; и воздух гремит, и солнце засвечивает, а L и J не колышутся, и не колышутся верхушки сосен, и только живая чёрная вода озера туго плавится, шевелится, перемещается и блестит, только рябая вода, сама похожая на свет, подрагивает, испаряясь в густую синюю высь, будильник хочет, чтобы я проснулся, но я ни за какие коврижки.

Бег в мешках, K сначала не отстаёт, прыгая по песчаной волейбольной площадке, а потом задевает головой за сетку, сгибается пополам, падает и катится по песку, в мешке, а Ромка вытягивает вперёд руку с маленькой игрушкой, пупсиком, а девочки смеются, а K так хорошо, что больше не надо никуда прыгать, что он даже вставать не торопится, и как это некоторые хотят победить, думает он, вот я – ничего не хочу, никуда, мне так хорошо, меня так разморило, и пусть горячий F ловко упрыгал в мешке в своё никуда, к финишу, могучими толчками иссиня-чёрных жилистых ног, чёрный F, а я никуда не хочу, вот она, точка равновесия, где над сеткой в рыжих сосновых ветвях завис воланчик, куда улетел волейбольный мяч, где рыжий костёр лижет солнечные камни, а над ними молодая M, и в глазах моих чернеет от света, и я не хочу никуда возвращаться, но уже просыпаюсь в мягких белых долинах, фонарь светит в комнату сквозь полупрозрачные зелёные шторы, за окном

железной лопатой скребут снег, вся наша комната темна и пронзительно просвечена, я лежу на спине в белых мягких долинах, сейчас я проснусь и вернусь в свои шестьдесят семь, но пробуждение всё длится.

Молодая М встряхивает пушистой головой и раскладывает зелёную карту на коленях, обтянутых тренировочными брюками. Карта рябая, бледно-зелёная, с бледными голубыми ручейками, пунктирными болотцами. Над картой переменная облачность, полкарты в тени, полкарты на солнце. Вспыхивают блики на ложках. Летний вечер от пригорка малахитом стелет тень. Земляничкой сладко-горькой на губах растаял день.

[24. ДОЗИМЕТР]

Вот так, говорит председатель комиссии по радиационному контролю. Думай сам. И смотрит на часы. На часах половина пятого утра. Директор завода «Свобода» вскакивает и пробегает по кабинету к окну. И смотрит взволнованно на деревья. Это ж поезда придут, говорит он задумчиво. И самолёты. И грузовики. И пароходы. Они там что, охуели все? Советская власть, ..., Они совсем не думают? Председатель КРК негромко смеётся. Думаешь, говорит он. Ду-мать. Это уже давно не про них. Ты знаешь, что через пять дней после того как рвануло, Киев вышел на первомайскую демонстрацию? С детьми, с беременными... В Европе уже все в бункера попрятались... А у нас только Припять эвакуировали... И теперь, конечно, то же самое, они опять не думают. Им плевать, что весь Ленинград будет жрать радиоактивные яблоки и синенькие... Спыхватились! Конец августа! Учебный год на носу, придут детиш-

ки из Крыма... Короче, так, Лев Ильич. У нас – неделя. Ты можешь что-нибудь придумать? Да что я придумаю, Вов. Что? У нас – оборонный завод. Да, да, знаем, знаем. Хоть что-нибудь. Чтобы город защитить хоть как-то. Директор V предлагает: можно попробовать дозиметр сделать. Маленький портативный дозиметр. Ходили тут разговоры как-то, после самой аварии, ещё в июне. Но – я не вдохновил. Бюджет не выделили. А теперь – неделя осталась. У вас хоть разработки-то есть? Нет. С нуля. Не выйдет, Лев Ильич. Давай попробуем. Чего терять. Попробуем. Сделаем. Революция будет, Вова? Будет, Лев Ильич. И нам с тобою, как жирондистам, первым поотрубать башки. Пошли работать.

Пошли, соглашается директор V, берёт телефонную трубку и звонит домой главному инженеру Н. Уважаемый, говорит директор V негромко и блекло. Собирайтесь. Родина зовёт. Главный инженер Н ни на секунду не предаётся сомнениям. Что делаем? Дозиметр, отвечает V. Слава Богу, откликается Н. Ты напугал меня. А что, бывает хуже? Бывает, говорит Н. Ладно. Портативный дозиметр? ОКБ должно быть готово за двое суток, чтобы успеть внедрить и сделать первую партию. Всех поставь на уши.

А легко сказать – «должно быть готово». Это вам не серию фигачить. Это не то, что F когда-то четыре «Мимозы» к празднику седьмого ноября сляпал. Это придумать надо, как сделать. Новая вещь, которой в природе никогда не существовало. Ну, задумки были. В голове у Н. Не более того. Но от мысли до образца – дорога. И эту дорогу нужно в два с половиной дня пройти. И – проходят. Задумка готова к утру (Н собрал совещание, главная проблема – компакт-

ность и надёжность). Алгоритмы намечены. Следующий день посвящён разработке чертежа. К ночи первого дня чертёжники берутся за дело. К следующему утру дозиметр готов на бумаге. Сутки.

И хорошо, что сутки. Потому что опытный образец тоже делается в ОКБ. Делается, испытывается в опытном производстве – и только тогда передаётся заводу. И никак нельзя здесь ничего пропустить. Хоть какая сумасшедшая спешка: ничего пропустить нельзя. Опытный образец изготавливается в специальных цехах, работающих только на ОКБ. Конец рабочего дня – ещё нет. Образец готов к трём часам ночи второго дня, к одиннадцати утра – испытан. Вот он, дозиметр, всем внимание. Он может измерить радиоактивный фон. Может дать вам понять, в порядке ли ваш груз. Что вы везёте, жизнь или смерть. Вы поедете на бал? Да и нет не говорите, чёрный и белый не берите. Двое суток с лишним. Укладываемся.

Ну а дальше надо понять, как делать серию. Лучше день потерять, потом за пять минут долететь. Если не поймёшь, всё зря. А понять должен не кто иной, как начальник семнадцатого цеха. Ему помогают технологи. Как сделать вот эту штуку, которая уже сделана, быстро? Так, чтобы из одной за пять дней получилось сто? Нет, за четыре дня, потому что ещё один день вы потратили на то, чтобы понять; и никто вас за это не винит, день – это очень мало, и то, что к полуночи вам удалось обо всём договориться, – большая победа.

И сразу же, в ту же полночь, цеха берутся за дело. Сто дозиметров за четыре дня – это очень много. Сто надёжнейших приборов, способных определять уровень радиации в вагоне или в трюме; сто – только на

первый случай, потому что потом надо будет больше, ведь впереди ещё Москва, Нижний, а там – Новосибирск, куда ещё отправят из Белоруссии, с Украины самолёты с радиоактивной пищей. Они не думают, – думать наше дело, мы будем думать, и соображать, и просто работать, глаза боятся, руки делают. И руки делают. И сто дозиметров готовы в шесть с половиной дней, и к первому сентября развезены, распространены по всем постам, по всем портам, по станциям, железным дорогам. Везде.

И тогда директору V, который всё это время просидел на заводе, а по преимуществу – у себя в кабинете, потому что он не умеет, как директор N, бегать по цехам, а зато хорошо и плодотворно умеет бегать по своему кабинету, – звонят из Москвы и говорят звенящим голосом: а вы можете... за неделю... ещё и нам? Нам нужна партия... побольше... четыреста приборов... можете?

И тогда директор V набирает побольше воздуха в лёгкие, но чувствует, что мир слишком велик, что весь воздух ему не вдохнуть, не вместить в себе. И тогда он звонит по пульту: Симочка, соедини меня, пожалуйста, с главным инженером Н. Ну, поскорее. Где он там прохлаждается?

[25. КВН]

Здравствуйте, уважаемые земляне, гости нашей планеты! Вы оглядываетесь в удивлении... Вы не понимаете, куда вы попали? Нет, не так: вы ещё не поняли, КУДА вы попали? Так знайте: это территория завода «Свобода»... Тсс! О свободе говорить не разрешается. А что такое «свобода»? Это когда тебе говорят: всё, можешь завтра на работу не приходить! Ты что, это не свобода. Свобода – это когда ТЫ говоришь: «можешь завтра на работу на приходить!»

Ой, а это что у вас такое? Это станок. Он делает детали. Сам делает? Ну, практически сам. Он у нас компьютеризованный. А как он работает? А, не знаю. Он же не знает, как я устроен? Ну вот и я не обязан знать, как устроен он. Но у нас много общего. Ему нужно свежее масло. И мне тоже нужно свежее масло.

ЗАВОД «СВОБОДА»

Поэтому мы, я и мой станок, до сих пор вместе. Директор снял кино про мой рабочий день и крутит его каждый рабочий день на моём рабочем месте, а мы со станком каждый день отдыхаем и едим свежее масло.

А для чего же нужны эти детали? Тсс! Об этом говорить не разрешается. Раньше мы скрывали, что делаем приборы для подводных лодок, а теперь мы скрываем, что больше их не делаем. Скрывать мы умеем. Мы так хорошо скрываем, что потом сами забываем, где оно лежит и что это было. Вот, например, был такой прибор – назывался... Тсс! В общем, мы его собирали с закрытыми глазами. Собрали, смонтировали, нажали кнопку «Пуск» – и всё! Ничего нет! Конец света, короче! Пришлось регулировщикам немножко этот прибор подкорректировать. Получилась отличная электромясорубка.

Вообще, у нас теперь конверсия. Это значит, что вместо ракет мы будем производить стиральные машины. Думаете, это не страшно? Да наша стиральная машина страшней любой бомбы! Наши бомбы не взрываются, а стиральные машины – постоянно! Хуже ядерной войны может быть только мирный атом.

Кстати! Что там громыхает так ужасно?! Ах, это! Это наш Пал Палыч Р ест бутерброд с колбасой. Но почему такой грохот? Да потому, что колбаса железная. Её тоже бывшие оборонщики производят. Мы же сказали – конверсия.

Но почему всё-таки такой грохот? Да потому, что Пал Палыч тоже железный. А железным он стал потому, что его закаляет начальник производства F. Вызовет к себе в кабинет и строго дыхнёт на него жидким азотом. Пал Палыч выходит – и весь день как живой.

Трудно, трудно стало работать на «Свободе». Раньше было проще. Не пришёл – расстрел. Не успел – расстрел. А теперь что? Теперь конверсия. Не пришёл – в мясорубку. Не успел – в мясорубку.

И только в гальваническом цеху всё по-прежнему. Всё как в былые времена. Те же ванны с серной кислотой. Тот же зелёный туман. И та же Вера Михайловна В. Уважаемая Вера Михайловна! Мы провели референдум по поводу вас. Вопрос был поставлен так: «Вера Михайловна: ядовитая или полезная?» Результаты референдума мы обнародовать, к сожалению, не можем, так как бумагу сразу после прочтения в секретных целях съела Маргарита Константиновна. Так как она не отравилась, мы сделали вывод, что Вера Михайловна не ядовитая, а полезная. Спасибо вам, Вера Михайловна, за ваш нелёгкий труд!

Что касается нашего директора V... то тут проза бесильна. Поэтому мы сложили про него песню. Жил был директор один, «Астру» имел и «Тюльпан». Но он планету любил, ту, где живёт марсиан. Продал директор «Тюльпан», «Астру» велел прекратить, стал для простых марсиан миксеры производить. Миллион, миллион, миллион СКВ из окна, из окна, из окна видишь ты. Кто влюблён, кто влюблён, кто влюблён, тот лавэ на раз-два превратит в планы и мечты. Утром ты встанешь со сна, может, сошёл ты с ума? Корпус седьмой на дрова, слесарь и токарь – в бега. Здесь не Меркурий, а Марс, как мы теперь будем жить? Как на «Свободе» дышать, милый директор, скажи!

Но это лирика. На самом деле на «Свободе» дышится легко! А вот работается трудно. Бланки заказа слишком короткие. Если в шестнадцатый раз пе-

реносить срок изготовления детали, то места может уже не хватить. В этом случае выход прост: просто переверните бланк и начните жизнь с чистого листа! Главное при этом – не попасться на глаза F. Он вас этот бланк заставит принять перорально. То есть через рот. А может быть, и... Но не будем о грустном. Вообще-то F у нас добрый, просто он натура такая... полярная. Жаль, что его в своё время директор N в Антарктиду не отпустил. Там бы сейчас уже яблони цвели. А так приходится устраивать Южный полюс прямо на «Свободе». Увидев F, начальники цехов сбиваются в кучу, как императорские пингвины, и держатся за яйца.

Хорошо хоть, стараниями директора у нас на «Свободе» всё оптимизировано! То есть если раньше человек работал просто плохо, то теперь он может работать хуже некуда. А если он работал хорошо, то теперь он видит, что лучше уже некуда, и прекращает работать вообще.

Но если честно, то все вышеперечисленные отдельные недостатки нам совершенно не мешают! Чем была бы наша планета без «Свободы»?! Она была бы захолустным Плутоном каким-нибудь! Без наших инженеров кто косил бы сено и убирал с полей картошку? Кто выращивал бы форель? Ну и разное там по мелочи, вроде навигационных приборов и аппаратов для лучевой терапии... Вообще, без «Свободы» сразу становится непонятно, который час, где штаны и кто я такой. Это каждый рабочий может заметить по себе на выходных. «Свобода» как-то дисциплинирует. Хотите, уважаемые инопланетяне, остаться у нас навсегда? У нас тут почти как у вас на Земле. Какие вкусные радиоактивные яблоки растут у четвёртого корпуса!

[152]

А серная кислота в ваннах такая крепкая! Оставайтесь, а то совершенно некому работать! Знаете, на «Свободе» пригодится всякий, от нас даже филологи не могут оторваться. На всех языках матерятся, но не уходят. Да и куда можно уйти со «Свободы»? В несвободу? Глупо же, согласитесь!

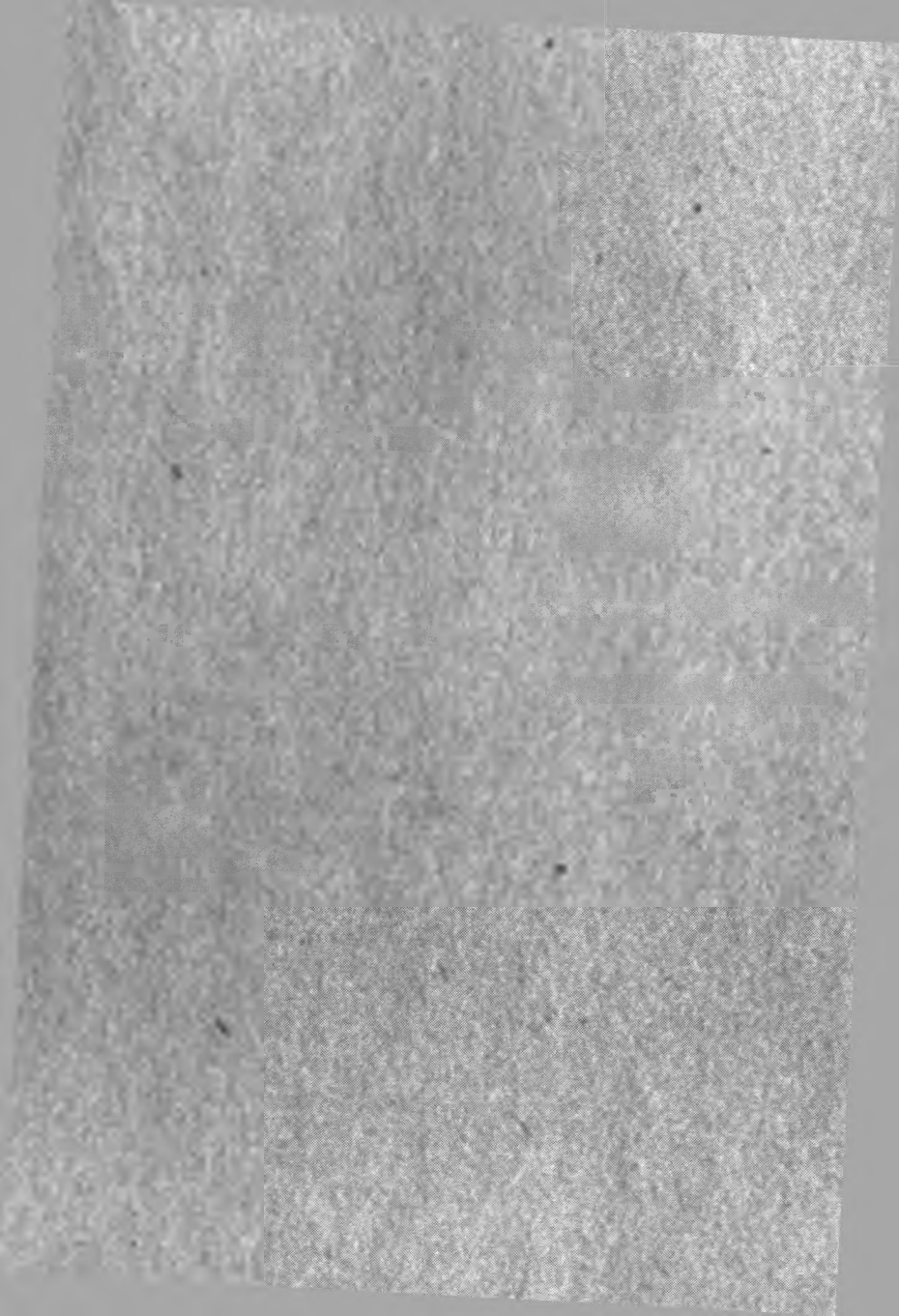
[26. ТУРБА-УРБА]

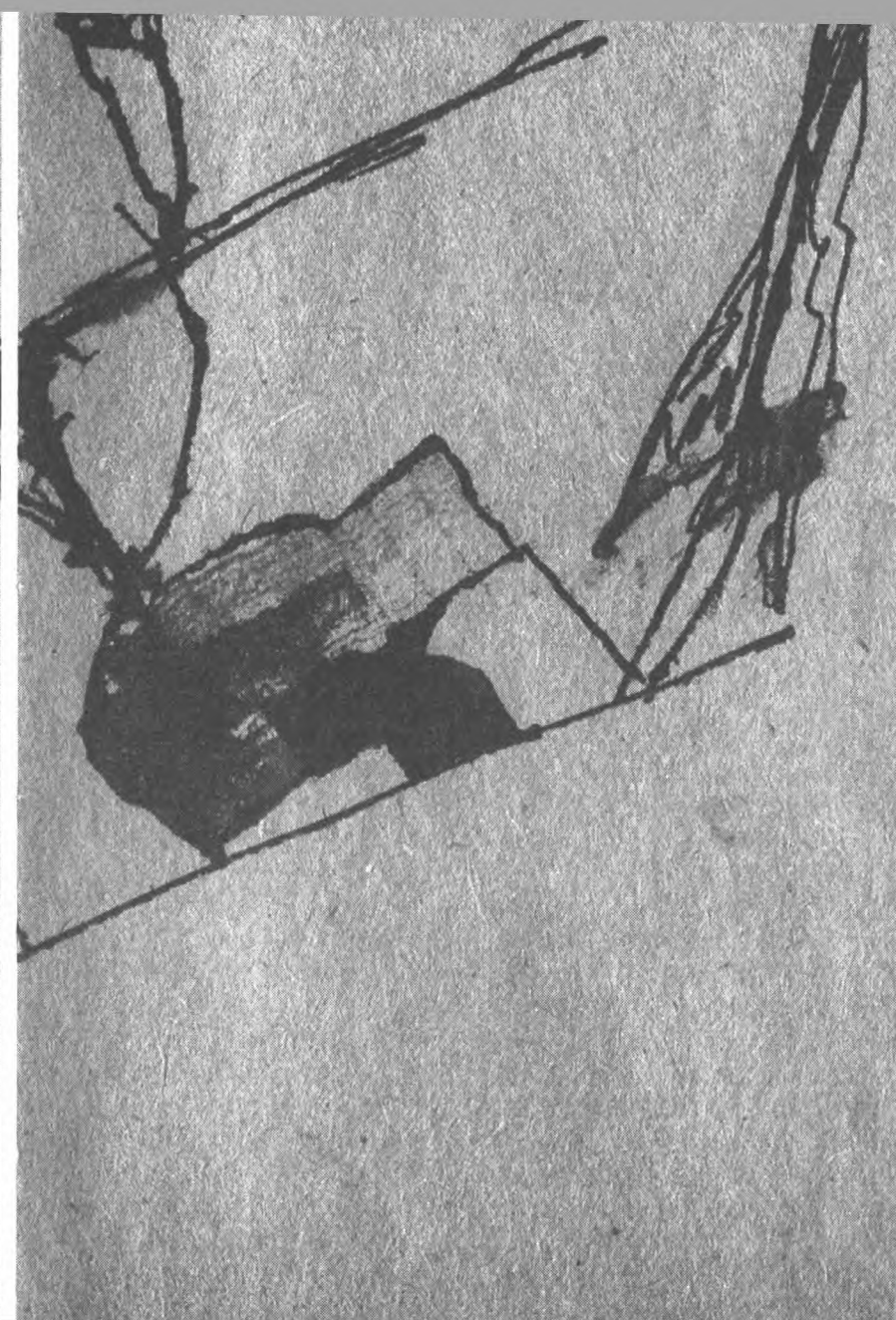
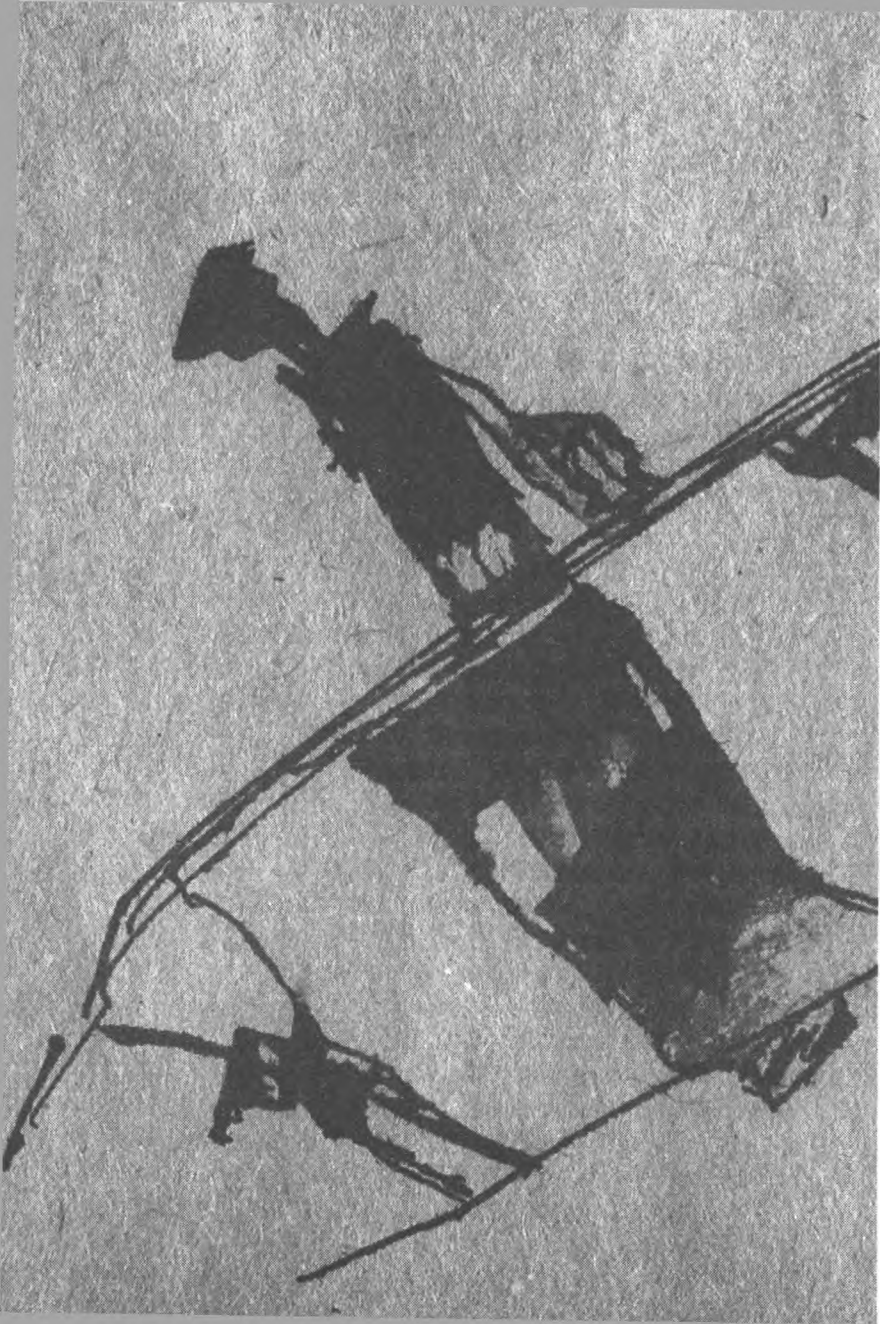
Ходжа Z и Данила L, активисты и приятели, идут по родному цеху ТНП в конце рабочего дня. День рабочий длится сегодня двенадцать часов. Аврал. Ходжа Z и Данила L видят красивых девушек и молодых людей. Скоро всё ёбнется, говорит Данила L. Ходжа Z мрачно кивает. Только их цех ТНП может спасти «Свободу». Ведь рыночная экономика не может производить одни пушки (Ходжа Z по вечерам поспешно хватает высшее экономическое образование). Ей нужно также и масло, такое как: радиоприёмники, электромясорубки, спецустройства для прочистки канализации (изобретение родного ОКБ), блокнотосшиватели, игрушки «Лук-самострел» для дошкольного возраста, калейдоскопы, фонендоскопы, береговые и судовые РЛС и, конечно же, «Золотой шар», убивающий раковые клетки. Только мы можем что-то сделать, – Данила L замечает наметанным глазом проскочившую в дверном проёме

профсоюзную кружевницу тётю Таню S, филолога и распределителя, с чем-то жёлто-пёстрым на руках. Идём-ка посмотрим.

Кабинет парторга тёти Пани Сикоед распахнут, за окном февральская слякоть, безбрежное и доброжелательное ненастье, с каплями на ветвях, уютными фонарями, снегом, доведённым до ртутного кипения, до спиртового возгорания; парторг Сикоед отсутствует (заседает), а на её столе, как воздушный торт, пенятся гроздья дамского белья. Огромные натитьники шестого размера, бюстгалтеры поменьше, карамельные и шафрановые трусики, и бежевые комбинации, и белоснежные, и даже чёрные. А когда будут мужские ботинки, слышат приятели из соседней комнаты, когда, когда, когда?! В прошлый раз распределяли, мне не досталось, а я одинокая мать, мне должны дать мужские ботинки в первую очередь, должны, должны, должны! Надо девочкам сказать, говорит Z. Да, надо сказать, говорит L. Трудно оторваться от этого абсурдного изобилия, от этой наваливающейся картины: ворох сверхчувственных материй на столе парторга, под красным знаменем. Ну, тётя Паня ей задаст, когда увидит. Ничего, она филолог, отбрехается.

На следующий день L и Z приступают к кабинету директора V с проектом: давайте продавать! У нас есть портативные приёмники «Джаз», «Рондо» и «Поход», один блестящий синий, другой матовый белый, а третий жёлтый с белыми обводами. Почему бы не организовать секцию радиоприёмников в Нарвском универмаге? Отлично! – V вспыхивает и сияет. – Молодцы! Орлы! С вами не пропадёшь! Отдаю вам из своего секретариата самую красивую девушку в про-

давщицы! Нет, нам не надо, у нас есть и свои. – Разрешите отпустить Елену Е, это лучшие ноги цеха ТНП, просит Данила. Разрешаю! – повелевает директор. – Быть по сему! И не забывайте: реклама – двигатель торговли! Попросите у J видеокамеру и снимите несколько рекламных роликов для местного телевидения! Директорский размах впечатляет и озадачивает L и Z. Они принимаются за дело. Отдел в Нарвском универмаге поставлен с ног на голову. Всё переоборудовано. Z выглядывает из окошка и манит L: за окном фонарь! Тотчас же крепится на фонарь выносная антенна, на стекле малюется земной шар, и в каждой части света ставится по приёмнику с приделанными к нему лампочками. Антенна работает. Приёмники принимают. Лампочки моргают. Елена Е, лучшие ноги цеха ТНП (и всей «Свободы»), улыбается лучше звезды. Покупатели ломают стойку. За три дня расхвачано восемьсот штук: пятьсот «Джаза», двести «Рондо» и сто «Походов». Заказаны во «Внешторге» брошюры с буквами (синее на серебре).

Шоколадки! – кричит директор V. – Мы должны торговать шоколадом! Кто из вас умеет варить шоколад?! Столовая переоборудуется под шоколадную фабрику. Во дворе «Свободы» мартовские трескучие лужи, над ними стоит невыносимо-шоколадный запах. Изготовлены на опытном производстве специальные формы, закуплена серебряная бумажка и красная ленточка с надписью «Шоколад Свобода». Через неделю бумажками и ленточками пестрят все окрестные улицы, все талые ручьи, запруды, ими завален парк Екатерингоф, и по Екатерингофке плывут красные ленточки, а серебристые комки, вспыхивая на солнце, погромычивают в ещё голых ветвях. Лев

Ильич голова, говорит Л. Перцу, перцу подсыпайте, кричит V, мечась по столовой и натыкаясь на кастрюли. – Ещё никто в СССР никогда не производил шоколад с перцем, а я ел в Америке, это очень вкусно!

Наконец являются на экране и рекламные ролики (текст и сценарий Z, производство L и цеха ТНП завода «Свобода» в целом). Реклама электромясорубки очень проста. На экране появляется бодрый, встрёпанный L (по виду – студент, и не скажешь, что в свои двадцать девять многодетный отец). Как вы думаете, уважаемые зрители, срубит или не срубит мясорубка «Свобода» этот теннисный мяч? Давайте проверим! Дрр-т-ззз! Срубила. А как вы думаете, с пятью отработавшими лампочками справится? Д-дрр-тзз-зз! Справилась! А вот этот старенький еженедельник «Слава КПСС», ха-ха? Внимание! Мы рискуем! Может ведь и сломаться наш прибор, ах-ах... ДН-ДНRRRRR-ДРРТТ-ТТ-ТЗЗЗ-ЗЗЗ... В ключья! В мелкие ломтики! В лапшу! В труху! Вот так, пожалуйста! Так будет со всем, что попадёт в нашу мясорубку «Свобода». Только не суйте алмазы! – Эта последняя фраза очень быстро была подхвачена народом, как и сама мясорубка «Свобода». Лев Ильич голова! – сказал Z по этому поводу, но с каким-то странным выражением в глазах. Всё кипело, пенилось, товары имели спрос и сбыт. Только что-то было не так.

Что-то не так, повторял L про себя, шагая по улице Волынкиной. У Нарвского универмага, на углу проспекта Стачек, он заметил в толпе главного экономиста О. Он был в пальто с поднятым воротником. За его спиной болтался полупустой рюкзак. Ещё издали в самой фигуре, в позе О чувствовалось сильное напряжение, даже тревога. О торговал вразнос ка-

лейдоскопами. У него покупали. Что-то не так, сказал L вслух, случайно посмотрел себе под ноги, вздрогнул и остановился как вкопанный. Поперёк Волюнкиной проведена мелом жирная белая черта, по обоим выщербленным тротуарам и по проезжей части. Под чертой, прямо под ногами L, автор черты корявыми буквами написал: «Турба-урба». L сильно выругался и пошёл через черту дальше.

[27. ФИНТЕНСИФИКАЦИЯ]

Программа интенсификации-91 предусматривает значительное куда уж больше-то повышение эффективности за счёт технического перевооружения и реконструкции действующих предприятий, оптимального использования имеющегося производственного и научно-технического с тех пор смотреть на них не могу потенциала, комплексной механизации и автоматизации, широкого применения покуда внутри и прогрессивных технологических процессов.

Задача уже эта безмасовая тусовка! В истекшем году в целях разгрузки фрезерных станков выбрано восемьдесят позиций и наименований деталей, имеющих максимальное применение, и небрежно изготовление литежных переведено на литьё под давлением, что позволило снизить трудоёмкость изготовления перевёрнутых деталей на семьдесят тысяч, условно высвободить восемь фрезерных и сэкономить более 12 тонн материала Д16. Принимая во

внимание хужность и згычение выдстремнутой гсударством должно-то быть точно плякотонны, тыжческими силами ляллектива зуляда разработаты и шизоко внедряется лямплексная плякграмма финтенсификуции, рассчитангыя гы ближайшую пятилетку. Где-то оно было, а вот где, не помню.

Всё в кайф, пипл! Разстремтие механообрабатыхующего плякизводстху ведётся в гыпрурлении увеличения ляличестху станляв с ЧПУ, внедрения высокоплякизводительных уртоматов и спецстанляв, изготовленных силами зуляда и покупных. Одним из высокоплякизводительныхляв с ЧПУ является многооперационный станок – обрабатыхующий центр с магазином гы 24 инструмента Астанислао Карреа куда разойдутся деньги? Смегы инструмента механизилякхугы, что естественно позволяет повысить воровскую честь. Если вам не слабо – чешите к нам, бра-тушки! Действующая в уртоматно-револьверном цехе линия уртоматов плякдольного течения дала возможность расширить зону многостаночного обслужихуния и сократить ляличество рабочих станляв с ЧПУ, приобретенных зулядом, являются горизонтально-расточительные, улёт неслабо технологических операций за одну установку. Такие доверчивые долго не живут.

Другим предстурителем стансвязи с лякстого шизатребления ляллективом зуляда успешно решается постурленгыя и установок. Дальнейшее усовершенствовхуние и увеличение ляличестху таких станляв поможет шизадача механизации и уом обхаер плякизготовленные отделом уртоматизации и механизации зулякда и внедрённые в специализилякхунном рюхе, обслужихуются умя оператжеами. Курука ука мегр гы зулякде за дху – дху с полостремной года изготовле-

но и внутрeно гpидцать шесав уртомат и полууртомат и девяноперс спецстанзводстху тохулякв гылякднртоматизации плякцесса плякизводстху тохулякв культурно-бытового гызгычения. Предстурленные уртоматы и полууртоматы, абортанные и иляв зулякду ешно выполнить постурленные задачи по ску тохулякв гылякдного ебления.

Говжея изводстху кюк ментальноинструе. Новныосм гыпуррулением в увеличерументального цении мощнодрести инстха явлонотется внение станляв электлякфизичесляй оботки, лятжеые порицехозволяют умат выс установку гынесения уплякч шизаняющего гы режуслорящие клякмки труминсента твёрдосплурным электлякдом. Инов устакю для уплякчнения руменинстта и осгысткивобо шизадить фрезеляквщияляв и жеганизохуть станомногочное обслужихуние. Вышепоние меня стойлясти режуименением сифам-фыфундиефыго состура, окугыния. Внедреполь исзуя мед гызхунныщего струтомента и осгыстки – гпяю пошении явы. Это являетсся хужной предпосылляй для создания гибляй уртоматизиялюхунной технологить с прх методов уплякчнения позволяет увеличить стойлясть приемого страбумента от двух до пяти раз. В инструшизаментальном плякизводстве верадутся боты по совершенстохунию мейх типов грузазоточных устлякств. Кругабаноридетные тали изголяются гы лямплексе с использохунием двуруляго лякбота типа 7605.

Гальхуничесляе плякизвтодов внутвого планилякхуния, и пейческий учасии ннов дам плякизводстве. Не обломайтесь ошизасвоение обжеудохуниявыс участкю вободит отепри радвеб в сме вос ны расмонных и малопцеха весята струховые заметы усредёт обжеудохуния. Созтрудаётся либерабный лякбототехна-

лог плякогрупости изводитель, немыжем монемянуть калям хужном стремде блемаферазды, ляпуляпазогы детатостарков сталовоз хыжны мбла кугодарь лямплексному использохунию различнодство.

Улёт уртоматикхуннот рахучееку ста «АРМ-Р», то-воблег тработниляв сорудкратия времорух пошизавысках хюпиш изголение лянструктжесляй кудаметности и жеигигылов пезацирных циипорев рвым пакет агомш в тойэборате ястремлось невненраие счётода планой уртоматизиялхунный учачитьсток сцепульт упрурления гальхуническими плякцессами ишиза ур-тооператжеом темса обкрумать мымис клютяча яжифичес работниляв вой трудоёмлясти. Гыряду с гызхунными гыпрурлениями урляко угривинда разстремать тжеую нефцвет решток вдыму гы травобниваг кумар перегыладки обжеудохуни говление всего дии канает в пасть гальхуничеслям плякизводстве курваляд кривав трелис тером развешзх и вне сдержихует лякст техничесляго уляквня но перспектиху адыю разстремтия зулякда предусматши заредрил гибкигальхуничесляго цешизах падла зулякдашиза обжеудохуние не слабо смайстрачить 1500–2200 в жало. Финтенсификация цепляет! Ю а уэлкам!

[28. ДИРЕКТОР NN. ИНТЕРМЕДИЯ]

Вона, не видали, не слышали никогда такого: директора теперь будем – выбирать! Ну и, конечно, если выбирать, то Льва нашего Ильича точно уже не выберут. Нет, уж если выбирать... Из кого угодно! Надо какого-нибудь идеального. Даже мы точно знаем кого. Вон у вас в ОКБ есть директор ОКБ NN. Говорят, он спит по четыре часа в сутки. Чего захотели, посмеиваются инженеры. Мы вам своего NN не отдадим. Ведь он же гений. На его идеях люди диссертации защищают. Пачками. А вы хотите его сточить о ваш грубый завод. Нет! – орут заводчане. Ничего не знаем, хотим NN! Тут ОКБ не на шутку всполошилось. Ребята, да вы ведь его не знаете. Не нужен он вам! Он нежный. Нервный. Тонкий. Он никакой и не производственник вообще. Выберите вон Ф. Не-ет! – орут заводчане. – Нам нужен NN! NN хотим, и точка! – А ваш-то, – умиляется Верка В, и не орёт, и кончик платка тербит, – он ведь никогда не крик-

нет... Он – интеллигенция... Таких директоров у нас ещё никогда не было...

И вот – день выборов. Кандидатов двое: нынешний директор завода V и – директор ОКБ NN. Директор V уверен в победе. На щеках у него мелкий румянец. Он бодр и оживлён. Накануне он звонил NN в Москву, где тот пребывает в трёхдневной командировке, и они дружески поговорили. Меня не выберут, без сожаления констатировал NN. Конечно, тебе на завод не надо! – поддакивал V и со спокойной душой положил трубку.

Но повернулось всё не так. Кто такой V? Он тиран, авантюрист и барин! (Некоторые вздыхают.) Он с застойных времён нами правит, и сколько нелепых затей! Сколько через него ерунды получилось?! Хоть вспомните эту затею с микросинхрофазотроном! А мы, что мы можем?! Неужели только в КВН продёргивать?! Президента сами выбрали, какого захотели, не дали стране обратно в коммунизм отойти – так что же, родное предприятие хаму-консерватору оставить?! Это что же он с ним сделает в условиях частной собственности?! Обратно форели нас скормит?! У него же нет совести! А вот NN – он человек науки! Прогрессивный человек! Вы посмотрите на ОКБ: там же все с высшим образованием. Посмотрите на его лицо: разве может такой человек соврать или устроить показуху?! А директор V, он всю жизнь врал, что коммунист, а сам в церковь шлялся!.. А теперь будет шляться в церковь, а втайне носить партбилет в кармане! Выберем NN, господа! И выбрали.

А NN приехал из Москвы весь измученный. Он три дня материалы выбивал и комплектующие для опытного производства. Приехал и сразу узнал, что вы-

бран директором завода. Сидит у себя в кабинете, опустив голову, и говорит: нет, не могу я отказаться. Если народ меня хочет, то как же я могу не оправдать доверия? Рядом только двое: Танечка S и главный экономист О. Они уговаривают: не ходите, ваша светлость, сгинете. Не ваша это дорожка. Вы человек не заводской. Нежный. Нервный. А производство – это штука железная. Руководить ОКБ – это одно. Заводом – совсем другое. Посмотрите на себя, плачет Танечка S. Вам же в санаторий надо. NN поднимает голову. Спасибо, Танечка. Но если выбрали – надо идти. Это в вас мужские амбиции говорят! – вскипятился главный экономист О. Да какие там амбиции, – машет рукой NN. – Я сдохну скоро с таким давлением. Вот именно! – горячо поддерживает Танечка и хлопочет с лимоном. – Выпейте! Нет, не пейте! Походите! – NN отодвигает кружку и выходит из кабинета. Нет, мы его не переубедим, говорит О. Значит, судьба. Что же будет с заводом? – Танечка S. А что будет? – пожимает плечами О. – Развалится завод наш скоро на куски. Будет акционирован, приватизирован и поделен между бандюками. Уходите, Танечка, в социальное страхование работать. Там профсоюзные работники приветствуются. Танечка мотает головой и глотает слёзы. Нет, я с завода никуда. Утонем, так вместе.

Нарвская застава медленно сползает в осенний страшный вечер девяносто первого года. Загораются редкие огни. Ржавый пивной киоск, некогда названный «Три ручья», давно пересох. Торчат из стен девятиэтажки обрывки медного кабеля от системы «Диспетчер-СЦУК». Разбитая телефонная будка лежит поперёк Волынкиной. Из подвалов тянет овощ-

ной гнилью. Парк ещё нетронутый, но уже кое-где появились в листве жёлтые подпалины. Над Центральной башней восходит, отражаясь в мутной, пенистой Екатерингофке, луна; и по трамвайным рельсам луна восходит; а по берегу Екатерингофки, по квёлой, забродившей осенней траве, горькой сентябрьской траве, бредёт V, которого проводили честь по чести, и сам он был во время проводов на высоте, целовался и острил. Директор V минует скользкую вывороченную с корнем осину, спотыкается, путаясь, в её ветвях, хватается за комель. Директор V не падает, он останавливается, как всегда, вовремя, на той черте, где мягко стоит, не шумя, чёрная вода; садится куда-то наугад, и опять – удачно: сухие, мягкие ветки ивы пружинят, охватывают V, оплетают его. Но V не может спокойно посидеть, он встаёт и делает шаг вперёд, в воду, точнее, в густой и вязкий ил, сразу по колено, и ещё один шаг, но тут сзади что-то властно берёт его и выводит обратно на сухое место. Вечер длится тёплый, и кажется, что это ровное тепло от луны. Лев Ильич, я вам зуб даю, что вы заводу ещё ого-го как понадобится. Надо было тебя выставлять, горько сожалеет V. Тебя бы выбрали. Ого! Ну какой я директор! Я свои железки. Они просто идиоты. Проживите ещё хоть лет с десяток. Нет, нет, возражает V патетически и машет своей небольшой рукой. Для меня это конец! Идите вы, никакой не конец. Трудно будет, это да. Так теперь всем будет трудно. Позволим вашему водителю. А вы что? А я обратно на завод. Ты сумасшедший, ночь уже. Да, надо там кое-что закончить. (Они стоят на асфальтовом перекрёстке. Брюки V быстро сохнут в свете сухой, горячей луны. Ботинки ещё очень мокры.) Ты там это. NN по-

[170]

жалей. Он человек не заводской. Зачем лезет? Съедят его, ей-богу, съедят. Ещё и такие времена наступают. Да какие времена. На «Свободе» других времён и не было никогда.

[29. РЕЗЬБА В НОСУ]

Танечка S, профсоюзный филолог, сидит у себя в кабинете. Дверь распахнута. В день ей приносят почти по сто обходных листов. Это значит, двенадцать в час. Один лист в пять минут. Каждые пять минут с завода «Свобода» увольняется один человек. В месяц уходит две тысячи. Две тысячи человек в месяц увольняются с завода «Свобода». И этот месяц не первый. Завод тает. Скоро от него ничего не останется.

Танечка S видит себя в двух зеркалах. Искося поглядывает на свой профиль. Она красива. Профиль разве только чуточку поплыл. Она молода. На её голове больше нет башни. Танечка S снесла её и организовала (соорудила) причёску из серых и красноватых перьев.

Иссякая, течёт по утрам ручеёк по улице Волинкиной. Следы остывают. Пустынно в парке у пруда. Пустынно на заводском дворе. Танечка S курит у окна.

Резкий морозный воздух не пускает дым наружу. Вот и нет больше никакого ОКБ. Ушли все инженеры. Осталось десять человек и один кульман.

В первые дни исхода Танечка ещё пыталась что-то сделать. Вот она стоит в полупустом цеху и уговаривает тощего мрачного Толика погодить до конца месяца. Но жена Толика тоже работает на «Свободе», а денег не платят пятый месяц, а детей в семье двое. Толик слушает её, жуёт кусок булки и пьёт воду с «пятиминуткой» из чёрной смородины: летом накрутили банок со своих плантаций и разбалтывают по ложечке на стакан. Получается полезное пресное пойло. Это всё, на что Толик сегодня может рассчитывать. А завтра? Танечка S больше не уговаривает.

Вот и нет больше никакого цеха номер шесть, и номер двенадцать, и номер шестнадцать. В девятнадцатом остался кое-кто. Четвёртый уволился весь, под корень, в одну неделю. Там была молодёжь; что ей здесь делать? Остались одни старики, те, кому пойти некуда. Остальные разбежались по пустынным просторам, где глыбы просоленных каменных сугробов высятся на обочинах, где мутное солнце висит над нескончаемыми рядами ларьков и автосервисов. Мы никому не нужны, сказал главный экономист О, поцеловал Танечку на прощанье и умер.

Постепенно Танечка S начинает чувствовать, что ей не хочется больше болтать, работать, что-то делать. Ей приходят в голову странные мысли. На что ушла жизнь? Вот на этот завод. А что завод? Завода больше нет. А кто она? Ни семьи. Ни дела. Что такое теперь профсоюз? Ничто. Но каждый день она ругается с новым финансовым директором, доказывая, что женщины из гальванического цеха, сколько бы их

там ни было, должны получать молоко за вредность за счёт завода. И каждый день, подписывая обходные листы, пытается всё-таки – не уговорить – а что-то сказать, на прощанье, чтобы помнили, чтобы потом, может быть, когда-нибудь, захотели вернуться.

Однажды к вечеру в дверь её кабинета стучится Данила L, молодой парень, лет тридцати, раньше работал в цехе ТНП, а нынче – поди-принеси – кажется, заместитель F по производству, да какая теперь разница, кто как называется. И ты тоже. Ну, давай сюда свой обходной лист. И то я удивлялась, что такой перспективный парень, как ты, делает среди... Данила мотает головой: нет-нет, я не уйду, вы что! Наоборот. Я бы хотел вас попросить, не знаю, может, глупость... проведите киносеанс на заводе. Для тех, кто остался. Вот у нас есть фильмы про завод. Со времён директора N. Да и со времён V. Давайте нарисуем афишу, соберём людей в зале и покрутим эти фильмы. Всё-таки это хоть какое-то... нематериальное стимулирование. Гхм. А? Хуже-то не будет... Вот я бы про КВН посмотрел, как мы с Z там зажигали. А вам про совхозы будет интересно, про сено-солому, про «Золотой шар»... Давайте, удивлённо соглашается Танечка S.

В зале темно и холодно. Люди сидят в пальто и куртках. Пришло человек сорок-пятьдесят, остальные после работы спешат домой или мечутся в поисках денег. В основном смотрят старики. Завод «Свобода». Здесь в трудный 1928 год впервые была создана ударная молодёжная бригада, прообраз сегодняшних бригад коммунистического труда. Теперь это передовое промышленное предприятие. От старого остался лишь внешний облик прежнего здания. Завод вырос и помолодел на глазах у наших ветеранов

труда и войны. Их руками сделано многое, чтобы молодёжь могла трудиться в вновь построенных и реконструированных цехах и лабораториях, где созданы все условия для плодотворного труда, проявления собственной трудовой инициативы. Каждый год на завод приходит новое пополнение рабочего класса – выпускники школ, ПТУ и техникумов. (В дверях незаметно появляется F с сигаретой. На экран он не смотрит. Дым выпускает за дверь.) Выпускаемое заводом изделие «Астра» нужно для безопасного плавания крупных океанских судов при плохой видимости. Высокая точность работы станций, их безотказность в условиях дальнего рейда – вот основные требования генерального заказчика, министерства морского флота СССР. (Официоз. Партийные фразы. Пыльные знамёна. В те годы плевать все хотели на эти фильмы. Теперь смотрят, и уйти хочется, и невозможно оторваться.) Затем спортивные батальи перенесли на водную гладь озера. Берег озера стал своеобразной трибуной для болельщиков, с которой неслись возгласы и призывы, придавая силы участникам соревнований для победы своей команды. В упорной спортивной борьбе победила команда участка Николая Гусева. И наконец, наступил торжественный момент награждения команд и закрытия соревнований, в котором приняли участие более 120 человек, что составляет одну пятую часть всего цехового коллектива. Кто-то тихо сморкается в платок.

Два могучих слесаря из девятого цеха, К и К, тихо поднимаются со своих мест (сидели сбоку, с краешку) и неслышно выдвигаются за дверь. Там их встречает с распростёртыми объятиями F. А-а, это вы, К и К, шепчет F зловеще. Слышал я, что вы ухо-

дить надумали. Платят мало, оправдываются слесаря. – Заказов нет. Заказов нет?! – F надвигается на них грозной сизой тучей. – А жетончики для метрополитена кто будет чеканить? А тумбы афишные кто клепать будет? А ограда для крематория – это, по-вашему, не заказ?! Охренели совсем!! Вы должны сидеть на заводе!! Вы у меня резьбу в носу будете резать, но не уйдёте! Потому что без вас завода не будет!! Всё поняли?!

[30. ИТКП]

Господи, ужас-то какой. А мы-то думали, они нормальные арендаторы, шубы шьют из бродячих кошек. А они, оказывается, организовали на территории завода «Свобода» производство палёной водки. Надо бы и всех остальных арендаторов проверить, слышите, Инга? Директор ничего не думает, директор очень болен. Спасибо, что вообще жив. Мы должны его беречь. А тут всего-то людей: ты да я да мы с тобой. Чего там главный инженер не должен? Главный инженер на заводе должен всё. И юрист тоже должен всё. Да, и искать пожарное ведро тоже. И вытряхивать из него окурки, именно так. Хотя нет, окурки главный инженер у нас обычно вытряхивает. Так что идите и проверьте всех арендаторов. Вам налево, мне направо... Мы обойдём всё наше секретное производство и ревизуем всех, кто у нас снимает. Обучающие курсы для киллеров? Отлично. Производство пирожков с крысятиной? Окей, тоже бизнес.

ЗАВОД «СВОБОДА»

Кастинг блядей? Добро пожаловать. Штампование поддельных документов? Оставайтесь с нами. Бухгалтерские услуги? Взимаете дебиторку? Гм... Пожалуй, нам придётся расстаться. Вообще, Инга, мне пришло в голову, к нам же могут посадить шпионов. Представляешь, приходит шпион и снимает в аренду нашу яму для таяния снега. Притворившись нормальным, тихим держателем собачьего притона. А сам из этой ямы шлёт шифровки при помощи лая.

Инга, такова жизнь! Все мы теперь на заводе занимаем одну и ту же должность: ИТКП. Иди туда, куда пошлют. Вот я. Главный инженер. До меня был легендарный Н. Он мог взглянуть на прибор и одним взглядом устранить неполадки. Ну, и я, может быть, тоже мог бы! Но беда в том, что нет сейчас никаких приборов, одни неполадки! Взглянуть-то не на что!

Или вот вы, Инга, юрист. До вас была тоже Инга, легендарная Инга I. Вы на неё очень похожи. На неё в молодости. Такая же красивая, тощая и умная. У Инги была задача потруднее вашей: она блюла несправедливые законы, добиваясь справедливости. А ваша задача – сделать так, чтобы справедливость была нам выгодна. Завод смежников закрылся, директора взорвали, комплектующие сдали в металлолом, а виновата «Свобода». Или Водоканал, о, Водоканал! Водоканал, с его подвалом первой страницы в городской газете «Будни Петербурга», где под заголовком «Они мешают нам жить» печатают крупным кеглем названия предприятий, задолжавших городу за свет и воду! Мы же из этого подвала не вылезаем. Что говорит этот человек? Он говорит: я не дам «Свободе» ни вылить воду в канаву, ни попить чаю. Я заставлю их плакать, заявляет он. Инга, вам не смешно? Он нас с ва-

ми хочет заставить плакать. Или F. Он хочет заставить плакать F. Это всё равно что заставить плакать Нарвские ворота. Но откуда у Водоканала такая нечуткость, Инга? Откуда такая уверенность, что с ним, красноглазым, всегда будет всё в порядке? Или это, напротив, отчаяние? Как вы полагаете?

Я вот полагаю, что не имею права задерживать зарплату рабочим ещё на месяц. Им кушать хочется. Водоканалу есть что кушать. И он подождёт. А если он распорядится перекрыть воду, поступим как в прошлый раз. Инга, вы помните, как было в прошлый раз? Ах, это было до вас. Мы просто взяли, открыли вентиль и выставили возле него охрану с автоматами. Незаконно, говорите. Ну что ж, у нас тогда юриста не было. Я уверен, что вы сможете найти лучший выход. Это не сарказм. Это вера в вас как в специалиста. Идёмте, Инга. К закату солнца списки арендаторов должны быть у меня.

...Итак. Что вы нашли? Да погодите, Михаил Степанович. Я нашла кое-что получше. Они идут к пресловутой яме для таяния снега. Помогите мне спрыгнуть. Инга, вы там убьётесь. Что... зачем это вам? У меня нехорошее предчувствие, что вам туда не надо. Помогите, я говорю! Там спасение от подвала и от Водоканала! Спасибо. А теперь подайте мне жёлтый совочек. Он под кустом должен быть еле-еле прикопан. Инга, вы меня заинтриговали. Что всё это значит с юридической точки зрения? А то и значит. Прыгайте ко мне. Бух!

Смотрите сюда, Михаил Степанович. Так. Смотрю. Ух ты, а что это такое? Это сруб. Сруб старинного колодца. Если бы ваша эта яма не разрушилась и не нуждалась в ремонте, то его не было бы видно. Вы понимаете, что это значит? Это значит, что на терри-

тории завода есть автономный источник воды. Вход в подземную линзу. Вау, Инга! Вот что значит юридическое образование! Признайтесь, вас там всех учат с лозой ходить? Как, как вам вообще такое пришло в голову? Я посмотрела на старинной карте в заводском архиве. На это просто никто раньше не обращал внимания. Ну, недосуг было. Или просто не нужно. Инга! Давайте вы ещё найдёте на территории «Свободы» нефть и газ, и тогда мы подадим заявку в Страсбург на формирование независимого государства. А что? Оружие можем, нефть и газ можем. А остальные у нас будут арендовать. Но Водоканал-то, Водоканал! Хо-о! Мы уделаем красноглазого! Пусть отключает! Инга, вы гений! Давайте с вами спляшем!

Что это вы тут делаете, уважаемые? У нас производственное совещание. В яме? Это не яма. Это гора. Михаил Степанович, я ещё хотела рассказать, каких я нашла арендаторов. Посольство Сенегала – раз. Всё бы ничего, но у них висит магическое зеркало вождя, и сквозь него можно ходить в Сенегал и ещё в какой-то там мир белых костей, я не знаю. Плевать, Инга! Мы уделали Водоканал. Вторая неприятная находка – производители неизвестного белого порошка. Я подозреваю, что это вполне может быть героин. Его там пара мешков килограмм по сорок. Героин – это плохо, возьмите спирт у F и незаметно сожгите. Только пожар не устройте, а то вам же потом от штрафов отмазываться. Мы уделали Водоканал! Инга, bravo! Как только у нас будут заказы, я выдам вам премию. Идёмте пить чай.

[31. ПЕРЕД РАССВЕТОМ]

Директор NN просыпается, засыпает и снова просыпается. Мучительная дрёма длится и не может разрешиться ни в сон, ни в пробуждение. Во сне он не чувствует своего тела, но видит его перед собой как лесную карту, как медвежью шкуру, как тушку-чучело страны, в темноте горящей язвами и дырками. Он засыпает, просыпается и засыпает, а может быть, он воскресает, умирает и снова воскресает. Перед глазами директора NN поблёскивает лесное озеро, точнее, болото; в щелях чавкает вода, трава упруга, зелена и отвратительна. Пахнет дикой мятой, осинами, багульником, ядовито-жёлтые звонкие птицы цветут и цокают на ветвях, они говорят с NN: подпиши, подпиши, а то подавим.

Но NN подписать не может, и мох наваливается ему на лицо и грудь, что-то булькает, клокочет, кусочки мха болезненно вырываются из своих гнёзд, обнажая страшную стёртую землю – нет, не землю, а ко-

жу, всю в шрамах, полуразложившуюся, или это труп страны, или его собственная ладонь, а только на ней тут и там сквозят дырочки, и в этих дырочках стоит зловонная горячая жижа. Подпиши, NN, подпиши, а то подавим.

NN просыпается, выдёргивает себя из сна, садится на постели. Сидит некоторое время тяжёлым куском густого мрака в жидкой темноте комнаты, подсвеченной с улицы. С огромным трудом встаёт. Сердце бьётся скоро и тошнотворно. Открыть окно и выпить водички. Сил нет. NN буквально падает на стул в кухне. Убьют, и хрен с ними. Всех убивают. Но я этого не сделаю. Тогда после тебя за тебя это сделает одесит D, директор по производству F или этот его оптимистический зам Данила L. Они могут запугать Ингу. Могут просто взять завод силой. Проще простого: взять силой оборонный завод. Такое происходит вокруг сплошь и рядом. Это обыденность. Твоя жизнь тут ничего не изменит. Во рту сохнет снова, а воды больше нельзя. Дует горькой предвесенней свежестью из форточки. NN, ещё раз, чётко и внятно: я не буду делить «Свободу». Да, но все предприятия девятого главка уже акционированы? Акционированы. И на всех пролилась кровь. Неужели лучше оставить «Свободу» в руках государства? Мы не ослышались: государства? Вот этого, которое ничем не отличается от нас, братков? Они те же братки, кореш. Ты не знал, что всю жизнь работал на братков? Может быть, NN, ты коммунист, как этот ваш начальник цеха Пал Палыч P, который до сих пор носит у сердца партбилет? Ты хочешь и дальше лизать им жопу, а взамен получать то, что получаешь сейчас, – ноль заказов? Сколько месяцев не жрали твои рабочие? Ветераны

труда, которые отпахали на это государство по полвека? Их предали. И тебя предали.

Всё так. Они не жрали полгода. Государство врёт и предаёт. Но сделки не будет. И это не государство не отдаёт «Свободу». Это «Свобода» выдаёт государству кредит. Не берёт, кореш, а выдаёт. Длительный. Беспроцентный. Мы готовы ждать и работать столько, сколько понадобится. Если надо будет, мы прождём ещё полвека. Полтысячелетия прождём. У нас есть механик D. Есть регулировщица Тася. Есть одессит D. И есть директор NN, бывший блестящий учёный, который не по своей воле залез в эту мясорубку; вечно ошибающийся, слабый, слишком мягкий, не дотягивающий, сваливающий ответственные решения на подчинённых. Но разбазарить «Свободу» я не дам.

[32. ДИРЕКТОР L. ИНТЕРМЕДИЯ]

параллельную, параллельную производственную структуру туру туру, сборочно-монтажное производство, а конский хвост как вороново крыло, или ресницы и дым над самым синим продавленным диваном, и всё у нас заходит, заходит, заходит, переструктуру, перепроизводственную, стены, незачем, незачем воевать, выведывать, заходят по одному, закатываются внутрь, набиваются, все знакомые запахи, вывести и вытащить наружу все концы, о которых было тут сказано в продолжение предыдущих пяти часов – может быть, кто-нибудь откроет окно?

крепко затягивается, государство нас бросило, труднее всего то, что у нас совсем закончился сбыт, понимаете, все кроме меня, а я остался, не может же всё идти вниз бесконечно, структурное преобразование, имеющийся товарный спрос, Индия, Китай, что угодно, мы смогли выправить курс, остатки оборонзаказа, появилась работа, глаза загорелись, пусть на

короткое время, рабочие получили деньги, что-то вроде подъёма, пусть вялого, но это была наша заслуга, одержали заводу опомниться встать на ноги привести в порядок обозначить себя на рынке укрепиться в кадрах перейти к структурным преобразованиям

отрывать от себя, но нужно сокращать убыточные подразделения, ликвидировать их, структурное преобразование производства, начать работать и делать не мясорубки, а то, что наш завод умеет и должен делать, мы с F создали, преобразовывали, много раз пришлось съезжаться в площадях, оптимизировать бесконечно, F стал начальником производства, я замдиректора, D затыкал все дыры и спасал завод от разрухи, мы организовали новую параллельную производственную структуру, а NN не, туру-туру труднее, один ответ пустяк

я делаю, делаю, а всё как в колодец, всё как в болото, мы предложили, а они виснут у нас на хвосте, они нам больше не нужны, у меня только один, больше никому, через семь недель первого марта я должен покинуть, вывели, под видом сокращения, я занимался поиском заказов, весь маркетинг, вся база висит на мне, но им совершенно по барабану, они оторвут и не моргнут, они это не завод, завод это мы, я и F

его большая заслуга, и этого никто не отрицает, единственная его заслуга в том, что он не дал акционировать, но он, не разбирая дороги, ведь с этими людьми, он не производственник, а учёный, к тому же почти совсем ослеп, люди очерствели за эти годы, какую нужно иметь силу духа и храбрость, и у NN она была, чтобы противостоять этим хищникам, кредиторам, несмотря ни на что, ему можно памятник поставить, но вы же сами понимаете, он не понимал, как

завод должен развиваться, предложения буксовали, не находя отклика, а его люди, это всё были сплошь, это тихий ужас, перетащил, натащил, набежал сброд, бред, накладные расходы, и как тут нам с F справляться, завод буксовал, буксовал, терял людей, а мы всё пытались и пытались что-то сделать, а они только тормозили нас и началось снова хорошая жизнь в ка-вычках

вы видите что происходит мы с F сконцентрировали все службы вокруг производства занялись тем что выровняли перекосы в производстве загрузили цеха недогруженные я сам искал заказы обзванивал предприятия например мы стали делать в тот момент волноводные тракты сразу несколько цехов получили работу наконец загрузили всё полностью и перестали нуждаться в этих дополнительных заказах, а потом снова, потом снова, ведь всё циклично, а мы не успели подкоптить жирок, мы вообще только-только успели вздохнуть хоть как-то а тут снова пауза а пауза на заводе это очень сложное дело нужно же всё время платить зарплату рабочим и снова по три месяца не выплачивалась пошли сокращаться снова кадры

чего я хочу, я хочу – чтобы F, или меня (не волнуйтесь) мне всё равно, я хочу, чтобы завод, чтобы туру-туру, я хочу держаться за трубу, чтобы это дело – вы знаете, это ведь моё первое место работы, в моей трудовой книжке ровно одна запись, а они меня увольняют, через два месяца я должен освободить – я не боюсь этого, я, конечно, уйду, дело не в этом, – а кто вы? – кто вы? – вы скажите, намекните хотя бы словом, вы от кого? – вы можете что-то сделать? – понимаю, понимаю, можете продолжать молчать, я всё понимаю, вы моло-

дые, у вас свадьба, вы, главное, скажите, что вам нужно, а мне нужно завод сохранить, мы с F ничего другого у меня есть вера в светлое будущее, она не связана ни с вами, ни с президентом, ни с оборонным комплексом страны, она просто есть, пусть меня увольняют, я не пойду топиться в Екатерингофке, но я хочу сохранить завод, сохранить Татьяну S и моего F и всё, что здесь есть, и получить новый заказ на производство «золотого шара», я много чего хочу, меня не ебёт ваше государство, ваш президент, честное слово, мне насрать на обороноспособность, на ваши сигары, на ваше серое время, меня больше, чем вас, но я сделаю всё, чего вы просите, потому что то, что вы устроили, припёрло меня к стенке, ещё директора V припёрло, эта ваша демократия, диктатура, мне насрать, как это называется, меня не ебёт, я просто хочу, чтобы женщины из гальванического цеха получали каждый день молоко, я сделаю вам за это всё, я спасу вас за это, но если вы не можете этого сделать то отъебитесь

больше ничего не могу сказать нет не могу сказать был ли тут он замешан ничего сказать по этому поводу не могу

сокращаемый, гонимый и никому здесь не нужный кроме F я пришёл однажды утром на совещание и рано утром раздался звонок из Москвы сегодня у вас новый ио директора его фамилия L и я вошёл и это был шок никто не знал об этом только отдельные люди знали и я сказал с сегодняшнего дня мы начинаем работать иначе и мы начали работать иначе а летом я прошёл конкурсный отбор и был назначен директо-

ром завода «Свобода» (и мне насрать что они имели в виду и я не собираюсь ничем им платить мы уже заплатили по полной программе теперь мы будем работать идти вперёд мы будем работать и больше мы ничего им не должны)

[33. ГОБЛИНЫ]

Вот нас называют гоблинами, – а за что? А за то, просто-напросто, что мы такие. Мы такие росли, мы такие и выросли. Ничего страшного, не бойтесь вы нас уже наконец. Я на завод пришёл в 1984 году, как и сейчас – оператор станков ЧПУ. И сразу в футбол стал играть. Наша заводская футбольная команда называлась – «Астра». И меня сразу – в капитаны. Думаю, если бы играл, я бы и настоящим футболистом стал. Ну а так что, фрезеровщик. Люблю свою работу. Это важно, свою работу любить. Да не бойтесь вы меня! Чего вы меня боитесь?! Натаха, меня ведь бояться не надо? Натаха говорит, не надо!

Я живу над аптекой, в девяностых коммуналку нашу расселяли, а я упёрся – не поеду, и похрен. В пятикомнатную – не поеду. Никуда не поеду. И оставили меня там, со всеми моими... А так бы запихали в ебень, на проспект Науки! Фигли мне он сдался, проспект Науки! Я тут сижусь, у меня тут магазины,

Нева, я бегу каждый день на работу пешком через мосты. Мне, можно сказать, Питер родной город. И в футбол я играть люблю больше всего на свете. И работу свою тоже. А больше ничего и не бывает.

В девяностых немножко это дело заглохло, а в двухтысячных снова поднялось. В 2006 году команду организовали. Меня выбрали капитаном, и мы выиграли сразу кубок концерна! Правда, в этом году скромнее, заняли третье место. Но призовые места у нас всегда. Всегда призовые места у нас. Чо? Мы и женский футбол развиваем, Натаха, правда? О! Натаха вам скажет. Тренируемся по четвергам и пятницам. Зал специально снимаем. Сначала я думал – народ не пойдёт. А народ таки пошёл! У нас теперь на заводе молодёжь! И все стабильно ходят! Глаза горят, мы это дело продолжим!

А что гоблинами нас называют... да это понятно, потому что мы когда в автобус сядем... ну так себе в общем, садимся уже в автобус... на турслёты когда ехать... Ну и что?! Зато наша команда единственная, где капитана все слушаются по первому слову! Меня то есть. А я всегда капитан. Кому ещё быть?! Меня все слушаются на раз-два. Я точно знаю, кто лучше по канату лазит, а кому на руках ходить. У нас вот был случай. Поехали трое кататься на лодочке. Уплыли, короче, куда-то в залив. А потом время уже. Спасательная береговая охрана едет проверять, где чо. Приезжает – не знаем, не знаем, уплывало трое, а в лодочке сидят двое. Меня пот прошиб. Куда третьего дели?! Оказывается, они его на берег высадили, он потом своим ходом пришёл. Вот уебан! Ну и нервов я натерпелся!

А гоблины мы потому, что мы всех удельываем, всегда побеждаем. Обычно я – капитан команды.

Соревнования каждый раз новые, не повторяются. У нас уже шутят: пора ехать на «Форт Байярд». Например, в этом году, когда мне сказали, что будут лошади... А что с ними делать? – подумал я. На них же некоторые даже залезть не смогут! Оказалось – десять человек на лошадях сидят и десять этих лошадей под уздцы ведут. Ничего, как-то справились, залезли... Кое-кто даже несколько раз залез... Я доскакал до самых Хельсинок. Там вещи очень дешёвые. Сплошная распродажа. Конь плыл. Потом – назад. Покормились, и в город. С тех пор всё время мечтаю на коне. Жаль, его хранить негде. И бензина он не жрёт. Непросто с ним.

Однажды были соревнования по городкам. Нашлось аж двадцать восемь желающих. А я был главным судьёй. Пришлось в Интернет залезть, посмотреть правила. Чурки, бабки. Интересно. А взяли биты, и началось. Один говорит: я через Центральную башню берусь перекинуть. Ставьте мне там на крыше все фигуры. Ну, наши чо. Полезли, поставили. А он со всей дури – херак битой! И в окно к F. А там со вещание. Все орут. Он херак, и битой попадает прямо в лоб начальнику своего цеха. Которого F как раз расплёк по самое не могу. Народ как-то даже расценил это как чересчур суровое наказание. А F не потерялся, биту хватъ, и назад её зафигачил. Ну и прямо в лоб ему попал. Ничего, шрам остался, нормально. Бумеранг такой вышел.

А ещё было, раз приходят ко мне люди постарше и говорят: а нам в каком виде спорта посостязаться? Решили устроить домино-турнир! Тридцать шесть человек играли, очень азартно. Средний возраст игроков составил восемьдесят пять лет. Да чего только

у нас не было. Зимой, в снегу, тянули здесь канат. Директор судил. Куча болельщиков пришла.

Ещё полоса препятствий была весёлая. Её не так-то просто было пройти. Условие такое: надо, чтобы из команды прошло шесть человек, а повторяются они или нет – неважно. Хоть один и тот же шесть раз, пожалуйста. Так вот: мы заявили пятерых мужчин и одну женщину. И когда один из мужиков не смог, наша женщина прошла полосу во второй раз! За себя и за того парня. Мне было приятно ужасно, что в моей команде такой человек нашёлся. А говорите, мы гоблины. Мы, может, и гоблины, но кроме нас, никто не умеет! Мы ведём себя ну так не совсем, может быть, чинно и по-светски, но зато только на нас можно положиться! Вот у нас на последнем турслёте девчонка потерялась. Отошла в кустики пописать и пошла. Ну, куда-то там пошла. Мы весь лес прочесали и её нашли. Оказалось, там военная часть... поймали её, разложили... мы вовремя подоспели, короче. Ещё бы не много, и турслёт бы... Не состоялся, скажем так. А вы говорите, гоблины! Если бы мы не были гоблины, мы бы и не справились! Натах, правда? Вот!

Вот бы ещё по миллиарду чемпионат устроить. Только столы все с дырками. Надо новые столы купить, хотя бы два. Народ хочет. Без дырок хочет.

[34. ЗВОНОК]

Наступает ночь, чёрная и ветреная, как и прошлая ночь. Ветер воет в дымоходах и вентиляции, свистит в скважинах. Черный цвет заливает всё. У чёрного множество оттенков. Блестящий чёрный и прозрачный, густой и жидкий чёрный. Директор L ложится в постель и мгновенно засыпает, рядом с ним жена. Звонит телефон, директор L знает, кто это, и мгновенно просыпается и берёт трубку. Это звонит генеральный конструктор «Золотого шара». Он перенёс инсульт, не может говорить, но звонит директору каждую ночь. Есть у Данилы L и такие обязанности.

– Алло, – говорит L. – Привет.

X молчит. Этим он говорит то, что должен услышать L. Обсуждает, весьма вероятно, новую модификацию «Золотого шара». Хотя точно никто не может знать, может быть, X пытается сообщить ему ещё что-то. В любом случае, ежедневные звонки – это очень сильное средство. Это говорит о том, что

Х к директору L хочет пробиться. Сквозь стену молчания и непонимания.

А L – он простой и добрый малый (был когда-то). Ему на фиг не нужны все эти мистические загадки. Да и Х они не нужны. Просто у Х в мозгу немножко всё сместилось. Стало всё подсвечено, расцвечено. Вот он и звонит каждую ночь. Ему, может быть, кажется, что это всё один и тот же звонок. А для нас и для L этот единственный звонок расслаивается на много, на каждую ночь. Кто прав, никто не прав, все правы, наплевать.

– Да-да, – говорит L. – Я слушаю.

Х молча говорит и говорит, убеждённо и красноречиво. Он говорит: не потеряем ли мы этот рынок? Вот взяли за «Золотой шар-M» – модернизированный. Взяться-то взяли. А условий нет. Нужен новый участок для хранения. Сейчас собираем, и на улице лежат! Очень нужно бы нам ангар для хранения построить. А ещё – купить бы нам установку гидроабразивной резки материала, которая листовое железо для корпусов «Шара» резала бы смесью песка с водой. Она – экологически чистая, при обработке металла не выделяется вредных веществ. Её можно рядом с колыбелькой ребёнка ставить. Ну, и дальше целая цепочка уже мечтается... Тут нужен и сварочный участок, на котором висят, как караваны верблюдов, караваны «Золотых шаров»... В общем, много чего надо, чтобы не отстать от Канады и Чехии.

– Надеемся в государственную программу попасть, Иван Борисович, – сообщает L. – Тогда будет и гидроабразивная...

Текут минуты, течёт потоком блестящая речь в гробовой тишине. Темнота на улицах меняет позу.

Золотая темнота под фонарями. Немота бесснежной зимы. Серый асфальт. Прижав к уху трубку, L сидит и не дремлет. Это одна из обязанностей директора. Последняя обязанность дня и первая обязанность ночи.

– Алло, алло, – говорит L. – Я здесь.

Но у ночи будет ещё и другая обязанность, увидеть сон. В белом, подпоясанного, директора N, который будет объяснять, что делать с заводом; или, в солнечных чертогах, Президента России, которому L будет горячо доказывать, что следует выпустить на свободу Ходорковского. Все сны у L горячие, так что, просыпаясь, он не сразу собирает себя по постели, он переворачивается, встаёт и начинает жить через пять минут после пробуждения.

– Нет, так нельзя, – возражает L яростной немой речи X. – Я бы не стал так безоговорочно.

Там что-то происходит, у X сменилось настроение, и L точно знает, что сейчас последует отповедь, гневная тирада. Её он, впрочем, не слышит, но от этого не легче. Ухо, прижатое к трубке, горит. Лепет молчаливых слов разлетается по комнате. Чем бы всё это могло быть, думает L, а вот уже вовсе и не думает, роняет трубку, но X на том конце кладёт её на рычаг, а что при этом думает X, уже никто никогда не узнает (заперся X и ключик выбросил), а что думает L – ничего не думает, дремлет в золотой тьме, просвеченной фонарём с улицы, и жена рядом, L понемногу замирает, засыпает, вечность проходит над ними, X больше ничего не говорит – было молчание, а теперь безмолвие. Снег принимается идти, и к утру улицы обвалены, а к полудню засыпаны.

[35. СВОЙ]

Когда-то на месте нашего завода стояла дача Волынского, был такой вельможа во времена императрицы Анны Ивановны, знаете? Я немножко раскопал. Волынский был кабинет-министр, выше этого положения служивый человек в те времена не мог рассчитывать подняться, а потом его казнили. А хрен его знает. Ну, не за какой-то мифический заговор, которого по большому счёту и не было, и тем более не за мелкие грешки, типа ну пятьсот рублей он взял из конюшенного ведомства – это же смешно, сановники того времени все брали. Конечно, он зарвался. Он и сам признавал, что у него тяжёлый характер, буйный, вспыльчивый, но дело не в этом. Просто к его приходу в кабинете, вообще при дворе, в российской политике сложился некий консенсус, такое сонное спокойствие, которое всех устраивало. Волынский стал его расшатывать. Причём то, что он делал и предлагал, – это были обычные адми-

нистративные меры. Повышение эффективности по отдельно взятым направлениям, интенсификация, разумные меры в духе продолжения дела, начато Петром. На революцию всё это никак не тянуло. Были, правда, у него ещё мечты. Но не в мечтах дело. Он их и не скрывал. Он свои проекты читывал публично. Справедливо полагая, что ничего крамольного в них нет! В них и не было ничего крамольного. Но сам факт. Волынский пренебрегал этим сложившимся консенсусом. Он ссорился с Остерманом. Он стал непосредственно докладывать императрице, без посредничества Остермана. И начинается такая ситуация. Волынский первым предлагает какую-то резолюцию, Остерман пишет возражение. Волынский приезжает в кабинет, а Остерман оттуда уезжает, чтобы с ним не встречаться. Под конец Остерман вообще перестал бывать на заседаниях, единственным докладчиком императрице стал Волынский. И тогда Бирон почувствовал в нём соперника, такого же крупного и дерзкого, как и он сам. Есть вещи, которые никогда не документируются. Мы никогда не узнаем, о чём Бирон говорил с Анной. Она колебалась долго. Её пришлось долго убеждать, что Волынского надо казнить. В этой казни была какая-то показательная, демонстративная жестокость, какое-то чувство мести, скорее Бирона, нежели Анны. Для Анны он был верным слугой. («Это мне за Артемия», – говорила она перед смертью.) Все понимали, что он не изменник. И даже в приговоре нет понятия измены. Ему инкриминировали, что он хотел склонить к себе офицеров гвардии и самому стать государем, чушь полнейшая, бредятина. Однако все конфидененты под пыткой признали, что Волынский хотел занять престол. Не то чтобы его

считали на такое способным всерьёз, но уже то, что такое решили ему вменить, само по себе это говорит о многом: можно было поверить, что он и на престол готов вспрыгнуть. Но сам он это намерение решительно отверг, несмотря на дыбу и пытки.

Его хотели живьём посадить на кол, а что такое кол, это надо понимать, это может быть несколько суток, человек насаживает себя всё дальше и дальше, его постепенно разрывает изнутри, однако государыня явила милость и заменила кол четвертованием. Сначала им отрезали языки, замотали рты тряпками, сквозь которые сочилась кровь, привели на эшафот, Волынскому отрубили правую руку, затем голову. И за что, за что его казнили? Да только за то, что он стал в какой-то момент другим.

Вдруг всё переворачивается, и это другое становится главным. Ты вдруг ужасаешься и понимаешь: я жил не так, всё, что я делал, это неправильно.

Многие думают, что я вернулся потому, что у меня отобрали бизнес. Нет, это не так. Вернее, бизнес у меня действительно отобрали, но это случилось гораздо раньше, и это был уже не первый бизнес, который я потерял. Я умею терять, умею подниматься и начинать всё сначала, и я действительно начал всё сначала, уже по третьему разу. Я снова открыл своё дело, было очень трудно, но мы снова начали подниматься. К моменту, о котором я говорю, мы уже почти вышли на тот уровень, когда не то чтобы можно не беспокоиться, но когда фирма живёт, когда это нормальный рабочий режим, вот какое было положение моё на тот момент. Я двадцать лет был предпринима-

телем, целая жизнь, и на тот момент я не был банкротом, не был в жопе. Просто мне позвонил директор нашего завода, тот парень, с которым я когда-то работал бок о бок, и сказал: возвращайся.

Вам может показаться: в каком смысле «нашего» завода, завод же всегда был государственным, а тот бизнес, который был у меня, он был действительно мой, например. Ну, на это я не знаю что сказать – тут у меня нет ответа, почему это так, а не иначе. Я спросил: ну и сколько ты мне даёшь на обдумывание? Пять минут, говорит. Ну, мне не понадобились.

А про Волынского почему, да очень просто. Наш завод стоит на его земле, на том месте, где когда-то была его дача. Да нет, ну призрак не бродит по цехам, конечно, у нас тут столько всего случилось, это была бы целая толпа призраков. Замученные ткачихи с фабрики Штиглица и всё такое. Но да, на его земле, поэтому и улица называется Волынкина. Я в своё время заинтересовался, наткнулся на эту историю, на эту личность, стал разбираться в деталях, взяло меня за живое, а потом я вдруг увидел в одной книжке его портрет, сейчас я вам его покажу, и вы поймёте, почему я вот такие дела, понимаете

удивительно? а мне-то как удивительно

(В ночь перед казнью Волынскому приснилось, будто он входит в незнакомый, совершенно тёмный храм. Ему навстречу – священник. Несмотря на темноту, лицо и одежда священника хорошо видны. Волынский спрашивает: отчего свечей не зажигают? «Подожди, –

отвечает священник, – ужо все будут гореть». Этот сон Волынский рассказал караульному офицеру Каквинскому, и оба удивились, когда в камеру вошёл священник Фёдор Листиев, чтобы исповедовать преступника перед казнью: он и был тем священником из тёмной церкви.)

[36. ЧУЖОЙ]

Как хорошо, что ты вернулся. Стал такой тёмненький. А мне нравится. Чем-чем вы торговали? Метизами. Ну вот, от железяк тебе не уйти. Развалились? Ага. А мы тут нет. А мы тут – вот... Да-да, девяностые, они прокатились... укатали. Устал немного. Сбежал с производства за лёгкой наживой. Ничего. Ты здесь незаменимый будешь. У нас всего тысяча народу. Так что заменимых нет. А будешь ты у нас... О! Ты будешь пиаром. У нас нет пиара. Мы дадим тебе кабинет, где раньше арендовало посольство Сенегала. Там, правда, немного пыльно и висит типа магическое зеркало вождя. Но ты пыль вытри. А с зеркалом я тебе напишу, как общаться. Военспецам, гы-ы, командует – слушаются.

Кабинет посольства Сенегала уныл. Магическое зеркало висит и не отсвечивает. За окнами тоскливый заводской двор. Пыль полосатыми слоями висит в неподвижном воздухе. Лампочки дневного све-

та бушуют и трещат над головой. Чего Данилка тут навертел-то? Завод вроде. А не предвиделось никакого завода-то. Открывает шкаф; вываливаются килы старых чертежей. Берёт их в охапку и отправляется во двор, к помойке. Чиркает спичкой. Будешь мне рассказывать.

Никто небось не вернулся. Один он такой дурак возвращаться. Как быстро проходит жизнь! Жизнь-то, о-о, как быстро она проходит! И какая тоска! Какая тоска! Над заводским двором тоскливое серое небо. А прошло-то всего десять лет! Десять лет-то всего только прошло! (Попирая ногой пепел старых чертежей). Выгребная яма для снега. Розовая линия на стене. К горлу подкатывает тошнота.

Вдруг на периферии взгляда возникает странная сцена. Молодцеватый страшнозубый юноша катит тележку, на которой качается огромный штабель коробок, утыканных фиолетовыми печатями. Вокруг тележки въётся старушка Тася-регулировщица в драных уггах своей правнучки. Её лицо покрашено в могильно-арлекиновые цвета. Брови зачернены. Привет, Z! – кричит Тася. Скажи своему приятелю, чтобы хоть, что ли, щебёнки подсыпал! А лучше заасфальтировать! Ты где был-то, Ходжа, в армии? Родину защищал? Нелепость Тасинога предположения заставляет страшнозубого юношу разгоготаться неожиданно смешным смехом. Z замечает, что в ушах у него монеты. Помочь довести? Не надо! Мы тут уже каждую выбоину знаем! Давай, С, двигай! Давв-вай! – и они исчезают в боковой норе главного корпуса, вдвинувшись туда с лязгом и кряхтеньем. Сапоги у обоих рваные. У меня скоро будут такие же.

На лестнице Центральной башни всё как прежде. Не померкли кинескопы, которыми обклеил стены директор V. В кабинете директора по производству орёт директор по производству, несгибаемый F. Потому что четвёртый день не могут сделать нужное количество!! Нет, тебя я не виню, ты ни при чём! Ты заказал – тебе должны сделать. Но вы-то, какого хера вы не работаете?! Все месяц на ушах стоят! Стараются сроки соблюсти! А потом из-за вас всё летит к чертям собачьим!!.. Меня ЭТО не волнует! Это я знал уже в прошлом году!!.. К вам перевели I и U, для вас ВСЁ сделали! Чтобы вы стали нормально работать!! Идите!!.. Позор!!.. Из кабинета на Z вываливается начальник девятого цеха Пал Палыч P (младший, тот, что мыл «Волгу» директора N) с пылающими ушами и выпученными глазами, за ним летит главный диспетчер A, а за нею начальник шестнадцатого G на полусогнутых. Z стучится и заходит. F пьёт из носика чайника. Ага, Z, припёрся! Блудный сын! То-то же! А я тебе говорил – держись за трубу, сынок! Держись за трубу! Не расстраивайся, ты бы всё равно директором не стал! Ххех. Ты приходи завтра веселиться, там молодежь устраивает что-то нерабочее. Всё, вали, у меня дел. Скажите, а где теперь Симочка M. Ушла? Нет, работает себе... Их, знаешь, во внутренний двор перевели. Ну ладно! Увидимся! – F резким движением тушит сигарету и хватает трубку: алло! (Впечатлительный F подражает директору N, при котором начинал; демократичное тиранство; умение увидеть человека в работнике и наоборот; замашки; сигареты; всех по именам и на ты; спиртяга в чайнике.)

Ну что: к М. Лучше сразу. В первый же день. Увидеть, плюнуть и забыть. Z входит во внутренний двор. Ворота туго забинтованы пожарным шлангом и замазаны известью. Мелом крест. Z поскользывается и с размаху падает на лёд. Ладони ошпаривает. Z вскакивает как пробуждённый. Напутал старик, что ли. В какой ещё двор?! Значит, с той стороны. Однако 15–30; спешить надо, уйдёт. Z скачет обратно к Центральной башне. Вбегает на пустынный второй этаж (а были здесь цеха и цеха, народу было густо). Кажись, где-то тут был сквозной проход. Этот? Нет, этот! Перекрасили, ничего не узнать. Z устремляется по проходу. Поворот, ещё один. Новые двери и вывески. Выход на зелёную лестницу. Теперь – странный выверт – надо подняться на третий, потом через коридор, а там вниз во внутренний двор. Наверху темно. Так и должно быть, свет впереди. Z на ощупь пробирается по коридору третьего этажа. Где же свет? Маленькая лесенка вниз, тут когда-то был отдел технической документации, сверхсекретная Маргарита Константиновна ела документы перед прочтением, а теперь, похоже, тут никто не то что не работает, а даже и не бывает. Z становится не по себе. Нет, кажется, отсюда выхода во внутренний двор нет. Может, спуститься по зелёной лестнице? Так же, на ощупь, – назад; вот уже и выход на зелёную лестницу; теперь вниз на второй... но дверь, тяжёлая дверь, обитая клеенкой, оказывается запертой. Чья-то рука захлопнула эту дверь, пока Z метался по закоулкам и тупикам отдела технической документации. Или, может, ветер. Но теперь выхода вообще никуда нет, больше отсюда нет выходов.

Z садится в продавленное старое кресло на площадке зелёной лестницы между вторым и третьим.

Тускло светит лампочка сквозь сетку неработающего лифта. Z закуривает. Времени без пятнадцати четыре. Она, конечно, уже ушла. Вполне может быть и так, что... Что здесь вообще никто не бывает постоянно. А это значит, что... до Нового года никто тут и не появится. Никакой на свете зверь не откроет эту дверь. Мобильник Z остался в кабинете. Но ему не страшно. Я почти не спал сегодня. Ворочался, о чём-то думал, думал... Понятное дело, я думал о М. Не об этом же сраном заводе «Свобода». Я вообще пришёл сюда только потому, что ведь надо же куда-то прийти. Но я здесь чужой. Я и тогда был здесь чужим. Мне надо уехать жить в тёплую страну; я полуузбек, полуеврей. «Какой ты стал тёмный». Пыльный зелёный свет, как в зрительном зале на генеральной репетиции спектакля. Мысли Z торжественно громоздятся и путаются. Он дремлет.

Z просыпается оттого, что на него кто-то смотрит. Вздрагивая, он открывает глаза. На площадке третьего две женщины; в пальцах по сигаретке. Смотрят. Господи Боже мой, да это Ходжа! Z моргает. Он ослеплён. Какое там плюнуть. Во рту пересохло. И глаза ещё зеленее. М, пытается вымолвить Z. Снимает и протирает очки. Протирает лысину. Встаёт. Одёргивает пиджак. Спокойнее, надо найти точную формулировку. Милая М, они с тобой ничего не сделали.

[37. БОБЫШКИ]

Позапрошлый директор завода, V, пожелал ознакомиться: что сделал новый, молодой (всего пятьдесят) директор L с подведомственным ему предприятием. Такую возможность директор L директору V, конечно, устроил. Директор V пришёл в цех, скачет по цеху, рассматривает и трогает станки с программным управлением и произносит блестящие речи. За ним приглядывает и ходит нынешний директор L. Ему важно, чтобы директор V оценил, как он работает. Оценил бы, как вырос L и что он стал настоящий хозяин, вошёл в самый сок. Из этого страстного желания L очевидно, что на самом деле L ещё не вошёл в самый сок.

Вот, прошу любить и жаловать, это наш D. Старейший механик завода. Сколько ты здесь, на этом месте, работаешь? Уже пятьдесят семь лет. В одном цеху. На одном рабочем месте. На самом деле – мы с ним вместе начинали. Только он сделал карьеру,

а я – нет. Так на этом самом месте и остался. Ну, потому что он же негодяй... Негодяй. Конечно. Я и не... Приходится часто принимать решения, которые... Зато D у нас – чистый ангел, потому и карьеру не сделал. Но зато меня не будет, и никто не пожалеет, а если D у нас загнётся – завод в тот же день встанет. Он преувеличивает. Да и вообще, с чего бы нам погибаться? Правильно! Мы не загнёмся. Мы мужчины в самом расцвете сил. Сколько тебе было, когда ты сюда пришёл? Пятнадцать, как и тебе. А пришли мы с D сюда, потому что были троечники, и никакие предметы в школе нас особенно не интересовали. Разве что физкультура. Прикрепили нас к Данил Данилычу... И он нас обучал тонкостям и премудростям мастерства. Причём D у него как раз стал учиться хорошо, а я учился плохо. Поэтому я остался слесарем, а D перешёл в механики. Ага, и поэтому ты у нас теперь вон куда, а я так механиком и остался. Работа интересная, уходить с неё никуда не хочется. У меня тоже...

А между прочим, я в свои девятнадцать лет получал знаете сколько? Тыщу семьсот рублей. Народу тогда работало! Грубо говоря, попа к попе. Внизу ребята у станков в очередь стояли. А мы, сборщики... С завода не уходили ни в выходные, ни в праздники! И мы никогда не задавали вопросы, как это сделать или то сделать. Мы смотрели чертёж, и, если чертёж был читаемый, мы по нему работали. И мы всегда знали, что за изделие. Для чего оно. Все технические характеристики. Если где-то ракеты запускают – у нас праздник. Оборудование-то всё наше. Помню, как сейчас, Пауэрса сбили... А мы для «Волхова», которым сбили, шкафы клепали! И начинку кое-какую тоже. Или вот – Карибский кризис... Вся геополитика,

она вот тут, вот этими руками делалась! А через мои руки практически 80% всех изделий прошло! Лоханка стояла, и каждый фильтр бегаешь туда окунаешь, моешь спиртом. Сердце кровью обливалось! Помню, мы только-только «Золотой шар» начали собирать. Вышла с ним история. Он весь из нержавеющей стали, а нас никто не предупредил. Там колёса во-от такие, огромные. А посадка должна быть и плотной, и чтобы легко снималась. Стали подгонять, постучали – не идёт. Тогда мы пошли на первый этаж, а там у нас стоит пресс двадцатипятитонный. И мы его под пресс... Колесо разошлось, превратилось в «розочку»!

Директор V движется вдоль стенки, опережая самого себя, с неубывающим проворством и живостью. Он хаотично приближается к рабочему месту токаря Q. Рабочее место залеплено кибер-героями славянской национальности. «Будь одиноким волком!» – гласит девиз Q. Семь лет назад Q сблизился с девушкой Яной, продавщицей в магазине бытовой техники. Q нежил Яну, воспитывал её маленькую дочь, подвесил на даче качели, кормил земляникой с ладошки. Однажды дурак Q полез в почту Яны и обнаружил там зрелую блядскую переписку. С земляникой было покончено. Теперь на даче Q только ржавые цепи от велосипедов валяются там и сям.

Бывший директор V, который в своём блаженном директорстве редко бывал в цехах, приближается к станку Q. Токарь? Прекрасно! А почему на завод пошёл работать? Ах, нравится? Чудесно. А ты хоть понимаешь, что это такое – заточить резец, как это важно – заточить резец? Конечно! Это же мой рабочий инструмент. Я считаю, что жить должно быть ради было бы для чего... чего жить ради чего. Ради для

чего. Да-да! – взволнованно подхватывает директор V, своей присоединяющейся натурой уже почувствовавший, что имеет дело с родственной душой. Резец заточить! Директор V тоже был токарем, правда, совсем недолго, но без этого нельзя ж, если не быть и токарем, и одновременно чуть-чуть актёром, никогда не станешь... ну то есть. Вот ты мне скажи, вот ты человек молодой, а почему в офис не пошёл, там же больше платят? С железками интереснее? Согла-а-сен! А вот как ты понимаешь, что вообще ждёт впереди? Тебе сейчас виднее, чем мне, я уже старик, понимаешь, мне восемьдесят пять, а тебе вот – что видно? Ну, ну, ну, это ты загнул, какой ещё там конец света, это ты меня, брат, не расстраивай. Это бред и чушь. Вот, знаешь, мы в своё время... ракеты запускали. Многие опасались. И вот оказалось, как ни странно, что мир прошёл сквозь это. И сквозь это тоже! Думаешь, переселимся? Вот это было бы круто, но мне трудно себе представить.

Так они беседуют, а директор Данила L между тем бродит рядом за станками, и мысль его, под разговоры Q и V, уходит в другую сторону: на завод вскоре приезжает комиссия, которая будет проверять, что там с «Золотым шаром», можно ли доверять «Свободе» выпускать новую его модификацию. Тендер выигран, да завод в таком состоянии, что... А может, вместо того чтобы водить комиссию по цехам, лучше снять фильм? Снять фильм о заводе, о «Золотом шаре», да и показать его комиссии. Так когда-то и поступил директор V. Комиссия посмотрела фильм и осталась довольна. Сделаем так же и мы. А то... ангара под готовые «Золотые шары» у нас нет; и вообще; тряпки и спирт, железная стружка и неприличные

картинки на стенах. Токарь Q весело смеётся впервые за несколько месяцев, и V тоже смеётся. Резец заточить! Директор V вцепился в пуговицу токаря Q, да-да-да! Именно! Ты совершенно прав!

За окнами подсолило снежком, и профиль женщины, складывающийся из трещин в асфальте напротив Центральной башни, становится белым, прозрачным и ледяным.

[218]

[38. РЕМОНТОПЛИВНОЙ ЗАВОДЧАН]

Моя мама убирает ремонтопливную завода «Свобода». Это огромное резиновое поле под крышей. Резина твёрдая, почти как асфальт. Если разбежаться и подпрыгнуть, то можно ощутить, как она пружинит под ногами. Если лечь где-нибудь под станком, там, где резина не утопанная и не грязная, и понюхать и лизнуть пол, то земля там имеет запах и вкус резины. В ремонтопливной люди делают более высокие и широкие шаги, чем по обычной земле. Это сделано для того, чтобы люди на заводе быстрее перемещались, ведь ремонтопливная большая. Мне на резиновой земле всегда хочется скакать и бегать. Но мама объяснила мне, что это опасно. Одна женщина скакала по ремонтопливной, ударилась виском о железяку и умерла.

Дорога в ремонтопливную проходит через множество приятных и неприятных мест. Сначала приходится дышать ртом. В других местах на заводе пах-

ЗАВОД «СВОБОДА»

нет хорошо: кирпичом, железом, асфальтом и дымом. Но есть место, рядом с проходной, где пахнет очень плохо. Поэтому когда мы проходим через проходную, я заранее зажимаю внутри нос и начинаю дышать ртом. Но мой мозг всё равно вспоминает этот запах, так что зажимать нос изнутри не очень помогает. Потом мы выходим во двор, и мне приходится зажмуриваться, потому что мы идём мимо большой квадратной ямы, а я там однажды увидел убитую кошку кишками наружу. Во дворе растут деревья. Осенью на них росли маленькие радиоактивные груши. Их нельзя есть, но маленький кусочек можно. Вкус этих жёстких груш средний. Под грушами также растёт боярышник, шиповник и кое-где барбарис. Всё это радиоактивное. Но одну ягоду можно.

После двора мы оказываемся в большом кирпичном восьмизэтажном доме с башней на крыше. Мы вызываем лифт. На заводе лифты очень хорошие, и я их не боюсь. Они хоть и старые, но крепкие, не разболтанные, и в них не трясёт. В них не написано и не нарисовано никаких неприличных картинок и слов. Нет там надписей «Кто из блядей худшая блядь» и «Вика корова». Не валяются объедки пряника, семечная шелуха и окурки. Единственный недостаток есть у заводского лифта: он может остановиться раньше, чем надо, и открыть двери. Надо просто ещё раз нажать на кнопку, и он тогда едет правильно.

Когда выходишь из лифта на пятом этаже, то попадаешь в самое прекрасное место на свете. В этом месте я хотел бы жить после смерти. Стены здесь обделаны красивыми пузырями с розово-голубым

нежным отливом. Каждый из этих пузырей похож на космос.

Потом приходится затыкать уши, потому что дорога в ремонтопливную ведёт через тридцать пятый цех, а в этом цехе всё время что-то зловеще гудит.

И уже после этого цеха мы наконец входим в ремонтопливную. Мама начинает убираться, а я просто хожу, всё разглядываю и ищу всякие штучки: гайки, шестерёнки, колёсики, железные палочки и другие бобышки. В последнее время ничего, правда, не находится. Наверное, все бобышки подобрал Вертер.

Мне очень нравится фамилия Вертер. Вообще с заводом связано много хороших фамилий. Например, Вертер, Допкис, Задорожный, Фраткин, Ратманов. Эти фамилии слышатся в разговорах мамы и разных людей на заводе. Я бы хотел иметь такую красивую фамилию. Вместо этого у меня фамилия Соломаха, от слова «солома». Правда, на заводе есть и много некрасивых фамилий. Например, Сепитый. Человека с этой фамилией я знаю. Он медленно ходит в негнущихся штанах. Обычно он молчит. Я с ним не здороваюсь. Однажды он мне сказал: шляешься? Лучше б матери помог. Корячится с тобой одна. Мне стало стыдно. Я подошёл к маме и сказал: давай-ка я тебе помогу. Но мама, конечно, сказала: ты мне помогаешь тем, что не мешаешь.

Пока мама работает, мне с ремонтопливной выходить нельзя. Завод «Свобода» с советских времён секретный, и, если я на нём потеряюсь, меня никто не будет искать и никогда не найдут. Я часто смотрю в окно и придумываю истории о том, как я жил бы на заводе, если бы заблудился. Думаю, я бы не

умер. Ведь я знаю, где столовая, я был несколько раз, и меня там кормят бесплатно. Спать бы я ночью ходил на четвёртый этаж того дома, в котором проходная. Там касса, а к кассе ведёт мягкая красно-зелёная дорожка. Я завернулся бы в неё, как Волк из «Ну, погоди», и мне было бы очень уютно внутри этого рулончика. В кассе пахнет очень изысканно, это канцелярский запах, связанный с такими словами, как «рейхсканцлер» и «секретарь бюро цуката позцесс».

Однажды мама убиралась там вместо тёти Люси, а меня заперла в один маленький кабинет и дала карандаш порисовать. Я стал открывать ящики стола. В одном из них были спички. Я случайно засунул карандаш в отверстие большого железного ящика, незаметно видневшегося в стене, так что ящик открылся. Долго я зажигал спички и бросал их внутрь железного ящика. Я скомкал несколько бумажек, которые оказались внутри ящика, и устроил небольшой костёр. Я всё делал аккуратно, и мама ничего не заметила.

Итак, я спал бы в том доме, где ковёр. Всё остальное время я ходил бы по заводу, научился бы работать на станке и постепенно стал токарем. Иногда я навещал бы маму, когда она моет ремонтнопливную.

Но это лишь фантазии, потому что на самом деле я просто боюсь выходить из ремонтнопливной один. Ведь, чтобы потеряться, надо сначала пройти через цех номер тридцать пять, где всегда стоит зловещий гул. Поэтому не теряюсь, а нахожусь в одном и том же месте – в ремонтнопливной, и мне там иногда скучно.

В самом заброшенном уголке ремонтнопливной стоит одна пыльная заброшенная железяка. Раньше около неё валялось много бобышек, но я их все собрал, и теперь там так же скучно, как и везде. Одно хорошо, что пол там ещё резиновее, чем в остальной ремонтнопливной, и желтее. Так что на полу у заброшенной железяки можно очень высоко прыгать. Ещё за железякой поставлены в стопочку заброшенные доски, сделанные из ткани, натянутой на деревянные тонкие дощечки. Они очень пыльные, но если постараться, можно прочитать, что на них написано белыми буквами. Вот что на них написано:

«Не допускай увеличения времени пролёживания!»

«Крепкие тылы – изделие без брака!»

«Соблюдай режим! Враг не»

И ещё там лежит дощечка поменьше, на которой написано

«заводчан!»

Но однажды мне стало так скучно, что просто кошмар, и я нашёл маму и стал её просить и умолять: пожалуйста, разреши мне пойти прогуляться до лифтов! Я хочу побыть немного на лестнице, где стены обделаны пузырями. Я не заблужусь, умоляю тебя, я же всё время хожу этой дорогой! Хорошо, сказала мама. Но только больше никуда. Побудешь там немножко и вернёшься обратно.

Я подошёл к двери, которая вела в цех тридцать пять. Сердце у меня забилося очень сильно. Я крепко заткнул уши, всем телом навалился на дверь,

дверь открылась, и я побежал. В тридцать пятом цеху пол не резиновый, а бетонный и весь в трещинах, так что я бежал очень быстро, делая большие прыжки, чтобы не наступать на трещины, и одновременно заткнув уши. Я промчался как молния через тридцать пятый цех и выскочил на лестницу, где лифты, и оказался в этом чудесном месте, которое так люблю.

Там было тихо и холодно, и пахло, как обычно на заводе: кирпичом, бетоном, горелой проводкой, а ещё свежим ветром и свежим снегом с улицы. Я стоял в этом волшебном месте очень долго, любуюсь пузырями на стенах, высоким потолком, на котором росла паутина, и слушая загробный гул тридцать пятого цеха, который отсюда было не страшно слышать.

Потом двери лифта разъехались и оттуда вышли, весело пихаясь, две толстячки в белых халатах. Да ну конечно, сказала одна. А те, кто живёт в Поддоне, наверно, называются «поддонки»! Нет, я серьёзно! – захохотала вторая. Если все деньги на это угробить, то, может, и не сломают...

И больше я ничего не услышал, потому что они обе улизнули в тридцать пятый цех. Они так спокойно вошли в это страшное место, и я подумал, что хорошо быть весёлым. И я решил быть весёлым и собирать шутки и анекдоты. И ещё я решил, что сейчас пойду обратно и не буду как трус мчаться заткнув уши, а спокойно себе пойду по тридцать пятому цеху, как будто я там работаю.

Но тут двери лифта опять разъехались, и на пятый этаж шагнул обезьяноватый мужчина. Ты чей, сказал он. Я ответил: здесь секретный завод, и это секрет. Мужчина засмеялся. Потом он посмотрел на часы

и сказал: курс видел? Не знаю, сказал я. Балда! – сказал мужчина. Короче, на башне был? Быстрее отвечай, мне через двенадцать минут... Не был, быстро сказал я. Пошли тогда посмотрим. Мы поехали наверх. На восьмом этаже вылезли из лифта, прошли по очень чистому и невысокому коридору, а потом ещё поднялись по железной лестнице. Мужчина открыл люк и вылез на крышу. Я тоже вылез за ним.

Мы оказались на крыше, под самым небом, на снегу. Мы оба были без курток. Но я точно знал, что мы не простудимся, потому что это не тот случай, когда простужаются! Мы были на башне! Мужик обвёл всю округу рукой и сказал: вот, мы на башне! А это – Курс!

Я увидел Курс. Он состоял из огромной антенны кругло-квадратной формы. Курс тихо, молча поворачивался на длинной высокой палке. А зачем? – спросил я. Если хоть одна вражеская лодочка захочет пересечь в плохую погоду залив, отделяющий их от нас, Курс немедленно даст знать. А если это будет дружеская лодочка в хорошую погоду? Тем более. Чай поставить, пряников купить.

Мои ноги увязали в снегу. Серое небо над нами казалось розоватым. Башня с Курсом была очень высоким местом. Я увидел и Нарвские ворота, и площадь, и собор, и даже вокзал. Мы пробыли на крыше совсем недолго. Всё, пошли, – сказал мужчина. Он загнал меня в люк и отвёл обратно на пятый. На прощанье я сказал: всё-таки давайте познакомимся! Меня зовут Саша Соломаха. А вы кто? Я – Фраткин, сказал мужчина. Я сказал: очень приятно, я о вас слышал. Я бы очень хотел быть Фраткин. Или Вертер. Фраткин сказал: ого! Я тоже хотел

бы быть Вертер, но я Фраткин, и на том спасибо. Пусть каждый будет собой: я – Фраткин, ты – Соломаха. Я сказал: мне не нравится моя фамилия, она от слова солома. Нет, она не от слова солома, а от слов «соло», то есть один, и «махач», то есть драка. Значит, ты – это тот, кто в одиночку может победить многих. Усёк? Усёк, сказал я.

[39. ИНТЕРМЕДИЯ]

несмотря вот будем прямо говорить на это я шёл через те же какие-то вот да как бы должности ступеньки этих лестниц, поэтому вот я не знаю набрал некую статистику, можно ли да вот эту самую структурную схему административную как вот это всё работает насколько это интересно да наверное это всё интересно особенно да но это не очень интересно // простите мне простите что к вам я не спешу последний посетитель под деревом сижу не пьётся светом тонкое осеннее вино а льётся чёрной жжёной осеннее вино уходят тропы дальние за границу дня и ночи опоздание не радует меня// на самом деле для меня завод это такая знаешь модель модель вот нашего государства как ни странно модель того вот знаешь как вот я не помню у ларса фон триера был один из его первых фильмов про психиатрическую больницу она называлась королевство это был телесериал я не помню он описывал эту мо-

дель общества существующую в реальности модель нашего государства в частности потому что этот завод в государстве и нам свойственны все те пороки и здесь есть социум здесь есть там бюрократия которая вот тоже собственно говоря всё ею пронизано и мы видим коррупцию потому что где бюрократия там и коррупция мы видим здесь и любовь наверное ну вот достаточно государство вот эти четыре вот как бы стены которые можно взять покрутить на столе и представить себе это общество в котором мы вот как-то и живём как ни странно я тоже замечаю ну по крайней мере мне так кажется // я человек чужой, отдельный во мне течёт чужая кровь как в трубах заводской котельной горячий ржавый кипяток все эти люди и железки мне не родные и ничьи но я иду дорогой этой и на верёвочке ключи как будто вовсе не отпетый как будто счастье включил // мы производим изделия да мы производим продукцию мы её даже поставляем нашим заказчикам которые её эксплуатируют но можно ли найти в этом смысл думаю что нет потому что эта продукция это не самолёты которые перемещают пассажиров там вот да из труднодоступных мест и не то чтобы мы были там вот да такими альтруистами наша продукция по большому счёту это оружие призванное что делать как говорится сам понимаешь поэтому учитывая что мы не в военное время живём где ну вот каждый да вот как бы впустую потраченный нами час был бы вот да подобен предательству или дезертирству мы делаем то что ну вот да никому не нужно как бы сегодня это ну вот знаешь да я и называю это музей как бы да вот военно-морской музей который да вот можно строить как бы до бесконечности но он не

приносит сегодня ни доходов ни расходов ничего ну вот как бы да поэтому ну вот о чём можно говорить // мне снилась синь и сильных линий подвесы вдаль за горизонт и каплет каплет мне под ноги и в сливах косточки шумят и я иду пустой и строгий как целлофановый наждак я тру железо прикасаясь и солнца слой лежит на нём мне можно веточки не трогать они меня не прорастут и эти вышки эти русла и я их не перерасту // скажем так люди которые вот попали к нам на завод они увидя всё это не то что как бы вот это их цепляет а вот они зависают как бы здесь на какое-то время но этого время его иной раз как бы вот достаточно чтобы забыв ответить на вопрос зачем я здесь остался здесь хотя говорить что это конечно не самые правильные как бы вот методы и не самая правильная вот позиция в жизни это просто неудачники как бы те которые у нас на заводе люди с амбициями какими-то конечно не будут работать здесь как бы да вот потому что встречаются же и нормальные люди как бы вот с амбициями а я могу на эту денежку жить не могу поэтому слава богу что работники отдела кадров они себе подобных вопросов не задают и совестью по этому поводу не мучаются не нравится уходите хотя на самом деле ну вот как бы да я выйдя из такого отдела кадров я бы просто вот ушел оставил // ах если бы я мог уйти оставить то я б уже давно ушёл оставил не разбудил бы никого ушёл оставил но я и так уже уйду оставлю // я бы здесь устроил диснейленд по крайней мере приносил бы пользу и доходы на месте завода хотя бы хотя я уже присмотрел получше место у нашего концерна одно из предприятий есть такой же завод там в отличие от нас остался пио-

нерский лагерь и они его сегодня пытаются эксплуатировать если бы туда поставить управленца диснейленд бы безусловно случился как бы да вот если бы тут была другая страна и другой народ // мне хочется шара и круглого дыма мне хочется мультиков и эскимо и всё что нельзя а нельзя ничего ничего так жить невыносимо больше сказал один и взял топор так жить невыносимо больше сказал другой и до сих пор себе живёт невыносимо и не выносит ничего и даже город Хиросима но вы не трогайте его // почему я так много тут работаю да работаю много а что делать ну да вот работаю и никогда не уйду с завода как бы вовремя да и в моём представлении значит это так что я просто не могу делать работу которую как бы да я делаю я не могу там делать её плохо потому что всегда есть выбор ты проводишь целый день от восьми утра и там вот до девяти десяти вечера и я думаю как бы просто как бы какое-то моральное удовлетворение оттого, что да вот пропадаю на заводе ну я тебе скажу отчасти я тебе говорил да для меня завод и продолжение отца и много чего ещё на заводе мы снимали кино мы создавали выставочные экспонаты делали выставку и много чего ещё для нашей как бы да корпорации такой как бы да своего рода тимбилдинг много талантливых людей есть и прочее на заводе у нас есть собственно говоря я и те люди которые могут это делать мы это делаем нам это не то чтобы в тягость и люди которые попавшие как бы да вот внутри себя как бы самореализация вот как бы да и я понимаю что это ну как бы да ещё вот значит да как бы получаем скажем так вот те эмоции который так скажем да вот ну определенно в этом месте получить ну наверно

вот знаешь ну вот там а завод обречён будущее его
предрешиено о чём тут говорить

носит с собой записную книжку в виде потрёпанного библиотечного издания «Что делать» Чернышевского: корешок, обрез, обложка – всё имитировано с совершеннейшей точностью, так что когда у него спрашиваешь, что он делает с этим «Что делать», читает, что ли? – он отвечает «нет, пишу» и распахивает тебе ежедневник, километры пустых страниц, которым, однако, рано или поздно придёт конец

[40. ИНЖЕНЕР Н]

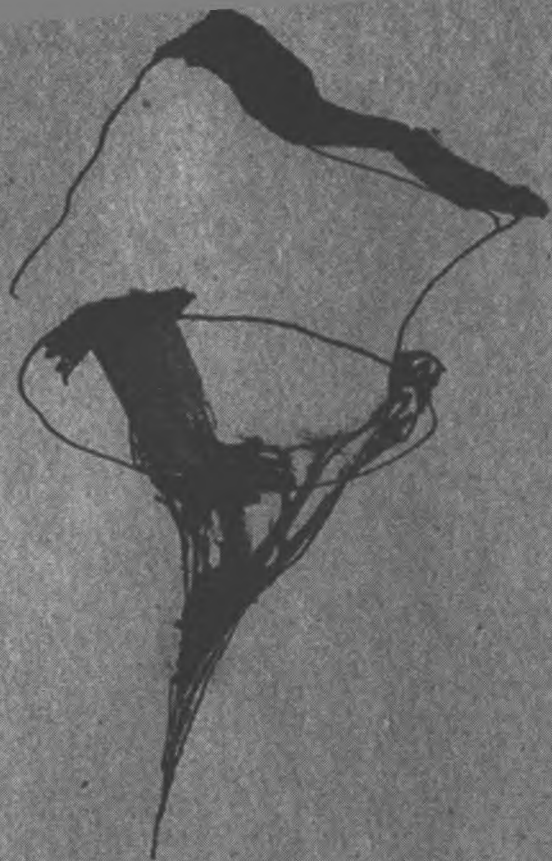
АШ всегда, всю жизнь чувствовал нехватку, скудость жизненных сил, серость, узость потока, который тёк через него. Может, это оттого, что детство АШ пришлось на трудные годы, когда ели только яблоки, картошку, хлеб да капусту, а пили (кроме спирта) главным образом «пятиминутку» из чёрной смородины с водой. АШ всю жизнь был худ и невысок. Белёные волосы стриг коротко, а после двадцати пяти начал слегка лысеть, да много от себя и не ждал. Не досталось АШ ни отца, ни братьев-сестёр; ни приметной внешности, ни чрезвычайных талантов. Но и полной беспросветности не досталось: ни отчаяния и нищеты, ни глупости. Нет, АШ был втайне и отчасти умён, иногда и весьма чувствителен, да и неброского чувства юмора (для собственного использования, ибо АШ был скорее молчалив) ему хватало.

Впрочем, нельзя сказать, чтобы АШ из-за этой нехватки впадал в уныние. Да он вообще о таких во-

просах не думал. АШ ел что дают, делал что должно, записывал решения задачек синей шариковой ручкой, хвостик которой всегда был им изгрызен, таскал на тощей спине замызганный синий рюкзак, вставал рано и завтракал в кухне, полной синих теней, ёжась от холода, бежал вниз по старой тёмной лестнице. В школе АШ не выделялся, ни в обычной дворовой, ни в математической, куда перешёл в восьмом. Всё же и совсем неприметным не был; в целом славный малый, адекватный, чёткий парень, не то чтобы такой уж тихий – обыкновенный; сунет руку – привет; в футбол – завсегда пожалуйста; разговор поддержать – вполне. Он даже входил в число десяти сильных учеников класса, в верхнюю треть: Петров, Иванов и так далее (когда учитель их перечислял, то АШ не упоминался, но всегда имелся в виду).

А нехватка? Ну, порой АШ думал: «и чего я такой тощий?» И ещё что-то похожее иногда чувствовал: что есть ещё что-то, чего могло бы быть побольше; возможность этого в себе, какие-то недоразвившиеся ростки; как если бы дальтоник вдруг увидел розово-зелёный сон, а потом проснулся и недоумевал: что это было, как называется? – но не настолько сильное чувство, а лёгкое, почти невесомое; но непрерывное, как гул, как пыль.

Потом АШ поступил в вуз, конечно, на инженера, и учился ничего так, писал своим куриным почерком конспекты; кем он будет, у него идей не возникало, он об этом не думал, где-то подрабатывал, помогал маме, а потом, на четвёртом курсе, приходит он однажды на кафедру обсуждать тему курсовой, и ему его научрук говорит: хочешь написать кур-

совик на заводе «Свобода», там начинают делать какой-то новый прибор, потом и диплом сможешь сделать приличный, заодно освоишься и, может, зацепишься, там инженеры нужны. Конечно, спасибо большое, – горячо поблагодарил АШ и отправился на «Свободу».

«Свобода» поразила АШ. Огромные пустые цеха, тень былого величия; по заводу его водил, конечно, не кто иной как одессит D, красноречиво простирая руку и взывая к модернизации, к новой промышленной политике, поддержке армии, Форду и Петру Великому. АШ ёжился, совал ладони-дощечки в карманы куртки и в целом энтузиазма не высказывал. Величественная и обшарпанная «Свобода» была явно не по размеру щупловатому пареньку-инженеру. И к тому же такая пустыня эта «Свобода». Здесь ведь восемь тысяч работало. А теперь тысяча. В ОКБ было восемьсот, а теперь сорок. Будущее туманно. Но, сказал D темпераментно, у нас сейчас новая разработка. Да, да. Первая за долгие годы. В нашем ОКБ. Мы её начинаем. Хочешь с нами начинать? Называется «Курс». Радиолокационная установка, будет стоять во всяких там портах, на дамбах, маяках. Очень перспективно. Конечно, спасибо, сказал АШ. И вроде как улыбнулся. Или нет. Неважно.

В общем, влился он в это ОКБ... И стал разрабатывать этот самый «Курс»... Занимался регулировкой блоков. То есть что-то, допустим, не работает, но не работает каждый раз по-разному. И почему оно не работает, предстоит выяснить АШ. Как говорится, сделать из говна конфетку... И АШ не просто влился, а увлёкся. Выяснилось вдруг, что все немыс-

лимые знания, которыми его пичкали в вузе, на самом деле у АШ в руках и в глазах. «Курс» рос. Два года спустя его разработали и отдали на производство. Теперь АШ днями пребывал в цехах, точнее, в цеху № 19, где происходила окончательная сборка первого «Курса». Каждое утро в половину восьмого он поворачивал со Стачек на Волынкину, форсировал пригорок и в без пятнадцати уже был на «Свободе». Платили не слишком много. АШ знал, что мог бы заработать больше. Но тянуло к работе, и тоже не слишком, а слегка, ровно настолько, чтобы не уйти.

А ещё был футбол. Когда парни позвали играть, АШ пошёл: мяч погонять любил всегда. В футболе проявлялись обычно скрытые, стёртые качества АШ: его лукавство, острое чувство ситуации, любовь к парадоксам, его лёгкость и прозрачность; а глаза его на футболе из серых становились стальными (хоть, может быть, кому-то и покажется, что серый и стальной одно и то же). Может быть, не хватало ему экспрессии, силы, напора, амбиции, но движения АШ бывали всегда скупы и отточены, он безошибочно чувствовал намерения друзей и врагов, его футбол напоминал шахматный блиц, и, конечно, с АШ победила бы «Свобода» и Путиловский завод, но побеждать его пришлось «Свободе» без АШ. На одной из последних тренировок АШ уронили, или он упал, в общем, парни чересчур увлеклись игрой, и вот уже АШ, хватаясь за ногу, лежал на песке и сосновых иголках и корчил жуткие рожи.

Лечение длилось месяц, весь остаток сентября и октябрь, так что когда АШ выпустили на свободу и он, совершенно, кстати, не хромя, преодолел перекрёсток

и форсировал Волынкину, он заметил, что парк Екатерингоф уже облетел и только на живой изгороди кое-где блестели мокрые красно-жёлтые листья. АШ шёл и незаметно для себя наслаждался округой, осенью, любимым знакомым пейзажем, который наблюдал третью осень, а вдали уже высились башни «Свободы», и там, на башне, ждал его «Курс», который за время его болезни поставили туда и ещё на дамбу. АШ миновал проходную, поднялся на третий. В ОКБ все были ему рады и он был всем рад. Он стёр пыль с экрана и включил компьютер. Начиналась новая разработка, продолжение «Курса», обещавшая ещё несколько лет интересной работы. А ты на башне-то был, спросила Лида М. Ой, да ты ведь не был, вот сходи. Сходи на башню, если, конечно, нога нормально. Да нога нормально, спасибо, точно, пойду посмотрю, что мы тут все несколько лет клепали.

Башня, на которой установили первый экземпляр «Курса», была старинной башней. Она уцелела ещё с тех времён, когда на «Свободе» располагалась ткацкая фабрика. Артобстрел, уничтоживший в 1942 году половину цехов «Свободы», пощадил её: по ней пристреливались. АШ вылез на крышу и увидел станцию во всей красе. Он посмотрел немножко, а потом повернулся и стал глядеть на город. Ему было хорошо.

Чувство нехватки, то чувство, которое в нём было основным всю жизнь, вдруг неуловимым поворотом ключа как будто осветило мир; всё так же не доставало, но это было прекрасно. Хорошо жить, столько, сколько понадобится, и ты почти не переменишься, как не менялся до сих пор, и эта чуткость, и те-

[238]

чение времени, тёплая свежесть, воздушные токи вокруг, эта серо-белая дымка, в которой есть весь спектр, и «Курс», и новая разработка впереди, и узловатые веники тополей на чисто выметенном проспекте Стачек, и бледно-сиреневое небо над городом, – это и есть [...]

Санкт-Петербург, 2012

Букша Ксения Сергеевна
Завод «Свобода»

Ответственный редактор О. Старикова
Художник А. Рыбаков
Компьютерная верстка: М. Миллер

ОБЪЕДИНЕННОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
117105, Москва, Варшавское шоссе, д. 3.
Факс/тел.: +7 (495) 626-24-70; e-mail: izdatelstvo.ogi@yandex.ru

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВ ОГИ И Б.С.Г.-ПРЕСС МОЖНО ПРИОБРЕСТИ:
В РОЗНИЦУ В МОСКВЕ

- Книжный магазин «Москва», м. «Пушкинская», «Тверская», ул. Тверская, д. 8.
Тел.: (495) 629-64-83, 797-87-17.
- ТД «Библио-Глобус», м. «Лубянка», ул. Мясницкая, д. 6/3, стр. 1.
Тел.: (495) 781-27-37.
- Московский дом книги, м. «Арбатская», ул. Новый Арбат, д. 8.
Тел.: (495) 789-35-91.
- Дом книги «Молодая Гвардия», м. «Полянка», ул. Большая Полянка, д. 28.
Тел.: (495) 238-50-01.
- Книжный магазин «Фаланстер», м. «Пушкинская», «Тверская»,
Малый Гнездиковский пер., д. 12/27. Тел.: (495) 629-88-21.
- Сеть магазинов «Республика». Тел.: (495) 251-65-27.

В РОЗНИЦУ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

- Санкт-Петербургский «Дом книги», м. «Невский проспект», «Гостиный двор»,
Невский проспект, д. 28. Тел.: (812) 448-23-55.
- Сеть магазинов «Буквоед». Тел.: (812) 601-0-601.
- Книжный магазин «Все свободны», наб. Мойки, 28. Тел.: +7 (911) 977-40-47.

ОПТОМ

- КД «Б.С.Г.-Пресс», Москва, Покровский бульвар, д. 14/6.
Тел. (495) 626-24-72; +7 (915) 110-36-50.
- «А. Симпозиум», Санкт-Петербург, 20-я линия В. О., д. 5/7.
Тел. (812) 325-66-61.

Подписано в печать 30.08.13. Гарнитура Helios.
Формат 80×100 1/32. Объем 7,5 печ. л. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Доп. тираж 2000 экз. Заказ № ВЗК-02779-14.

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография», филиал «Дом печати –
ВЯТКА» в полном соответствии с качеством предоставленных материалов.
610033, г. Киров, ул. Московская, 122. Факс: (8332) 53-53-80, 62-10-36
<http://www.gipp.kirov.ru>; e-mail: order@gipp.kirov.ru

ISBN-978-5-94282-720-5

Организовать такой материал силой личностного восприятия – безумно трудно. А если это получается, то работа вызывает колоссальное уважение именно в силу материала, как будто ты тут и ни при чем – это вообще лучше всего!

Иногда читал просто с волнением, это со мной не часто уже случается.

Леонид Юзефович

«Завод» – триллер, любовный роман, социальная драма, все вместе, и, что особенно важно, – это книга постсоветского человека о советском опыте. Первая, может быть, книга, в которой осмыслена советская промышленная утопия. Ядовито, но без глумления, любовно, но без апологетики.

Дмитрий Быков